
РУССКИЙ
РЕВАНШ

АЛЕКСАНДР
ДУГИН

Философия войны

Москва
«Яуза»
2004

ВВЕДЕНИЕ

Мода на геополитику

В наше время слово «геополитика» вошло в моду. Его употребляют к месту и не к месту (чаще всего не к месту). Даже в Государственной думе создан специальный Комитет по геополитике. Но при этом ни сущность этой науки, ни ее методы не становятся яснее. Когда мы говорим о геополитике, что, собственно, мы имеем в виду?

Геополитика как наука сложилась во второй половине XX века на основе политической географии. Ее основателями были швед Рудольф Челлен и англичанин Хэлфорд Макиндер. Смысл этой дисциплины: многие закономерности в развитии государств, народов, культур, цивилизаций и религий предопределяются в огромной степени географическими, пространственными факторами. Иными словами — «география как судьба».

Сделав чисто научное открытие о тесной (и не осознававшейся ранее) связи структуры государства с пространством и ландшафтом, основатели геополитики сразу же перешли к конкретной политической практике, международным отношениям и военной стратегии. Это придало их исследованиям акту-

альность, и ученые, начавшие развивать новую науку, быстро сделали политическую и дипломатическую карьеру.

Позднее термин геополитика был в значительной степени дискредитирован тем, что его узурпировали германские национал-социалисты (впрочем, не следует забывать, что первыми к этой науке обратились не германские, а шведские, американские и английские авторы).

Выдающийся немецкий геополитик Карл Хаусхофер запятнал себя и отчасти само слово «геополитика» сотрудничеством с Гитлером, но агрессивные милитаристы Третьего рейха использовали в учении Хаусхофера лишь то, что соответствовало их собственным шовинистическим устремлениям, а остальное просто отбрасывали. Так, к примеру, Гитлером была целиком и полностью отвергнута идея Хаусхофера о «евразийском континентальном блоке» по оси Берлин—Москва (!)—Токио. Этот «евразийский блок», по мысли Хаусхофера, должен был стать главным звеном всей немецкой международной практики и военной стратегии. Но вместо геополитического союза с Москвой, продиктованного научными геополитическими соображениями, обоснованными и развитыми Карлом Хаусхофером, гитлеровцы предпочли преступное (и самоубийственное для них самих) нападение на СССР, пресловутый Drang nach Osten.

Марксисты вообще отрицали геополитику как «буржуазную науку», поэтому на долгое время (особенно после войны) в СССР она была под запретом.

Лишь постепенно, и особенно в последние десятилетия, интерес к геополитике стал пробуждаться снова с новой силой. За короткий срок геополитика стала чрезвычайно популярной дисциплиной в во-

просах стратегического и военного планирования США, в настоящее время эта наука является общеобязательной во всех высших учебных заведениях Запада, готовящих будущих руководителей государств и ответственных аналитиков. Обязательной дисциплиной является геополитика и в высших военных учреждениях развитых стран.

К счастью, эре геополитического невежества в России тоже приходит конец. Появляются все более квалифицированные издания по этой теме.

В высших военных заведениях планируется введение обязательного курса по геополитике. Проникает эта дисциплина и в большинство стратегических и аналитических центров Администрации Президента РФ.

Интерес к геополитике неуклонно возрастает. Эта увлекательная и крайне эффективная с методологической точки зрения наука в скором времени получит в нашем обществе надлежащее признание. Нет сомнения, что информированность в этой области не замедлит положительно сказаться на всем процессе общественно-политических реформ и, шире, судьбе нашей славной и (все еще) независимой державы — великого государства Российского.

ГЛАВА 1

Парадигма Конца

Последняя степень обобщения

Анализ цивилизаций — их соотношения, их противостояния, их развития, их взаимосвязей — настолько сложная проблема, что в зависимости от методики, от уровня исследования результаты могут получиться не просто различными, но прямо противоположными. Поэтому даже для получения самых приближенных выводов необходимо применять редукцию, сводить множество критериев к одной упрощенной модели. Марксизм однозначно предпочитает *экономический подход,* который становится субститутом и общим знаменателем для всех остальных дисциплин. Так же, в сущности, хотя и менее эксплицитно, поступает либерализм.

Качественно иной метод редукции предлагает *геополитика,* менее известная и менее популярная, нежели разновидности экономического анализа, но не менее эффективная и наглядная в объяснении истории цивилизаций.

Еще одной версией редукционизма являются разнообразные *формы этнического подхода,* включая как свой экстремум «расовые теории».

Наконец, свою редукционистскую модель истории цивилизаций предлагают *религии*.

Эти четыре модели представляются наиболее популярными путями обобщений, и, хотя существует множество иных методик, вряд ли они могут сравниться с вышеупомянутыми по степени наглядности и простоты.

Так как понятие «цивилизации» является чрезвычайно масштабным — быть может, самым масштабным из тех, что способно выработать историческое сознание человечества, — то и методы редукции должны быть крайне приблизительными, оставляющими в стороне нюансы, детали, подробности, факторы средней и малой значимости. Цивилизации — такие человеческие конгломераты, которые имеют обширные пространственные, временные и культурные границы. Цивилизации, по определению, должны иметь значительный объем — они должны длиться долго, контролировать обширные географические регионы, вырабатывать выразительный культурный и религиозный (иногда идеологический) стиль.

В начале третьего тысячелетия от Р. Х. хочется подвести некоторые итоги в истории цивилизаций, так как круглая дата наводит на мысль о достижении некоего порога, черты. И следовательно, возникает желание свести разные направления цивилизационного анализа к единой, универсальной парадигме. Конечно, степень упрощения, огрубления и редукции будет здесь еще большей, нежели в четырех названных редукционистских моделях, но едва ли это следует считать непреодолимым препятствием. Любое обобщение (удачное или нет, оправданное или не очень) всегда наталкивается на бурную критику, которая может исходить как со стороны «узких специалистов», давно забывших об изначальных принципах

в водовороте деталей, так и со стороны сознательных (или бессознательных) сторонников иного обобщения, чисто прагматически использующих противоречия в мелочах для дискредитации целого.

Как бы то ни было, темы «конца истории» (Фрэнсис Фукуяма), «столкновения цивилизаций» (Самуил Хантингтон), «нового мирового порядка» (Джордж Буш), «новой парадигмы» (Нью Эйдж), «мессианских времен», «конца утопии», «искусственного рая», «апокалипсической культуры» (Адам Парфри) становятся все более популярными по мере приближения к границе века — границе Миллениума. А все эти темы в той или иной степени оперируют как раз сложными редукционистскими моделями, являющимися плодом сведения воедино более ограниченных методологий — в первую очередь четырех перечисленных.

Реальный марксизм

Учение Маркса было столь популярно в XX веке, что говорить о нем сложно, особенно в России, где марксизм в течение долгих десятилетий провозглашался официальной идеологией. Столь же болезненным и перенасыщенным аллюзиями и коннотациями этот вопрос представляется и для западных интеллектуалов, для которых полемика относительно Маркса была центральной темой философских и культурологических дискурсов. Маркс, как никто иной, повлиял на современную историю — трудно назвать имя мыслителя, сравнимого с ним по известности, популярности, тиражам книг. Но чрезмерная эксплуатация марксизма привела в какой-то момент к обратному результату — его идеи и доктрины каза-

лись столь универсальными, что их просто перестали понимать, превратив марксизм в «догму», в гаджет, в невразумительный штамп, который стал использоваться и толковаться совершенно произвольно. Марксисты-ортодоксы заморозили рефлексии в этой области, канонизировали взгляды Маркса даже в тех сферах, где они были наглядно опровергнуты ходом истории (как экономической, так и политической). Еретики и ревизионисты слишком растянули марксизм, включив в него идеи и теории, никакого отношения к марксистскому контексту не имевшие. И постепенно мы столкнулись с парадоксальной картиной: наиболее популярный и знаменитый мыслитель современности и его теории оказались непонятными, неизвестными, непроницаемыми для большинства. В конце концов гордиев узел марксизма был попросту ликвидирован — признанием философии и политэкономии марксизма заблуждением, а затем всеобщим отказом от этой идеологии. Чрезмерные превозношение и догматизация превратились в столь же чрезмерные ниспровержение и релятивизацию. Казавшееся столь внушительным здание марксизма было внезапно и повсеместно разрушено. Причем самыми рьяными ликвидаторами были именно силы, ответственные за создание отчужденного догматического культа Маркса.

Идеи Маркса сейчас практически не имеют наследников, но от этого они не стали менее глубокими или менее точными в решении определенных вопросов. Складывается ситуация, когда марксизм, полностью растерявший своих традиционных сторонников, может быть взят на вооружение совершенно иными силами, остававшимися в стороне от марксизма в то время, когда вокруг него царил интеллектуальный и политический ажиотаж.

Подобная дистанция и отсутствие ангажированности на предшествующих стадиях интеллектуальной истории позволяют переоткрыть Маркса заново, прочитать его послание так, как это невозможно было раньше. Совершенно ясно, что огромная часть культурно-исторических воззрений Маркса безнадежно устарела и многочисленные аспекты его доктрины следует отбросить в силу неадекватности. Однако необходимо беспристрастно рассмотреть те аспекты его учения, которые, напротив, полностью сохранили актуальность и которые помогут понять важнейшие аспекты парадигмы истории в ее экономическом и социально-политическом ключе. И здесь равных Марксу нет. Именно он сформулировал емкую редукционистскую модель экономической истории, способную с поразительной достоверностью, наглядностью и убедительностью объяснить ее сущностные процессы и ориентации. Поэтому нелишне будет вспомнить основы марксистского понимания формулы истории.

Подход Маркса к истории — диалектический, предполагающий динамическое развитие соотношений между главными субъектами исторических событий. Вместе с тем в его теории ясно просвечивает основополагающий дуализм этих субъектов, который предопределяет диалектику, является ее содержанием и этической основой ее трактовки. Эти два субъекта Маркс определяет как Труд и Капитал. Труд Маркс рассматривает как созидательный импульс бытия, как центральную ось жизни и движения, как некий положительный, солнечный принцип. Используя дарвинистские образы, марксизм утверждает, что «труд создал человека из обезьяны». Речь идет о том, что стихия созидания, производства является главным бытийным вектором, который направляет

процессы из горизонтального, инерциального состояния в состояние вертикальное, волевое. Труд, по Марксу, положительное начало, «светлый» принцип. В отличие от библейской этики, которая подразумевает, что Труд — результат грехопадения и своего рода проклятие Адаму за нарушение божественных заповедей (такое отношение к Труду характерно и для иных религиозных традиций), Маркс однозначно утверждает священный, позитивный характер Труда, его сакральность, первичность, самоценность и самодостаточность. Но в своем изначальном состоянии Труд, как первоимпульс развития и стартовый момент истории, еще не осознает себя сам, не может реализовать полноты присущей ему световой природы. Для достижения этого требуется долгий и сложный процесс движения по диалектическим лабиринтам истории. Лишь по мере страшных испытаний и тяжелых подвигов Труд, через череду диалектических самоотрицаний, сможет дойти до своего триумфального состояния, стать до конца сознательным, счастливым и свободным. Вся история, по Марксу, простирается между «пещерным коммунизмом» — изначальным состоянием, когда Труд был свободен, но не осознан и не универсален, — и просто коммунизмом, когда через лабиринты отчуждения он вернется к световой самодостаточности, но уже в тотальном, универсальном и до конца осознанном объеме. Человек стал человеком после того, как вошел в стихию Труда. Но до конца он станет человеком только тогда, когда сможет осознать абсолютную ценность этой стихии, освободить ее от всех примесей отрицательного начала, то есть при коммунизме.

Каков же отрицательной полюс марксизма? Что противостоит световой природе Труда? Маркс называет это «эксплуатацией», а высшую и совершенную

форму эксплуатации угадывает в Капитале. Капитал — имя мирового зла в марксизме, темное начало, отрицательный полюс истории. Между «пещерным коммунизмом» только что появившегося человека и конечным коммунизмом лежит долгий период эксплуатации, отчуждения Труда от своей сущности, испытания и лишения солнца в лабиринтах мрака. Это, собственно, и есть содержание истории.

Капитал возникает не сразу, он постепенно проявляется по мере того, как совершенствуются инструменты и механизмы эксплуатации световой стихии Труда темными силами узурпаторов. Развитие Труда способствует развитию моделей эксплуатации. Сложная диалектика постоянной динамики соотношения производительных сил и производственных отношений ведет оба полюса экономической истории по спирали развития. Противоположные цели и вектора деятельности тружеников и эксплуататоров объективно способствуют интенсификации единого политэкономического процесса. Производительные силы — это внутренняя структура Труда и его организации. Производственные отношения — модель взаимодействия этой подчиненной базовой структуры с эксплуататорским началом.

Стихия Труда — это стихия изобилия. Труд всегда производит нечто большее, чем необходимо для покрытия насущных потребностей самих тружеников. В этом сущность его положительного, созидательного, светового, солнечного начала. Труд производит плюс.

Этот плюс, этот переизбыток изымается темным полюсом, паразитом истории. Производственные отношения на протяжении всей экономической истории сводятся к экспроприации некоторой субстанции у носителей плюса носителями минуса. По мере

совершенствования производительных сил совершенствуются парадигмы эксплуатации. Но уже с самых первых шагов истории человечества можно обнаружить характерные черты двух сущностей, которые столкнутся между собой в полную силу лишь в ее конце. Первобытный труженик — зародыш промышленного пролетариата. Родоплеменная знать — зародыш Капитала.

Проходят долгие тысячелетия, и два субъекта мировой драмы доходят до наиболее чистого состояния, до конца, осознанного и резюмирующего все предшествующие этапы. Из рабовладельческого строя через феодальные отношения складывается капитализм, важнейший эсхатологический этап марксистской доктрины. Здесь вся сложная социальная картина сводится к предельно ясной дуальности — пролетариат как класс воплощает в себе результат экономико-исторического развития стихии Труда, а буржуазия концентрирует в себе абсолютизированный, наиболее совершенный, законченный и сознательный полюс чистой эксплуатации. Светлый полюс завершает свой трагический путь через лабиринты отчуждения, и темный полюс подходит вплотную к совершенной победе. Пролетариат и Капитал. Чистый Труд — пролетарий не имеет никакой собственности («кроме цепей») — и Чистый Капитал, превратившийся из того, чем обладают, в то, Что обладает, в стихию Чистого Отчуждения, Абсолютной Эксплуатации.

Маркс сводит к этой политэкономической схеме все остальные исторические, философские, культурные, социальные и научно-технические проблемы, считая их производными и вторичными относительно базовой парадигмы.

Далее, Маркс провозглашает, что вторая про-

мышленная революция, знаменующая достижение капитализмом своего пика, является поворотным пунктом мировой истории. С этого момента оба исторических субъекта — и Труд и Капитал — становятся не просто игрушками в руках объективной логики истории, но сознательными и самостоятельными ее субъектами, способными не только подчиняться необходимости, но и управлять важнейшими историческими процессами, предуготовлять их, провоцировать, проектировать, утверждать свою автономную волю. Речь идет не об индивидуальном или групповом, но о классовом субъекте. Пролетариат, став классом, становится исторической личностью, осознанным Трудом, наследником плюса на всех этапах развития. Капитал сосредоточивает в себе мировой минус, изъятие, отчуждение, но только в свободном, волевом, личностном состоянии. Отныне он способен планировать историю, управлять ею.

Труд и Капитал на этом этапе переходят на уровень идеи или идеологии, существуют отныне не только в объективной ткани реальности, но и в мировоззренческом пространстве мысли. Приход этих двух персонажей в сферу мысли до конца обнажает сущностный дуализм и в этой области — есть мысль Труда и есть мысль Капитала, есть мировоззрение плюса и мировоззрение минуса. Оба этих мировоззрения получают максимально возможную независимость и свободу, и вся область сознания превращается из сферы отражения в сферу творчества, проектирования. Мировоззрение Труда (пролетарская философия) и здесь сохраняет свой созидательный характер, оно создает и творит проект. Мировоззрение Капитала (буржуазная философия) остается сущностно отрицательным — оно узурпирует не присущую ему энергию умственного труда и репродуци-

рует пустоту, концептуализирует иммобилизм, замораживает жизнь, постулирует данность и отрицает задание.

Высшей и самой совершенной формулой Капитала является, по Марксу, английская либеральная политэкономия — особенно теория «свободного обмена», «универсального рынка» Адама Смита и его последователей. Но, кроме этой наиболее явственной формы, существует множество более нюансированных, сложных, комплексных мировоззренческих конструкций, скрывающих за собой тлетворное, паразитическое дыхание Капитала. Буржуазная философия становится отныне наиболее эффективным оружием эксплуатации, ее высшей формой.

Но в противовес этому складывается и доктринальный корпус самого рабочего класса, все более проясняются основные контуры коммунистической идеологии. Собственное творчество Маркс рассматривал именно в таком контексте. Он предчувствовал, что его идеи лягут в основу «пролетарской философии», станут важнейшим орудием Труда в его эсхатологической последней битве против извечного врага.

Маркс провозгласил своего рода «Евангелие Труда». Он утверждал, что теперь, в поворотном моменте политэкономической истории, Труд, ставший Чистым Трудом, должен мгновенно осознать себя, полностью взять на себя функцию одного из двух телеологических полюсов истории, выявить механизм обмана и отчуждения, лежащий в основе всякой эксплуатации, разоблачить негативную, вампирическую, чисто отрицательную, минусовую функцию Капитала (через разъяснение логики производства и экспроприации добавочной стоимости) и осуществить пролетарскую Революцию, которая должна низвергнуть Капитал в бездну небытия и вырвать мировое зло с корнем. По-

сле краткой фазы переходной формации (социализма) наступит «рай на земле». Труд полностью освободится от темного начала.

Вот в самых общих чертах смысл марксистской политэкономической модели. И, следует признать, он настолько убедителен и достоверен, что не удивительно, почему взгляды Маркса овладели таким количеством людей в XX веке, став своего рода религией, за которую приносились невиданные жертвы.

Каким образом сценарий Маркса реализовался на практике? В чем он оказался неточен, что было опровергнуто? Как следует оценить содержание политэкономической истории нашего столетия, оставаясь в пределах намеченной марксизмом философии истории?

Вступая в третье тысячелетие, мы можем утверждать, что Капитал одержал победу над Трудом, сумел избежать надвигающейся Революции, растворить законченное историческое проявление Труда как революционного субъекта, предотвратить гибельную для себя перспективу концентрации пролетарской философии в унитарном полноценном мировоззренческом аппарате. Тем не менее Труд, вдохновленный Марксом, попытался дать «последний и решительный бой» своему изначальному врагу. Труд потерпел поражение, но факт великой битвы отрицать невозможно. Она и составляет главное содержание политико-социальной истории XX века. Вполне по Марксу, только с иным (недобрым) концом. Победило мировое зло. Минус оказался сильнее и хитрее плюса. Субъектность Капитала доказала свое превосходство над субъектностью Труда.

Как это происходило на практике?

Первый сбой относительно марксистской ортодоксии произошел в момент Великой Октябрьской

социалистической революции. Это событие стало ключевым, поворотным моментом постмарксистской истории. С одной стороны, восстание марксистов-большевиков доказало, что идеи Маркса верны и подтверждены практикой. Пролетарская коммунистическая рабочая партия смогла совершить революцию, свергнуть эксплуататорский строй, уничтожить власть Капитала и буржуазный класс, построить социалистическое государство, отталкиваясь от основных положений Маркса. Главенствующей идеологией этого государства был объявлен марксизм. Иными словами, русский опыт дал первое подтверждение правоты и действенности революционного марксистского учения. Однако в ходе русской революции обнаружилось одно важнейшее обстоятельство — успешная пролетарская революция произошла не там и не тогда, где и когда предсказывал сам Маркс. Пространственно-временная погрешность была не количественным, но качественным фактором. Поэтому она приобрела огромное доктринальное значение.

Маркс полагал, что окончательное становление пролетариата как класса и его оформление в революционную партию должны произойти в наиболее развитых странах промышленного Запада, т. е. там, где буржуазные механизмы достигли своего наиболее совершенного развития, а промышленный пролетариат составлял социальную доминанту всех производительных сил. При этом Маркс считал, что пролетарские революции немедленно спровоцируют цепную реакцию в остальных государствах и обществах. Маркс был уверен, что в иных пространственно-временных точках социалистические революции произойти не могут, так как в них оба исторических субъекта — Труд и Капитал — еще не достигли той стадии, когда возможен полный и адекватный пере-

вод материального в идеальное, объективного в сознательное, предельного развития базиса в адекватную форму надстройки. Русский опыт продемонстрировал, что социалистическая революция оказалась возможной и осуществилась успешно в стране с неразвитым капитализмом задолго до полномасштабного свершения второго этапа промышленной революции, в стране с очень незначительным процентом промышленного пролетариата, а после победы большевиков революционные процессы отнюдь не перекинулись в Европу, но остановились в пределах бывшей Российской империи. *Труд оформился в политическую партию и победил Капитал в совершенно иных условиях, нежели те, которые предвидел Маркс.* Иными словами, историческая Революция в России скорректировала теорию ее духовного отца.

Смысл этой исторической коррекции наиболее емко может быть схвачен при обращении к феномену национал-большевизма, подробно разобранному Михаилом Агурским[1]. Пролетарская революция в России доказала, что победа Труда над Капиталом возможна и реальна лишь при том условии, что в этом политико-экономическом акте участвуют некоторые дополнительные измерения — *национальное мессианство* (чрезвычайно развитое у русских и восточно-европейских евреев), *мистические и сектантские хилиастические тенденции* (народа и интеллигенции), *бланкистский, орденский, заговорщический стиль революционной партии* (ленинизм, позже сталинизм). Кстати, аналогичный, хотя гораздо менее радикальный, набор обеспечил победу иной антикапиталистической силе, которой удалось на практике осу-

[1] *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

ществить квазисоциалистическую революцию, — итальянскому фашизму и германскому национал-социализму. Иными словами, марксизм оказался исторически реализуемым в гетеродоксальном, национал-большевистском исполнении, несколько отличном от строгой концепции самого Маркса. Он сбылся в реальности лишь в сочетании с иными факторами, а конкретно — там, где политэкономическая доктрина Маркса сопрягалась с культурно-религиозными тенденциями, довольно далекими от дискурса автора «Капитала».

По контрасту с успехом исторической реализации марксизма в национал-большевистском исполнении на самом буржуазном Западе в тот момент, когда капитализм дошел до предела своего развития, т. е. до порога *третьей промышленной революции* (а это случилось в 60–70-е годы XX века), перехода к социализму не произошло. Если гетеродоксальная версия марксизма оказалась осуществимой, то ортодоксальная версия была опровергнута историей. Капитализм в его наиболее развитой форме сумел преодолеть самый опасный для него момент развития, эффективно справиться с угрозой пролетарского восстания и перейти к еще более совершенному уровню господства, когда сам альтернативный оппозиционный субъект — пролетариат как класс и как эсхатологическая революционная партия Труда — был упразднен, рассеян, испарен в сложной системе безальтернативного «общества зрелищ» (Ги Дебор). Иными словами, постиндустриальное общество, став реальностью, окончательно доказало, что буквально понятые пророчества Маркса не реализовались на практике. Это, кстати, является причиной глубочайшего кризиса современного европейского марксизма.

Но мы знаем сегодня и о печальном конце социа-

листического государства, которое самоликвидировалось в результате сугубо внутренних процессов, приведших национал-большевистский строй к роковой черте буржуазной перестройки. А за 40 лет перед этим пали и иные некапиталистические режимы Европы — фашистская Италия и нацистская Германия. Таким образом, к концу XX века Капитал победил Труд во всех его идеологических проявлениях — в качестве ортодоксального марксизма (в лице европейской социал-демократии), в национал-большевистской версии Советов и в виде совсем уж приблизительных и компромиссных вариантов европейских режимов т. н. «Третьего Пути».

Победа Капитала над Трудом, кроме всего прочего, показывает большую степень сознательности именно этого полюса истории, который способен долговременно и последовательно сохранять верность своей изначальной цели, готов делать выводы из изучения концептуальных моделей его исторических врагов и освоить на практике в превентивных целях некоторые методологии и парадигмы, вскрытые революционным гением.

После Маркса в глобальном политико-экономическом масштабе лагерь Труда был разделен на три дисгармоничных, конфликтующих между собой идеологических лагеря: советский социализм (национал-большевизм), западная социал-демократия и (с оговорками) фашизм. Капиталистический лагерь оставался сущностно единым и ловко использовал противоречия в идеологиях Труда. Так, вместо единой пролетарской революционной коммунистической партии в критический момент истории на буржуазном Западе сложились просоветские, радикально настроенные большевистские организации под контролем Коминтерна, а значит, геополитически связанные с

Москвой как столицей Третьего интернационала и проводящие ее волю; автохтонные социал-демократические партии, борющиеся за влияние в пролетарских кругах с промосковскими силами; и наконец, национал-социалистические движения, проецирующие национал-большевистский опыт Москвы (но в гораздо более смягченном варианте) на свой национальный контекст.

Стратегия Капитала заключалась в том, чтобы противопоставить три разновидности идеологического выражения сил Труда друг другу, любой ценой избежать их консолидации в единый исторический социально-политический организм. Для этого социал-демократия и большевизм противопоставлялись фашизму, а сам фашизм — социал-демократии и большевизму. Пиком этой стратегии был Народный фронт Франции эпохи Леона Блюма и союзнические отношения СССР с Англией и США в войне против стран Оси.

С другой стороны, западные социал-демократы (как носители не национал-большевистской марксистской ортодоксии) активно втягивались в политический коллаборационизм с буржуазным истеблишментом через парламентское представительство, коррумпировались через сотрудничество с системой и одновременно противопоставлялись «агентам Москвы» из большевистских ленинистских партий (линия Карла Каутского в высшей степени показательна в этом смысле).

И наконец, в рамках самого Советского государства не произошло последовательного и совершенного доктринального оформления национал-большевизма в осознанную и непротиворечивую идеологию, в которой были бы поставлены все точки над i и установлены строгие пропорции в подходе к насле-

дию Маркса (что в нем следует принять, а что отвергнуть). Вместо такой коррекции советские идеологи продолжали настаивать на том, что ленинизм и есть адекватный и ортодоксальный марксизм, отрицая очевидное и безвозвратно утрачивая возможность непротиворечивой и последовательной, познавательно адекватной рефлексии.

Вместо ясной и однозначной картины противостояния Труда и Капитала в форме советского социалистического режима, с одной стороны, и стран капиталистического Запада — с другой, возникла дробная мозаика, в которой крайне отрицательную роль сыграл сам факт существования компромиссных (с политэкономической точки зрения) фашистских режимов и западной соглашательской коллаборационистской социал-демократии. Эти промежуточные фашистский и социал-демократический компоненты вносили непоправимые помехи в процесс формирования единой интернациональной пролетарской коммунистической партии, которая должна была бы учесть весь идеологический и духовный опыт русской революции. Это внешний фактор. Внутренний фактор состоял в отказе самой советской системы делать важнейшие идеологические выводы — с необходимой коррекцией культурно-философских взглядов Маркса — из своего же успеха, что могло бы, в свою очередь, облегчить продуктивный диалог с фашизмом, особенно в его крайне левых версиях. И наконец, сама западная социал-демократия вместо «народнофронтовского» антифашистского пакта с радикально-буржуазными силами и режимами могла бы найти с национально ориентированными социалистами взаимопонимание в рамках единого антибуржуазного блока.

Советский большевизм, европейская социал-де-

мократия и даже фашизм как сущностно антикапиталистические движения обязаны были сойтись на единой мировоззренческой платформе, где-то на полпути от явной переоценки Маркса у ортодоксов до явной его недооценки у фашистов. Такая гипотетическая идеология, некий абсолютизированный, универсальный *национал-марксизм,* учитывающий наряду с совершенно верной гениальной исторической парадигмой Маркса иные культурно-философские, духовные и национальные моменты, осмысленный идеальный *национал-большевизм,* и был бы той эффективной социально-экономической платформой, в которой принцип Труда мог воплотиться в наиболее совершенной форме. Но с очевидностью это открылось, увы, только апостериори, когда можно обобщить и проанализировать опыт великой исторической катастрофы. Капитал как субъект оказался не просто могущественнее, но умнее Труда. Он не позволил «призраку коммунизма» реализоваться в истории в полной мере, обрекая его оставаться и далее лишь призраком. Это — трагическая констатация. Но с точки зрения познания, с точки зрения выработки емкой исторической парадигмы, которая позволит нам ясно осознать, в какой точке истории мы находимся в данный момент, значение этого вывода трудно переоценить.

Геополитическая парадигма истории

Геополитическая редукция известна гораздо меньше, нежели экономическая модель, но убедительность и наглядность ее тем не менее вполне сопоставимы с парадигмой Труда—Капитала. В геополитике также существует телеологическая пара понятий, ко-

торые представляют собой субъект истории, только на сей раз увиденный не в срезе экономики, но в срезе политической географии. Речь идет о двух геополитических субъектах — Море (талассократии) и Суше (теллурократии). Им синонимична иная пара: Запад — Восток, где Запад и Восток рассматриваются не просто как географические понятия, но как цивилизационные блоки. Запад, согласно доктрине геополитиков, равен Морю. Восток — Суше[1].

Нас интересует в данный момент лишь резюме истории, переведенное в геополитические термины, эсхатологический момент, который столь ясно прослеживается на уровне экономики. Там проблема формулируется так: Труд дал бой Капиталу и проиграл. Мы живем в период этого проигрыша, который либеральная экономическая школа рассматривает как окончательный (откуда тема «конца истории» Фукуямы или последнего «денежного строя» Жака Аттали). Можно ли увидеть некую аналогию такому положению вещей в геополитике?

Поразительно, но такая аналогия не только есть, она настолько очевидна и наглядна, что подводит нас вплотную к очень интересным выводам.

Диалектика геополитики заключается в динамичной борьбе Моря и Суши. Море, цивилизация Моря воплощают в себе перманентную подвижность, «ажитацию», отсутствие фиксированных центров. Единственными реальными границами Моря являются континентальные массы по его краям, т. е. нечто противоположное ему самому. Суша, цивилизация Суши, напротив, воплощают в себе принцип постоянства, фиксированности, «консерватизма». Границы Суши могут быть строгими и четкими, естествен-

[1] *Дугин А.* Основы геополитики. М., 2000.

ными, на различных пространствах самой Суши. И только сухопутная цивилизация дает базу для сакральных, юридических, этических фиксированных систем ценностей.

Суша (Восток) — иерархия. Море (Запад) — хаос. Суша (Восток) — порядок. Море (Запад) — растворение, диссолюция. Суша (Восток) — мужское начало. Море (Запад) — женское. Суша (Восток) — традиция. Море (Запад) — современность. И так далее.

Эти два субъекта геополитической истории тяготеют к наиболее полному и отчетливому выражению, переходя от многополярной сложной системы противоречий (нередко снимаемых или частичных) к глобальной схеме блоков. Море и Суша приобрели планетарные черты только в XX веке, особенно во второй половине, когда окончательно сложились контуры двухполюсной модели. Море нашло свое окончательное выражение в США и НАТО, Суша воплотилась в конгломерат социалистических стран — Варшавский договор. Произошло телеологическое разделение планеты на два лагеря, каждый из которых являлся чистой формой геополитической цивилизационной пары. Цивилизация Моря шла сквозь историю к США и атлантизму. Хотя путь этот был отнюдь не прямым. Цивилизация Суши воплотилась в самом объемном виде в СССР. Атлантика и Евразия были стратегически интегрированы, и подспудные геополитические тенденции, гениально распознанные Макиндером в основе исторической логики земных пространств, приобрели внушительный объем, высшую наглядность «холодной войны».

Но в кульминационном для геополитической истории XX веке произошел геополитический вираж, который на некоторый момент затемнил прозрачную логику геополитической модели. Возникновение в

Европе в 20—30-е годы отдельного стратегического блока — стран Оси — стало той величайшей помехой, которая предотвратила органическое превращение цивилизации Суши в полноценный геополитический субъект, заложив основу грядущего проигрыша.

Страны Оси попытались заявить о своей геополитической самостоятельности и самодостаточности, отвергнув все факты и рекомендации научных школ. Европейский фашизм явился с геополитической точки зрения преградой для естественной евразийской экспансии Советов на Запад, но отказался и от послушного проведения в жизнь чисто атлантистской стратегии. Такая двусмысленность внесла серьезные помехи в кристаллизацию двуполярной картины мира, породила внутриконтинентальные войны и конфликты, которые жестко воспрепятствовали тому, чтобы евразийский сухопутный континентальный субъект полностью осознал себя и утвердил собственную последовательную геополитическую стратегию.

Европейский фашизм породил геополитически безответственную и несостоятельную иллюзию общих интересов у Моря (Запад) и Суши (Восток) перед лицом некоего третьего субъекта, который с точки зрения геополитической доктрины не мог не быть фикцией, так как не обладал достаточным геополитическим, географическим, историческим и цивилизационным масштабом. Европа (фашистская или нет) имеет только две геополитические перспективы — либо быть западным форпостом Востока (как это было, к примеру, в православной империи Рима до раскола), либо выступать стратегической береговой зоной под контролем Моря, направленной против континентальной массы Евразии. Стратегия стран Оси была не той, не иной. Поражение Герма-

нии было очевидно уже тогда, когда началась война на два фронта. Такая противоестественная авантюра не только была самоубийственной для Германии (шире — Европы), но и заложила половинчатую, незаконченную геополитическую базу для всего евразийского континента, что в конце концов привело к гибели и краху всю цивилизацию Суши. Это последнее замечание основано на блестящем анализе Жана Тириара относительно распада СССР и Варшавского договора, который он сделал за 20 лет до того, как это стало фактом. Тириар показал, что с геополитической точки зрения стратегическое пространство, контролируемое странами соцлагеря, не закончено и не сможет выдержать длительного противостояния с Западом. Главной причиной Тириар считал проблему разделенной Европы, которая давала все стратегические преимущества заокеанской державе в ущерб СССР. Тириар утверждал, что для решения этой радикальной задачи, доставшейся Евразии в наследство от суицидальной политики Гитлера, необходимо либо завоевать Западную Европу и включить ее страны в соцлагерь, либо, напротив, настаивать на выводе из Восточной Европы стратегических объектов и войск СССР с параллельным роспуском НАТО и удалением всех американских стратегических баз. Это привело бы к созданию в Европе нейтрального пространства, которое обеспечило бы Москве возможность полностью сосредоточиться на южном направлении и дать решающий позиционный бой США в Афганистане, на Дальнем и Ближнем Востоке.

Но цивилизация Моря внимательнейшим образом изучала геополитические теории Макиндера и Мэхэна, не просто сверяя с ними свою стратегию, но понимая серьезность угрозы, исходящей из прогрессивной евразийской континентальной интеграции

под эгидой Советов, и предприняла все возможные усилия, чтобы ни в коем случае не допустить ее. Снова, как и в случае с борьбой Труда и Капитала, не просто действовали объективные исторические силы, но наблюдалось и активное прямое вмешательство субъективного фактора — агенты Запада сделали все возможное, чтобы не допустить реализации «континентального блока», пакта Берлин—Москва—Токио, проект которого выдвигался крупнейшим немецким геополитиком Карлом Хаусхофером. Вместе с развитием геополитических исследований Море обретало логичный и эффективный интеллектуальный, концептуальный аппарат для того, чтобы действовать в истории не инерциально, а сознательно.

Конец Советского блока, крах и распад СССР означают в геополитических терминах победу Моря над Сушей, талассократии над теллурократией. Запада над Востоком. Снова, как и в случае с парой Труд—Капитал, мы видим в истории XX века телеологическое вычленение двух важнейших, ранее не до конца проявленных геополитических субъектов, — только на сей раз это Море и Суша, — их планетарную дуэль и финальную победу Моря, Запада.

Если сравнить сюжет экономической редукции с моделью геополитического объяснения истории, сразу же в глаза бросается отчетливый параллелизм, который прослеживается на всех этапах. Такое впечатление, что одна и та же траектория повторяется на различных, параллельных уровнях, не связанных между собой прямо. Напрашивается следующее отождествление:

Судьба Труда = судьба Суши, Востока.
Судьба Капитала = судьба Моря, Запада.

Труд фиксирован, Капитал ликвиден. Труд — созидание ценностей, восхождение (этимологически «вос-ток»), Капитал — эксплуатация, отчуждение, грехопадение вещей (этимологически «за-пад»). Морская цивилизация — цивилизация либерализма. Сухопутная цивилизация — цивилизация социализма. Евразия, Суша, Восток, Труд, социализм — синонимический ряд. Атлантизм, Море, Запад, Капитал, либерализм, рынок — тоже синонимический ряд.

Сопоставление политэкономии и геополитики дает на редкость стройную концептуальную картину.

«Конец истории» в геополитических терминах означает «конец Суши», «конец Востока». Не напоминает ли это библейскую символику Всемирного потопа?

Война народов

Еще одной моделью интерпретации истории являются разнообразные этнические теории, которые рассматривают в качестве основных субъектов истории *народы,* иногда *расы,* иногда какой-то *один народ,* противопоставленный всем остальным. В этой сфере существует неисчислимое многообразие версий. Одним из самых ярких теоретиков этнического подхода был немецкий деятель просвещения Гердер, идеи которого были развиты немецкими романтиками, отчасти позаимствованы Гегелем и, наконец, взяты на вооружение представителями немецкой консервативной революции, особенно выдающимся мыслителем, юристом и философом Карлом Шмиттом.

Расовый подход был в общих чертах изложен в трудах графа Гобино, а затем подхвачен немецкими национал-социалистами. Идеи же рассмотрения ис-

тории через призму одного этноса ярче всего представлены в иудаистических, сионистских кругах, на основе специфики еврейской религии. Кроме того, в период подъема национальных чувств в любом народе всегда можно встретить тенденции, близкие идее национальной исключительности. Разница в том, что практически нигде эти теории не получают столь выраженного религиозного содержания, не являются столь устойчивыми и развитыми, не имеют такой длительной исторической традиции, как у евреев.

Существует несколько необычных, но крайне убедительных этнических теорий, не попадающих ни в одну из вышеперечисленных категорий. Такова, к примеру, «теория пассионарности и этногенеза» гениального русского ученого Льва Гумилева. Она также рассматривает всемирную историю как результат взаимодействия этносов, понятых как органичные живые существа, проходящие различные периоды жизни — от младенчества до старости и умирания. Несмотря на то, что эта теория в высшей степени интересна и открывает многие загадочные закономерности цивилизации, она не обладает той степенью телеологического редукционизма, которая нас интересует. Воззрения Гумилева не претендуют на последнее обобщение. Более того, эсхатологические взгляды (откровенные или замаскированные) Гумилев был склонен рассматривать как выражение «упаднической» стадии развития этноса, как химеры, возникающие в среде разлагающихся, утративших пассионарность, приближающихся к порогу смерти культур и народов. Соответственно, для него сама постановка вопроса относительно интерпретации «конца истории» являлась бы выражением глубокого декаданса. По этой причине придется оставить Гумилева в стороне.

На примере Гумилева можно выделить первый критерий, на основании которого следует разделить все теории этноса как субъекта истории на две части. Одни теории имеют телеологическое, эсхатологическое измерение, а другие нет. Что мы имеем в виду?

Существуют такие концепции этнической истории, которые видят в судьбе того или иного народа (варианты: нескольких народов или рас) отражение смысла всего исторического процесса. Следовательно, конечный триумф, возрождение или, наоборот, поражение, унижение, исчезновение нации рассматриваются как результат всемирной истории, конечное выражение ее тайного смысла. Это — этнические теории эсхатологической ориентации, они нас интересуют более всего. Иные же, даже самые экстравагантные, но не обладающие телеологическим измерением, ничего не добавляют к пониманию исследуемой нами проблемы. Так, к примеру, русский, американский, еврейский, курдский, английский национализм, немецкий расизм явно тяготеют к эсхатологической постановке вопроса. Национализм же польский, венгерский, арабский, сербский, итальянский или армянский — хотя он может быть не менее ярким, насыщенным и динамичным — явно телеологически пассивен. Первая группа считает, что приоритетным субъектом истории является данный народ, его перипетии составляют содержание всемирного исторического процесса, а конечное торжество и попрание враждебных народов положат конец истории. Вторая группа не имеет планов такого глобального масштаба и настаивает лишь на прагматическом и не столь претенциозном утверждении национальной особенности, культуры и государственности перед лицом окружающих народов и культур. Здесь проходит важная разделительная

черта. Исследование второй группы этнических доктрин никак не приближает нас к выявлению исторической парадигмы, так как изначально здесь берется слишком малый масштаб. Первая же группа, напротив, удовлетворяет нашим требованиям. Хотя и здесь следует отделять «глобализм пожелания» от «глобализма реального», т. к. для того, чтобы даже чисто теоретически рассматривать этническую интерпретацию эсхатологии, конкретному этносу необходимо обладать значительным историческим масштабом (во времени и в пространстве).

Но, даже ограничив круг рассмотрения телеологическим национализмом, мы все равно не имеем здесь стройной картины. Так как между политэкономией и геополитикой аналогия получилась совершенной и наглядной, попробуем — несколько искусственно — распространить ту же модель и на этническую историю.

Геополитика позволяет сделать в этом отношении первый шаг. Раз Море = Запад, то «этнос Запада» является носителем талассократических тенденций на этническом уровне. А так как в нашем уравнении уже есть формула Море=Капитал, то гипотетический (пока) «этнос Запада» становится третьим членом тождества: Море=«этнос Запада»=Капитал. Легко выстроить и уравнение противоположного полюса Суша=«этнос Востока»=Труд. Теперь остается соотнести понятия «этнос Запада» и «этнос Востока» с какими-то фиксированными историческими реальностями и выяснить наличие соответствующих эсхатологических доктрин.

Здесь нам на помощь приходят русские евразийцы (Трубецкой, Савицкий и др.). «Этнос Запада» они вслед за Данилевским отождествили с «романо-германскими» народами, «этнос Востока» — с «евразий-

цами», на полюсе которых стоят русские, как уникальный синтез славянских, тюркских, угорских, германских и иранских этносов. Конечно, говорить о романо-германцах как об этносе не совсем точно, но все же некоторые общие исторические и цивилизационные черты здесь явно присутствуют. Романо-германцы объединены и географией, и культурой, и религией, и общностью технологического развития. Колыбелью того, что можно назвать «романо-германской цивилизацией», принято считать Западную Римскую империю, а позже «Священную Римскую империю германских наций».

Этнокультурное единство прослеживается, но правомочно ли говорить о единой эсхатологической концепции, которая рассматривала бы судьбу этой этнической группы как парадигму истории? Если внимательно присмотреться к логике развития романо-германского мира, мы увидим, что изначально этот мир узурпировал и применил исключительно к самому себе понятие «эйкумена», т. е. вселенная, которое характеризовало ранее в Православной империи совокупность всех ее частей. Но после откола от Византии Запад ограничил понятие «эйкумена» самим собой, сведя вселенскую историю к истории Запада, оставив за скобками не только нехристианский мир, но и все восточные православные народы и, более того, ось истинного христианства — Византию. Таким образом, за пределы «христианского мира» романо-германцев выпал самый центр аутентичного христианства — православный Восток. Далее эта концепция «европейской эйкумены» была унаследована народами Запада — и после нарушения его католического религиозного единства, и после окончательной секуляризации. Романо-германский мир отождествил свою этническую историю с историей человече-

ства, что, в частности, и дало основание Н.С. Трубецкому озаглавить свою книгу «Европа и человечество». В этой книге он убедительно показывает, что самоотождествление Запада со всем человечеством делает его врагом реального Человечества в полном и нормальном значении этого понятия. В такой перспективе начинает ясно проглядывать фактическое самоотождествление Европы и европейцев с *этническим субъектом истории,* и в такой перспективе позитивный (в сознании романо-германца) исход истории будет равнозначен окончательному триумфу Запада, его культурной и политической «эйкумены», над всеми остальными народами планеты. Это, в частности, предполагает, что романо-германские политические, этические, культурные и экономические нормативы, выработанные в процессе истории, должны стать универсальными и повсеместно принятыми, а все сопротивление со стороны автохтонных народов и культур должно быть сломлено.

Концептуальный эсхатологизм европейских наций прошел несколько фаз развития. Вначале он имел католико-схоластическое выражение, параллельно с которым развивались и чисто мистические доктрины, наподобие концепции «Третьего Царства» Иоахима де Флора. Речь шла о том, что романо-германский мир завершит «евангелизацию» варваров и еретиков (в число которых включались православные!) и наступит «рай на земле», более или менее аналогичный повсеместному господству Ватикана, только возведенному в абсолют.

В XVI веке европейский эсхатологизм выразился в Реформации, а позже нашел окончательную формулу в англосаксонской протестантской доктрине «потерянных колен». Эта доктрина рассматривает

англосаксонские народы как этнических потомков десяти потерянных колен Израиля, не вернувшихся, по библейской истории, из вавилонского плена. Следовательно, истинными евреями, израильтянами, «избранным народом» являются англосаксы, «золотое зерно» романо-германского мира, это им суждено в конце времен установить главенство над всеми остальными народами земли. В этой экстремальной доктрине, сформулированной в XVII веке сторонниками Оливера Кромвеля, концентрируется в сжатом виде вся логика этнической истории Европы, отчетливо и недвусмысленно утверждается этнокультурный универсализм претензий Запада на мировое господство. Таким образом, происходит *уточнение* этнического субъекта романо-германского мира. Этим субъектом постепенно и все более отчетливо становятся *англосаксы, протестантские фундаменталисты эсхатологической ориентации*. Но корень этой доктрины следует искать в католическом Средневековье, в Ватикане. По этому поводу блестящий анализ дал Вернер Зомбарт в книге «Буржуа»[1].

Англосаксы параллельно кристаллизации концепции этнической избранности первыми включаются в два судьбоносных процесса, лежащих в основе современной политэкономии и геополитики. Англия делает индустриальный рывок, первой из европейских держав вступая в промышленную революцию, которая ускоренными темпами приводит к расцвету *капитализма* и одновременно покоряет *морские* просторы планеты, побеждая в геополитической дуэли более архаичных, «почвенных» и традиционалистских испанцев. Карл Шмитт прекрасно показал

[1] *Зомбарт В.* Буржуа. М., 1994.

взаимосвязь между этими двумя поворотными событиями современной истории[1].

Мало-помалу инициативу Англии перенимает «дочернее» государство — США, которое изначально основано на принципах «протестантского фундаментализма» и мыслится его основателями как «пространство утопии», как «обетованная земля», где история должна окончиться планетарным триумфом «10 потерянных колен». Эта мысль воплощена в американской концепции Manifest Destiny, которая видит «американскую нацию» как идеальную человеческую общность, являющуюся апофеозом мировой истории народов.

Сопоставив абстрактную теорию «этнической избранности англосаксов» с исторической практикой, мы увидим, что реальное влияние Англии, как авангарда романо-германского мира, на саму Европу и, шире, на весь мир и мировую историю, действительно огромно. А во второй половине XX века, когда США стали де-факто синонимом «западных народов» и символом обоснованности эсхатологического англосаксонского национализма, в наличии Manifest Destiny вообще едва ли можно сомневаться. Если, к примеру, масонско-католический национализм французов, несмотря на возвышенные мифы о «последнем короле», оказался лишь региональным и относительным, то англосаксонская концепция протестантского фундаментализма подтверждается не только поразительными успехами «владычицы морей», но и гигантской гипердержавой — единственной в современном мире.

Теперь обратимся к «этносу Востока», к евразий-

[1] *Шмитт К.* Земля и моря. В кн.: *Дугин А.* Основы геополитики. М., 2000.

цам. Здесь тоже следует обратить внимание в первую очередь на народы, доказавшие свой исторический масштаб. Нет сомнений, что единственной этнической общностью, которая в современном мире оказалась на высоте истории, которая смогла утвердить свой национальный эсхатологизм в гигантском объеме, являются русские. Так было не всегда, и в какие-то периоды истории Востока русские были лишь одним из народов, наряду с другими расширяющими или сужающими (с переменным успехом) границы своего культурного, политического и географического присутствия.

Китай и Индия, будучи древнейшими и высочайшими традиционными цивилизациями, несмотря на масштаб и духовное значение, никогда не выдвигали концепций эсхатологического национализма, не отождествляли свою этническую историю с историей человечества, не наделяли драматическим элементом межнациональные отношения или конфликты. Кроме того, ни китайская, ни индусская традиции не отличались «мессианизмом», претензией на универсальность своей религиозной и этической парадигмы. Это — Восток статичный, «перманентный», глубоко «консервативный», не способный и не желающий принимать вызов Запада. Ни в Китае, ни в Индии никогда не существовало национальных теорий, согласно которым китайцы или индусы когда-то, в конечные времена, будут править миром. Лишь у иранцев и арабов были национально-расовые теории эсхатологической ориентации. Но история последних веков показала, что реальный масштаб подобной этнической телеологии — с явно выраженным исламским религиозным компонентом — недостаточен для того, чтобы рассматривать ее как серьезного соперника «народам Запада». Функции авангарда

«этноса Востока» однозначно возложены на русских, которые смогли выработать универсалистски-мессианский идеал — по масштабу сопоставимый с идеалом англосаксонским, позже американским — и воплотить его в гигантскую историческую реальность.

Эсхатологическая идея Православного царства — «Москвы как Третьего Рима» — была позднее перенесена на секуляризированную петербургскую Россию и, наконец, на СССР. Из византийского Православия через Святую Русь к столице Третьего интернационала. Аналогично тому, как англосаксы перешли от этнической концепции «колен Израилевых» к американскому melting-pot как «искусственному эсхатологическому либеральному раю», русский мессианизм — изначально основанный на концепции «открытого этноса» — обрел в XX веке формулу «советского патриотизма», собирающего под гигантским культурно-этническим универсальным проектом народы, этносы и культуры Евразии.

Еще одним подтверждением такой этнической дуальной телеологии является тот факт, что американские протестанты единодушно отождествляют Россию со *«страной Гога»,* т. е. с тем пространством, откуда придет антихрист. Доктрина «диспенсациализма» однозначно утверждает, что финальная битва истории будет разворачиваться между христианами империи Добра (США) и еретическими жителями евразийской империи Зла (т. е. русскими и объединившимися вокруг них народами Востока). Приравнивание России к «стране Гога» стало особенно активно распространяться в протестантских кругах Америки начиная с середины прошлого века. Подобные взгляды характерны также для многих протестантских течений Англии и среди католиков-иезуитов. Впервые основы концепции «диспенсациализма»

сформулировал иудействующий испанский католический священник (иезуит) Эммануил Ла Конча, писавший под псевдонимом Рабби бен Эзра. От него диспенсациалистскую теорию позаимствовала шотландская проповедница из секты пятидесятников Марта Мак Дональдс, а потом эта теория стала краеугольным камнем учения английского проповедника-фундаменталиста Дерби, основавшего секту «Плимутских братьев», или просто «Братьев». Вся протестантская (а иногда и католическая) эсхатология, чрезвычайно популярная на современном Западе, утверждает, что западные христиане и иудеи имеют в «конце времен» одинаковую судьбу, а православные и нехристианские народы Евразии воплощают в себе «свиту антихриста», которая выступит против сил «Добра», принесет много вреда «праведникам», но в конце концов «будет повержена и разгромлена на территории Израиля, где и найдет свою смерть». Степень доверия к этой теории и ее распространенности среди простых американцев постоянно растет. И большевистская революция, и создание государства Израиль, и «холодная война» прекрасно вписывались в «пророческие» концепции «диспенсациалистов» и укрепляли их веру в свою правоту. Подробнее об этом будет сказано ниже (в главе «Крестовый поход против нас»).

Рассмотрим бегло еще две разновидности этнической телеологии и сформулируем вывод, который внимательный читатель наверняка уже сделал самостоятельно. Легко верифицируемый в истории этнический дуализм, вскрытый нами, — «этнос Запада» (ядро: англосаксы) и «этнос Востока» (ядро: русские) — игнорирует две знаменитые этнические доктрины, которые, как правило, первыми приходят на ум всякий раз, когда речь заходит об «эсхатологиче-

ском национализме». Мы имеем в виду «расизм» германских нацистов и сионистские концепции евреев. На каком основании мы оставили их в стороне и занимались приоритетно американским и русско-советским «национализмами», которые не столь наглядны и радикальны, как граничащий с варварством нацизм или подчеркнутый антропологический дуализм евреев?[1]

Ответим на этот вопрос несколько позже, а сейчас напомним в двух словах, в чем заключаются эти две разновидности национальной эсхатологии.

Германский расизм сводил всю историю к расовому противостоянию арийцев, индоевропейцев и всех остальных народов и рас, считавшихся «неполноценными». В истоке такого подхода лежит мифологическая концепция о «древних ариях», первых культурных обитателях земли, магической расе королей и героев высокого норда. Эта «нордическая раса» отличалась всяческими добродетелями, и ей принадлежат все культурные изобретения. Постепенно белая раса спускалась к югу и смешивалась с грубыми, полуживотными, чувственными и дикими этносами. Так возникли смешанные культурные формы, современные этносы. Все хорошее в современной цивилизации — достояние белых. Все плохое — продукт смешения, влияния цветных рас. Авангард белой расы — немцы, они сохранили чистоту крови, культурные и этнические ценности. Авангард цветных народов — евреи, главные враги белой расы, строящие против нее нескончаемые козни.

Расовая эсхатология состоит в том, чтобы немцы возглавили белую расу, принялись очищать кровь,

---

[1] *Дугин А.* Евреи и Евразия // Основы геополитики. М., 2000.

отделили цветные народы от нецветных и достигли мирового господства, воспроизводящего на новом этапе изначальное господство арийских королей. Немецкий расизм — доктрина, конечно, экстравагантная, довольно искусственная и сугубо современная, хотя основывается она на некоторых реально существовавших древних мифах и религиозных учениях. В самой же Германии расизм получил распространение под влиянием оккультистских кругов, в той или иной степени связанных с теософизмом.

Еврейский мессианизм является архетипом всех остальных разновидностей национальной эсхатологии. Он исчерпывающе подробно изложен в Ветхом Завете, расшифрован в Талмуде и Каббале. Евреи считаются избранным народом по преимуществу, и еврейский этнос выступает главным субъектом мировой истории. На противоположном конце модели находятся «неевреи», «гои», «народы», «язычники», «идолопоклонники», «силы левой стороны» (по «Зохару»). В эзотерическом толковании Каббалы «гои» не являются «людьми», они — «злые духи в человеческом облике», поэтому у них даже теоретически отсутствует перспектива спасения или одухотворения. Но и евреи, несмотря на свою избранность, часто отступают от правых путей, сбиваются на тропу зла, идут дорогами «гоев» и их «ложных божеств». За это Четырехбуквенный (Яхве) карает свой народ, отправляя его в рассеяние к «гоям», которые всячески третируют евреев, причиняют им боль и обиды. После разрушения Титом Флавием Второго храма (в 70-м г. от Р. Х.) евреи были отправлены за грехи в «четвертое рассеяние», которое будет последним. После многовековых страданий это рассеяние должно окончиться катастрофой, холокостом, шоа, за которым последует возвращение на

Землю обетованную, восстановление государства Израиль, и с тех пор евреи будут править миром.

Заметим любопытное соответствие — между германским расизмом и еврейским мессианством существует явная корреляция, хотя оценочные знаки полярно противоположны. Германские расисты видели именно в евреях средоточие «расового зла», а сами евреи — особенно после Второй мировой войны — максимальное воплощение «гойского зла» распознали, напротив, в нацизме. Не случайно религиозное, историософское понятие «шоа» было применено именно к преследованиям евреев в нацистской Германии. Да и само создание государства Израиль напрямую сопряжено с судьбой режима Гитлера. Моральное право на свое государство в глазах мирового сообщества евреи получили в качестве компенсации за понесенные во времена нацизма жертвы.

Германский нацизм и еврейское мессианство — очень интенсивные формы этнического эсхатологизма, масштабные и весомые, доказавшие свою значимость реальной вовлеченностью в ход мировой истории. И все же ни гитлеровский нацизм, ни сионизм не воплотили в себе с такой отчетливостью и ясностью, с такой исторической наглядностью базовые тенденции исторического процесса, как в случае американизма и советизма. Любопытна и чисто географическая раскладка: расизм был распространен в Европе, государство Израиль находится на Ближнем Востоке. Они как бы противостоят друг другу по вертикали. А англосаксонский и евразийский миры противостоят друг другу по горизонтали. Если расизм Гитлера апеллировал к «нордизму», то еврейство акцентирует «южную», «средиземноморскую» ориентацию. Евразийство явно относится к Востоку. Атлантизм — к Западу.

Исторический масштаб горизонтальной пары «англосаксы — русские» гораздо более значителен и весом, нежели в случае вертикальной пары. И хотя нацистам удалось в свое время добиться значительных территориальных успехов, они были геополитически обречены уже с самого начала, так как их этно-эсхатологическая парадигма была явно недостаточно универсальной и емкой, а их история не являлась самостоятельным духовным полюсом (в отличие от России). Точно так же, несмотря на гигантское влияние еврейского фактора в мировой политике, евреи все же очень далеки от своего мессианского идеала, а роль государства Израиль ничтожна или сугубо инструментальна в контексте большой геополитики, где действительно серьезным значением обладают лишь блоки, сопоставимые с НАТО или бывшим Варшавским договором.

Нельзя сбрасывать со счетов германский расизм (исторически изжитый) и тем более еврейский мессианизм (напротив, укрепившийся во второй половине XX века). Но нельзя и переоценивать их значение, так как в лице США и России мы имеем реальности, намного более весомые и объемные.

В этой связи гораздо полезнее предпринять следующую операцию: разложить пару «гитлеровский расизм—сионизм» на две составляющие. Как в смысле политэкономии фашизм был лишь компромиссом между капитализмом и социализмом, а в смысле геополитики страны Оси были чем-то промежуточным между ясным атлантизмом Запада и ясным евразийством Востока, так и в смысле этнической эсхатологии противостояние «нацизм—сионизм» лишь вуалирует собой более серьезное противостояние: «англосаксы (и их Manifest Destiny) — русские». Это означает, что нацизм и сионизм могут быть поняты как сочетание

внутренне разнородных факторов, тяготеющих к одному из двух фундаментальных этнических полюсов. Эту идею в первом приближении развил евразиец Бромберг, а иная ее версия принадлежит замечательному писателю Артуру Кестлеру.

Еврейский мессианизм разлагается на две составляющие. Одна из них солидарна с англосаксонским мессианизмом. Это «западническая составляющая» в еврействе. Таковы голландские еврейские общины, изначально сопряженные с пропагандой протестантского фундаментализма. Можно назвать это «еврейским атлантизмом», или «правым еврейством». Этот сектор отождествляет эсхатологические чаяния евреев с победой англосаксонской нации, с США, либерализмом, капитализмом.

Вторая составляющая — «еврейское евразийство», Бромберг называл его «еврейским восточничеством»[1]. Это в основном сектор восточноевропейского еврейства, преимущественно хасидического толка, солидарного с русским мессианизмом, и особенно с его коммунистической версией. Этим объясняется, в частности, столь масштабное участие евреев в Октябрьской революции и их ангажированность в коммунистическое движение, которое составляло прикрытие для реализации планетарной русской мессианской идеи. Вообще говоря, «левое еврейство», которое представляет собой настолько устойчивую и масштабную реальность, что нацисты в своей пропаганде просто отождествляли «коммунизм» с «еврейством», типологически сопряжено именно с евразийским комплексом, солидарно с русско-советским эсхатологическим идеалом. Часто «еврейские евразийцы» апеллировали к удивительной исторической

---

[1] *Бромберг О.* Евреи и Евразия. М., 2001.

формации — Хазарскому каганату, в котором иудейская религия сочеталась с мощной иерархической военной империей, основанной на тюркско-арийском этническом элементе. Помимо известной крайне негативной оценки «хазар» (объемно изложенной у Льва Гумилева), существуют и иные, «ревизионистские» версии относительно истории этого образования, которое по своей континенталистской стилистике и резкому отступлению от этнического партикуляризма традиционного иудаизма сильно контрастирует с иными — особенно западными — формами иудейской социальной организации. Так, А. Кестлер выдвинул любопытную версию о том, что восточноевропейские евреи на самом деле являются потомками древних хазар и их инаковость по отношению к еврейству Запада выдает их расовое различие. Здесь важно не то, насколько «научно» такое представление, но то, что эта концепция мифологически отражает глубинный внутриеврейский дуализм.

Теперь обратимся к немецкому расизму. Здесь картина не столь наглядна, и разложить это явление на две составляющие не так легко. Во-первых, потому, что русофильская и просоветская линия в нацизме и, шире, германском национальном движении была почти всегда антирасистски ориентированной. Это положительное Ostorientirung, свойственное многим представителям немецкой консервативной революции (Артур Мюллер ван ден Брук, Фридрих Георг Юнгер, Освальд Шпенглер и особенно Эрнст Никиш), связывалось с Пруссией и государственнической идеей скорее, нежели с расовыми мотивами. Но все же определенные разновидности расизма могут быть отнесены к евразийству. Такой «евразийский расизм», безусловно, был миноритарным и непока-

зательным, маргинальным. Типичным представителем его был профессор Герман Вирт, который считал, что «арийский», «нордический» элемент встречается у большинства народов земли, включая азиатов и африканцев, и что немцы не представляют в этом отношении какого-то особенного исключения, являясь смешанным народом, где наличествуют и «арийские» и «неарийские» элементы. Такой подход отрицает любой намек на «шовинизм» или «ксенофобию», но именно по этой причине Вирт и его сподвижники очень скоро встали в оппозицию режиму Гитлера. Кроме того, некоторые представители этого направления считали, что «арии» Азии — индусы, славяне, персы, таджики, афганцы, пакистанцы и т. д. — стоят гораздо ближе к нордической традиции, нежели европейцы или англосаксы, и, следовательно, такой расизм приобретал явно различимые «восточнические» черты.

Но самой распространенной версией расизма все же была иная, «западническая» линия, настаивающая на превосходстве белой расы (в самом прямом смысле), и особенно немцев, над остальными народами. Технологические успехи белых, преимущества их цивилизации всячески прославлялись. Иные народы демонизировались и выставлялись карикатурными «унтерменшами». В самой радикальной версии «арийцами» признавались только сами немцы, а славяне или французы приравнивались к людям второго сорта, что было уже не расизмом, но предельной формой узконемецкого этнического шовинизма. Такой расхожий расизм — кстати, характерный лично для Гитлера, — был по духу вполне солидарен с этнической эсхатологией англосаксов, хотя и предлагал конкурирующую версию, основанную на специфике немецкой психологии и немецкой истории. Показа-

тельно, что обе разновидности этнической эсхатологии основывались на двух ветвях единого некогда германского племени (англосаксы изначально были германскими племенами) и на двух разновидностях протестантизма (лютеранства в Германии и англиканства в Англии и США). Однако германский расизм был значительно сдобрен языческими элементами, апелляциями к дохристианской мифологии, варварству, иерархии. В отличие от «расизма» англосаксонского расизм немцев был более архаичным, экстравагантным и диким, но сплошь и рядом этот эстетический контраст, различие стилей скрывали под собой общность исторической и геополитической ориентации. Англофилия Гитлера — факт общеизвестный.

Итак, пара «сионизм—нацизм» оказывается недостаточно масштабной для того, чтобы рассматриваться как ось эсхатологической драмы в ее этническом измерении. Если она и является осью, то только вторичной, подсобной, дополнительной. Она помогает объяснить многие вещи, но не покрывает сущности проблемы. В этой перспективе можно рассматривать *«еврейское восточничество» как одну из специфических разновидностей «евразийства» (или «этноса Востока»), солидарную в общих чертах с универсальной формулировкой русско-советского мессианского идеала.* К этому же «евразийскому» комплексу следует отнести и некоторые (миноритарные) формы «восточнического» расизма сторонников «арийской» системы ценностей.

Напротив, *«еврейское западничество» органично вписывается в англосаксонский этно-эсхатологический проект,* на чем, собственно, и основан глубинный альянс мондиалистского лобби Израиля и США. «10 потерянных колен» в лице англосаксов

(особенно американцев) сочетаются с двумя остальными коленами в солидарном эсхатологическом ожидании. К этому комплексу примыкает и «западническая» версия расизма, воспевающая превосходство «цивилизации белых» — рынок, технический прогресс, либерализм, права человека — над архаическими «варварскими», «недоразвитыми» народами Востока и третьего мира.

Теперь мы можем ясно различить уже известную нам по предыдущим разделам историческую траекторию, но на этно-эсхатологическом уровне.

История представляет собой соперничество, битву двух «макроэтносов», ориентированных на универсализацию своего духовно-этического идеала в кульминационный момент истории. Это — «этнос Запада» (романо-германский мир) и «этнос Востока» (евразийский мир). Постепенно эти два образования подходят к масштабному, очищенному, рафинированному выражению своей «проявленной судьбы». Manifest Destiny «этноса Запада» воплощается в концепции «10 потерянных колен» протестантских фундаменталистов, ложится в основу планетарного английского господства, позже составляет фундамент американской цивилизации и вплотную подходит к реализации единоличного мирового контроля. «Русская правда» от национального государства восходит до уровня империи и воплощается в советском блоке, сплотившем вокруг себя полмира. Эта дуэль составляет основу этнической (точнее, макроэтнической) истории XX века. При этом значительной помехой на пути ясного обозначения ролей и функций снова (в который раз!) становится европейский фашизм, переводящий проблематику из ясного дуализма в запутанный и второстепенный комплекс противоречий, что подрывает естественную логику вели-

кой этнической войны, приводит к заключению противоестественных альянсов, к смещению центра тяжести, к неверной постановке вопроса. Утверждая в центре этнической эсхатологии не реальный дуализм между «романо-германским», позже англосаксонским, еще позже «американским» лагерем, с одной стороны, и «евразийским», русско-советским лагерем, — с другой, но во многом искусственную и несамодостаточную пару антиподов — «германо-арийцы — евреи», — нацисты сбили естественный ход событий, отвлекли внимание на ложную цель, утвердили противоречие там, где оно не было исторически и эсхатологически существенным. И снова ущерб был нанесен «евразийскому» лагерю.

Англосаксонский идеал, «этнос Запада» нанес сокрушительное поражение «этносу Востока». «Советский» универсализм уступил универсализму англосаксонскому.

Дополняем нашу формулу, связывающую политэкономическую и геополитическую модели истории, еще одним уравнением.

Труд = Суша (Восток) = русский (советский, евразийский) этнос.
Капитал = Море (Запад) = романо-германский (англосаксонский, американский) этнос.

Между двумя этими многоплановыми полюсами идет дуэль сквозь века и эпохи, подступая к развязке в начале третьего тысячелетия от Р. Х.

Обратим внимание на то, что европейский фашизм практически на всех уровнях выполняет аналогичную функцию. На экономическом уровне он претендует на снятие противоречия между Трудом и Капиталом, но это оказывается фикцией, и он лишь способствует косвенно победе Капитала. На геопо-

литическом уровне он отвергает фундаментальность противостояния Суши и Моря, претендуя на самостоятельное геополитическое значение, но не справляется с задачей и бесславно исчезает, снова способствуя последующей победе Моря над Сушей. И наконец, на уровне этнической эсхатологии расизм нацистов уводит внимание от великого противостояния англосаксов и русских на ложную альтернативу между «арийцами» и «евреями», причем великороссы попадают (без всяких оснований) в один разряд с «цветными недочеловеками». И это в конце концов оказывается на руку исключительно англосаксам. Кстати, в последнем случае — на этническом уровне — следует признать, что и второй полюс этого этнического дуализма (евреи) также оказывается преимущественно на стороне «этноса Запада», а «еврейское восточничество» заметно слабеет и почти сходит на нет. Причем упадок совпадает с моментом создания государства Израиль, за которое изначально боролись восточноевропейские евреи преимущественно социалистической ориентации («еврейские евразийцы»), поэтому Сталин и поспешил признать легитимность этого государства, — но которое почти сразу же после создания переориентировалось на Запад, став верным проводником политики англосаксов, в первую очередь — США, на Ближнем Востоке.

Clash of religions[1]

Последний крупномасштабный уровень редукции истории к простой формуле следует искать в истории религий и межконфессиональных проблем.

[1] Столкновение религий *(англ.)*.

Так как общая траектория исторического процесса, выделенная нами с самого начала в экономической парадигме, оказалась применимой ко всем остальным разбираемым уровням, можно смело искать ее аналоги и в религиозной сфере.

Один из полюсов — «Капитал—Запад—Море—англосаксы» — возводится, как мы видели, к Западной Римской империи, источнику и отправной точке всех тенденций, которые в этом полюсе постепенно выкристаллизовались. Западная Римская империя в религиозном смысле сопряжена с Ватиканом, католической версией христианства. Следовательно, вполне логично обратиться к католицизму, как к религиозной матрице этого полюса.

Противоположный «евразийский» полюс напрямую связан с «византизмом» и православием, так как русские являются и православным народом, и авторами первой социалистической революции, и теми, кто занимает земли континентального Heartland'а, который, по Макиндеру, служит осью для всех сил Суши. *В той же степени, в какой современный либеральный Запад является секуляризированным, обобщенным, модернизированным и универсализированным результатом католичества, советская модель представляет собой предельное — также секуляризированное, обобщенное и модернизированное — развитие Православной империи.* Относительно второстепенности остальных мировых религий в вопросе эсхатологической драмы можно привести те же соображения, которыми мы воспользовались, говоря об этнической эсхатологии. Восточные традиции не заострены эсхатологически, не акцентируют в центре своих систем тематику «конца времен» и «последней битвы». Дело не в том, что они не знают об этой реальности, но они не уделяют ей центрального места, сопоста-

вимого с отчетливым и приоритетным эсхатологизмом христианства (или иудаизма). Это соображение объясняет и отсутствие на Востоке эсхатологических форм национализма (о чем мы говорили выше), так как этническое и религиозное мировоззрение тесно связаны между собой и взаимоопределяют друг друга.

Эта схема вполне наглядна и прекрасно накладывается на предыдущие модели. Единственным моментом, требующим дополнительного прояснения, является вопрос о протестантизме.

Реформация была важнейшим моментом истории Запада. Она была не просто многоуровневым явлением, но заключала в себе две строго противоположные ориентации, которые, в конечном счете, породили полярные формы. Мы не можем здесь вдаваться в богословские рассуждения, и отсылаем читателя к нашей подробной монографии на эту тему[1]. Изложим лишь схему.

Католицизм — это фрагмент православия (ведь некогда, до раскола, Запад был православным в той же степени, что и Восток), причем фрагмент, искаженный и претендующий на приоритет и полноту. Католицизм — это антивизантизм, а византизм есть полноценное и аутентичное христианство, включающее в себя не просто догматическую чистоту, но и верность социально-политической, государственной доктрине христианства. В самом грубом приближении православная концепция симфонии властей (вульгарно именуемая «цезарепапизмом») сопряжена с пониманием эсхатологического значения не только христианской церкви, но и христианского

[1] *Дугин А.* Метафизика Благой Вести. В кн.: Абсолютная Родина. М., 1998.

государства, христианской империи. Отсюда вытекает телеологическая и сотериологическая функция императора, основанная на втором послании св. Апостола Павла к фессалоникийцам, где речь идет о «держащем», «катехоне». «Держащий» приравнивается православными экзегетами (в частности, св. Иоанном Златоустом) к православному императору и православной империи.

Отпадение западной церкви основано на отрицании симфонии властей, на отвержении социально-политической и эсхатологической доктрины православия. Эсхатологической она является потому, что православие связывает наличие «держащего», который препятствует «приходу сына погибели» (антихристу), с существованием политически независимого православного государства, в котором власть светская (василевс) и власть духовная (патриарх) находятся в строго определенном соотношении, вытекающем из принципа симфонии. Следовательно, отступление от этой симфонической византийской парадигмы означает «апостасию», отпадение. Католицизм же изначально — т. е. сразу по отпадении от единой Церкви — вместо симфонической (цезарепапистской) модели принял иную модель, в которой власть Папы Римского распространялась и на те области, которые в симфонической схеме были отнесены к ведению василевса. Католицизм нарушил провиденциальную гармонию между светским и духовным владычеством и, в соответствии с христианским учением, впал в ересь.

Духовный кризис католичества с особой силой дал о себе знать к XVI веку, и Реформация явилась пиком этого процесса. Однако, надо заметить, еще в Средневековье в Европе существовали тенденции, которые в той или иной степени тяготели к восста-

новлению на Западе адекватной модели. Гибеллинская партия Гогенштауфенов была ярким примером «бессознательного православия», квазивизантийского сопротивления латинской ереси. Уже тогда в центре антипапского движения стояли представители знатных германских родов. Через несколько столетий сходные силы — и снова германские князья — поддержали Лютера в его антиримском выступлении. Любопытно, что претензии Лютера к Риму были весьма сходны с теми, которые традиционно выдвигались православными. И богослужение на национальном языке (сугубо православная черта, связанная с пониманием мистического значения глоссолалии, воплощающейся в лингвистическом многообразии поместных церквей), и отказ от административного диктата Римской курии, и значение «катехона», и отказ от безбрачия для «священников» — все эти типично лютеровские осевые тезисы вполне могли быть названы православными. Другое дело — отказ от иконопочитания, богослужебных ритуалов, свобода индивидуальных толкований Писания. Эти черты никак нельзя назвать православными, они представляли собой побочные негативные аспекты антипапизма, который опирался, скорее, на духовную интуицию, на протест, нежели на освященные Традицией истины.

Как отвержение Рима ради чистого христианства Реформация была полностью оправдана. Но что предлагалось взамен? Здесь-то и заключалось самое важное. Вместо обращения к полноценной православной доктрине протестанты пошли сомнительным путем интуиции, индивидуальных толкований. В высших проявлениях это дало плеяду блистательных визионеров-мистиков (Бёме, Гихтель и т. д.). Но даже в этом случае приближения к высотам право-

славной метафизики не произошло. В худших вариантах это породило кальвинизм и множество крайних протестантских сект, в которых от христианства практически ничего, кроме названия, не осталось.

Существует дуализм между Лютером и Кальвином, между прусским (и французским, гугенотским) протестантизмом и протестантизмом швейцарским, позже голландским и английским. Лютеранство отрицало фарисейство, «номократию» католичества, т. е. иудеохристианский компонент папизма. Кальвинизм же, напротив, пришел к типично ветхозаветному историцизму, к фактическому отрицанию божественности Христа, который превратился в «культурного или морального героя». Кальвинизм развил наиболее неправославные тенденции, ранее присутствовавшие в католичестве, тогда как критика Лютера была направлена как раз против них.

Итак, в Реформации наличествовали две противоположные тенденции. Одна, условно, антикатолическая с православной стороны (лютеранство). Другая — антикатолическая с антиправославной стороны. Католицизм, особенно распространенный и усвоенный в романских странах, оказался между двух версий протестантизма, основными носителями которого были германские народы. Самые восточные немцы — пруссы, которые изначально были германизированным славяно-балтийским племенем, — приняли лютеранство, а крайне западные германцы (англосаксы) довели до своих пределов кальвинизм и иудеохристианские тенденции.

Таким образом, одна версия протестантизма (кальвинизм, протестантский фундаментализм) становится в авангарде западноморского капиталистического полюса, а другая, напротив, выступает, как в

чем-то приближенная к православию (но все-таки далеко не православная) ветвь западного христианства. Связь протестантизма и капитализма прекрасно и развернуто показал Макс Вебер в книге «Протестантская этика»[1], причем там же объясняется различие между кальвинизмом и лютеранством. Пример показателен: протестантизм в Англии приводит к капиталистическим реформам, протестантизм в Пруссии лишь укрепляет феодальный порядок. Следовательно, делает вывод Вебер, речь идет о глубоко различных тенденциях. Еще дальше заходит в аналогичном анализе ученик Вебера — Вернер Зомбарт, который выводит исток капитализма не только из протестантизма, но из базовой католической схоластической доктрины[2]. Интересные соображения на ту же тему приводит Освальд Шпенглер в работе «Пруссачество и социализм»[3].

Парадигма религиозного противостояния определяется как *православие против католичества и (позже) против крайнего протестантского фундаментализма*. В этой антитезе важнейшее значение уделяется пропорции между посюсторонним и потусторонним в религиозной этике. Православный этический идеал заключается в утверждении обратных пропорций между миром человеческим и миром божественным. Основание такого подхода заложено и в самом «Евангелии» («Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию»[4], «Удобнее верблю-

---

[1] *Вебер В.* Избранные произведения. М., 1990.

[2] *Зомбарт В.* Буржуа. М., 1994. *Он же*. Современный капитализм. М.—Л., 1930.

[3] *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002.

[4] Евангелие от Марка, X, 25.

ду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие»[1] и т. д.), и в православном Предании, в том числе и в социальной этике Восточной Церкви. Земное благосостояние считается эфемерным, незначащим, а благоустройство быта и посюстороннего мира рассматривается, как дело второстепенное, неважное перед лицом магистральной задачи, стоящей перед христианином, — задачи стяжания Святого Духа, спасения, преображения. Бедность и скромность представляются не столько недостатком, сколько, напротив, полезным фоном для поиска духовного, а аскеза, монашество, отвлеченность от дел мира сего рассматриваются как высшее призвание. Страдание земное оказывается не просто наказанием, но славным и светлым повторением пути Христова. Потустороннее проступает в посюстороннем, релятивизируя его, делая незначимым, прозрачным, преходящим. Отсюда традиционное (хотя и относительное, конечно) небрежение бытоустроительством, свойственное восточному христианству. Нельзя утверждать, что такой православный подход всегда дает положительные результаты. В высшем проявлении — это святость, нестяжательство, созерцание. В низшем — карикатурном — лень и нерадивость.

Западная Церковь изначально отличалась повышенной озабоченностью мирскими вопросами, политическими интригами, накоплением и распределением мирских благ. Протестантский фундаментализм абсолютизировал этот аспект, перенеся все внимание исключительно на мир сей. Протестантская этика утверждает, что бедность уже сама по себе есть порок, а богатство — добродетель. Потусторон-

[1] Евангелие от Луки, V, 32.

нее сводится всецело к посюстороннему, награда и наказание из мира иного перемещаются в мир земной. Это дает невиданный рывок в сфере бытоустроительства, но минимализирует или вовсе отрицает созерцательный, духовный аспект религии. От христианской доктрины не остается не только духа, но и буквы. Отсюда современные попытки цензурировать «Новый Завет» в тех местах, которые вступают в вопиющее противоречие с экстремальными положениями протестантского духа.

Противоположная религиозная этика, секуляризируясь, дает, с одной стороны, социализм, с другой — либерал-капитализм.

Определяются два главных субъекта истории — Церковь Восточная (Православие) и Церковь Западная или, точнее, мозаика западных конфессий, в авангарде которых стоит «протестантский фундаментализм». Диалектика их противостояния вскрывает тайную траекторию религиозного содержания истории.

Теперь осталось рассмотреть иные религиозные конфессии, в которых наличествует проявленный эсхатологический фактор и которые достаточно масштабны, чтобы претендовать на ведущую роль в финальной драме истории. На эту роль претендуют только *ислам и иудаизм*.

Иудаизм представляет собой парадигму эсхатологически ориентированной религии, и само христианство тесно связано с иудейской эсхатологией. Иудаистическая религия дает самую концептуально завершенную картину конца времен и участия в нем народов и церквей.

Смысл иудейской эсхатологии в самых общих чертах сводится к следующему. Евреи являются не просто этносом, но одновременно религиозной об-

щиной. Такое отождествление этнического элемента с религиозным составляет уникальную особенность иудаизма. В этом смысле все сказанное в предыдущем разделе относительно евреев как этноса полностью применимо к иудаизму как религии. Иудаизм — субъект религиозной истории, ее ось. Долгое время иудейская вера находится в периоде гонений со стороны «гойских» конфессий, но в конце времен, с приходом машиаха, с воссоединением евреев на Земле обетованной и с восстановлением Храма иудаизм расцветет и встанет во главе Земли. Светским выражением этой религиозной эсхатологии стал современный сионизм.

То, что евреи не растворились как этнос и как религия в море иных народов за долгие века рассеяния, что они сохранили веру в свой грядущий триумф, что, пройдя сквозь столько испытаний, смогли осуществить долгожданную мечту и воссоздать свое государство, не может не производить сильного впечатления на любого беспристрастного наблюдателя. Такое буквальное исполнение эсхатологических чаяний евреев явно свидетельствует о том, что эта традиция действительно глубоко связана с таинством мировой истории и отмахнуться от этого факта нельзя ни скептикам, ни позитивистам, ни антисемитам. Более того, за последние века позиции иудаизма как религии в глазах христианских народов укрепились настолько, что эта конфессия, бывшая некогда периферийной бесправной ересью, обрела право голоса в обсуждении и решении самых важных мировых вопросов.

Однако стоит обратить внимание на тот факт, что конфессиональное единство иудеев не так монолитно, как это может показаться на первый взгляд. Существуют — в самом грубом приближении — две вер-

сии иудаизма: *спиритуалистическая* (мистическая) и *материалистическая* (бытоустроительная). Первой версии соответствуют различные течения традиционной еврейской мистики — каббала, хасидизм и некоторые еретические направления типа саббатаизма. Вторая версия соотносится с талмудизмом, буквальным рационалистическим и номократическим, бытоописательным, ритуалистским толкованием основ Торы. В этом дуализме мы видим прямой аналог соответствующей двойственности и самой христианской традиции — бытоустроительное западное христианство (от католицизма до протестантского фундаментализма) и созерцательно-мистическое восточное (православие). Очень подробно эта тема освещена в работах крупнейшего современного еврейского мыслителя Гершома Шолема[1].

Спиритуалистический сектор иудаизма — и, наверное, это уже никого не удивит — характерен для восточноевропейских евреев, да и сам хасидизм Баал-шем Това возник и развился на территории Российской империи. Именно из этой крайне спиритуалистической среды вышло большинство еврейских революционеров-марксистов, большевиков, эсеров и т. д. Евразийская, «православная», аскетическая этика и мессианский идеал братства точно соответствовали этой духовной, мистической разновидности иудейской традиции. В светской форме это дало начало «социал-сионизму».

Противоположная ветвь — талмудическая ортодоксия, продолжающая линию рационализма Маймонида, — как и древние саддукеи, тяготела к минимализации потустороннего, к имплицитному отри-

[1] *G. Scholem*. Ursprung und Anfauge der Karlfola. Berlin, 1982.

цанию «воскресения мертвых», к имманентной этике бытоустроительства. В эсхатологическом ключе талмудизм рассматривал грядущий триумф евреев как сугубо имманентную, социально-политическую победу, достижение гигантского материального могущества. Вместо *преображения* мира в конце времен, его *«восстановления»* («тиккун»), на которое ориентировались еврейские мистики, рационалисты отождествляли мессианскую эпоху с такой реорганизацией имеющихся элементов, которая передавала бы рычаги власти и контроля представителям иудаизма и восстановленному израильскому государству. Такая общая направленность и этика, центрированная на решении посюсторонних, бытовых, организационных вопросов, объединяет как светских раввинов, так и некоторых сионистов.

Иными словами, как и в случае с этнической эсхатологией, религиозное поле иудаизма растянуто между двумя полюсами — восточным (воплощенным в православии) и западным (воплощенным в католицизме и крайнем иудофильском протестантизме).

Исламская традиция, связанная с семитическим религиозным наследием, тем не менее несопоставимо менее эсхатологична, нежели христианство и иудаизм. Хотя в исламе и существует развитая эсхатологическая доктрина, она явно второстепенна перед массивной логикой утверждения монотеизма, независимо от циклических соображений. Наиболее эсхатологические версии ислама распространены не среди чистых арабов Северной Африки, а в Иране, Сирии, Ливане, и особенно среди шиитов. Шиитская линия ислама ближе всего стоит к христианской этике и эсхатологической ориентации. Множество параллелей здесь существует также со спиритуалистическим направлением в иудаизме. Крайние ши-

итские секты — исмаилиты, алавиты и т. д. — вообще основывают свою традицию на эсхатологической проблематике, ожидая прихода «скрытого имама» или «кайима» («воскресителя»), который восстановит подлинную традицию, попорченную веками компромиссов и отступлений, и вернет человечество в царство справедливости и братства. Это эсхатологическое направление в исламе — в шиитском контексте и вне его — вполне можно рассматривать как разновидность евразийства в самом общем понимании. Оно резонирует с православной эсхатологической перспективой, хотя оперирует, естественно, иной догматической и конфессиональной терминологией.

Иная, неэсхатологическая версия ислама, ярко воплощенная в саудовском ваххабизме или экстремальном ханифизме (типа пакистанского движения «Таблиг» — откуда пошло движение «Талибан»), несмотря на мощные механизмы фанатичной мобилизации, является довольно нейтральной в смысле концептуализации роли ислама в конце времен, или рассматривает эту проблему в технически материальной перспективе. Так как исламское население неуклонно растет, значение исламского фактора естественным образом увеличивается. В ваххабитском прагматизме и иных неэсхатологических формах исламского фундаментализма вполне можно различить черты, типологически сходные с бытоустроительным фундаментализмом протестантов или евреев-рационалистов.

При этом едва ли в настоящее время можно всерьез говорить об «исламском факторе» как о чем-то едином, солидарном и достаточно масштабном для того, чтобы предложить самостоятельную религиозную версию «конца времен». Можно лишь отметить,

что общим для исламского мира фактором является «антииудаизм» или, точнее, «антисионизм». Вынесение этой этнорелигиозной проблематики на первый план, в ущерб акцентированию магистрального противостояния православия и западного христианства, напоминает ситуацию, с которой мы столкнулись, анализируя значение германского расизма. Тяготение многих исламских идеологов к тому, чтобы сделать из Израиля и евреев центральный вопрос современной истории, абсолютизировав исламско-еврейское противоречие, снова приводит нас к тупиковой и неразрешимой ситуации, которая принесла столько вреда выяснению функций и идентичности основных субъектов человеческой истории, неуклонно приближающейся к своей развязке. Надо заметить, что и сам ислам начинает рассматриваться, как некое «пугало», перед лицом которого должны сплотиться «прогрессивные силы» или даже «христианские страны». Иными словами, ислам, или пресловутый «исламский фундаментализм», начинает выполнять функцию не существующего в современности фашизма. Мы видели, насколько двусмысленна была роль фашизма на всех уровнях реальной эсхатологической дуэли. Было бы крайне опасно воспроизводить аналогичную ситуацию, но на сей раз с «исламом».

Последняя формула

Подведем итог нашему беглому анализу. Мы выяснили, что на всех уровнях наиболее обобщенных редукционистских моделей исторической телеологии существует конгруэнтная траектория развития исторического процесса. Теперь остается лишь вве-

сти все выделенные компоненты в обобщающую формулу.

Итак, в истории действуют *два субъекта, два полюса, две предельные реальности*. Их противостояние, их борьба, их диалектика составляют динамическое содержание цивилизации. Эти субъекты становятся все более и более отчетливыми и явными, переходя от расплывчатого, завуалированного, «призрачного» существования к окончательной, строго фиксируемой форме. Они универсализируются и абсолютизируются.

Первый субъект:

Капитал = Море (Запад) = англосаксы (шире — «романо-германны») = западнохристианские конфессии.

Второй субъект:

Труд = Суша (Восток) = русские (шире — «евразийцы») = Православие.

Двадцатый век — кульминационная точка противостояния этих двух сил, последняя битва, Endkampf.

В данный момент можно констатировать, что первый субъект почти по всем параметрам сумел одолеть второго субъекта. И главным инструментом, постоянно и на всех уровнях повторяющимся тактическим ходом Запада было использование некоей промежуточной (третьей) реальности, третьего псевдосубъекта истории, который всякий раз на поверку оказывался бестелесным миражом, призванным закамуфлировать истинную сущность эсхатологического противостояния и в итоге обеспечить Западу победу.

Победа Запада (во всем его объеме) может быть осознана двояко. Оптимисты-либералы утверждают, что победа окончательна, «история успешно завершена». Более осторожные говорят, что это лишь временный этап и поверженный гигант сможет подняться при определенных обстоятельствах. Тем более что победитель сталкивается с новой и совершенно непривычной для него ситуацией — ситуацией отсутствия врага, дуэль с которым составляла содержание исторического бытия. Следовательно, актуальный субъект истории, оставшийся единственным, должен решать проблему постистории, что ставит перед ним новый вызов — останется ли он в этой постистории субъектом или трансформируется в нечто иное?

Но это совершенно иная тема.

А что побежденный? Трудно ожидать от него ясных и взвешенных рефлексий. В большинстве случаев он не понимает, что с ним произошло, и ампутированный орган — в данном случае сердце — продолжает болеть и саднить, как это происходит у больных после операции. Мало кто ясно осознает, *что* произошло на рубеже 90-х годов, с какой стороны открылась перед человечеством «парадигма Конца»...

ГЛАВА 2

Асимметрия

Объективный взгляд

Следует посмотреть на нынешнее положение России по-новому, здраво и объективно. Без обид, эмоций, ностальгии, озлобления. В каком мире мы оказались? Какие угрозы над нами нависли?

Какова конфигурация современной карты мира с точки зрения стратегии? Что мы в такой ситуации должны сделать? А что из того, что должны, можем? Как осознается нами самими наше место и как его видят вне России те силы, от которых действительно многое зависит? Мало кто в нашем сегодняшнем обществе способен спокойно и бесстрастно не только ответить на эти вопросы, но хотя бы задать их.

Тезис Запада — однополярный мир

На заре третьего тысячелетия сложился однополярный мир. Его единственным *актуальным* полюсом является Запад, США и их союзники по НАТО (с разной степенью интегрированности). Этот однополярный мир имеет отчетливый, ясно различимый

идеологический облик: это тоталитарно навязываемая космополитическая *либерал-капиталистическая модель*. На стратегическом уровне однополярный мир опирается на *военную мощь США*. Это неразделимые вещи: стратегический потенциал США (и специфика его конфигурации) и либерал-капиталистическая система в политике, экономике, социальном аспекте.

Однополярность подтверждается на обоих уровнях (стратегическом и идеологическом): в настоящий момент на земле нет ни одного военного образования, симметрично сопоставимого с военной мощью США, и нет единой идеологической конструкции, столь же универсальной, распространенной, общепризнанной и общепринятой, как либерал-капиталистическая (иногда с натяжкой называемая «либерал-демократической» — с натяжкой, так как реальной демократии там мало).

Однополярный мир — данность. Если мы не будем признавать этой данности, любые наши построения останутся вне сферы реальности. Признание свершившегося факта есть стартовая черта любого ответственного размышления о состоянии, в котором находится человечество на первых этапах нового тысячелетия.

Эта констатация, однако, сама по себе не несет никакой этической оценки. Утверждение о том, что «нечто» есть, еще не означает, что это «нечто» есть благо.

Однополярный мир — это обобщающий стратегический, геополитический и мировоззренческий тезис — «тезис Запада», имеющий свою генеалогию, свою историю, свои этапы. Однополярный мир возник отнюдь не случайно и не вдруг. Это результат становления тезиса Запада как универсальной катего-

рии, победившей исторические цивилизационные альтернативы.

Тезис Запада воплотился в однополярный мир через процесс преодоления всевозможных исторических альтернатив, которые на разных этапах выступали то как традиционные общества, то как националистические режимы, то как социалистические системы.

До самого последнего времени у тезиса Запада существовала *формальная* альтернатива и на стратегическом, и на мировоззренческом уровнях. Противоречивые планетарные интересы великих держав в первой половине XX века, двухполярный мир (социалистический Восток — капиталистический Запад) во второй половине XX века — выстраивались в системы противовесов и противостояний, готовых в любой момент вылиться в прямой мировой конфликт с неопределенным исходом, так как силовой потенциал различных полюсов был в целом сопоставимым.

Однополярный мир есть такая реальность, где превосходство тезиса Запада над возможными альтернативными моделями развития цивилизации становится закрепленным и очевидным.

Это означает де-факто установление стратегической и идеологической гегемонии со стороны США. Осознание выразилось в новом стратегическом термине: гипердержава. Великих держав (до конца Второй мировой войны) существовало несколько, сверхдержав — только две, а гипердержава — одна.

Такое положение вещей закреплено документально в основополагающих документах американской политики: в частности, в докладе бывшего президента США Уильяма Клинтона от 1997 г. «Стратегические перспективы США в XXI веке».

Президент США справедливо утверждает, что

США на данном этапе (и в их лице — весь цивилизационный тезис Запада) справились со всеми формальными противниками, со всеми симметричными угрозами и традиционными преградами и вызовами.

«Новый мировой порядок» установился, все препятствия для его глобализации сняты.

И здесь начинается самое интересное: в этом документе президент США говорит, что отныне основные виды угроз такому устройству мира могут проистекать из «новых вызовов», которые заведомо будут *асимметричными*. Отныне любая стратегическая или идеологическая альтернатива «новому мировому порядку» будет диспропорциональна сложившейся планетарной системе. Это не формальное противостояние двух или нескольких сопоставимых планетарных организаций, но более сложные процессы, когда однозначное и неоспоримое лидерство «тезиса Запада» будет иметь дело с непредсказуемой, пока далеко не очевидной, трудно схватываемой реальностью. Условно в данном документе и на современном политологическом языке она называется «асимметрией», или «новым вызовом».

Еще один приблизительный термин для обозначения этой потенциальной реальности — Евразия.

Однополярность со знаком плюс или минус?

Выше мы сказали, что признание факта однополярности не означает признания его правомочности, положительного содержания, позитивности. Человеческая свобода позволяет нам интерпретировать любой факт в дуальной (как минимум) системе этики. Если мы оцениваем его как добро, мы поддерживаем

его фактичность силой нашего морального согласия. Но мы можем признать этот вполне реально существующий факт и злом, несправедливостью, негативным явлением. Тогда — не отрицая его наличия — мы будем искать способы, как его искоренить, исправить, преобразить или уничтожить. В этой этической свободе от диктатуры наличного бытия проявляется высшее достоинство человеческого существа.

Однополярный мир — факт. Но для огромного сектора современного человечества — это *факт целиком и полностью негативный,* трагический, отрицательный. И, если формальной альтернативы такому миру сегодня нет, это еще отнюдь не означает, что ее не может или не должно быть.

В земном мире не может существовать какого-то абсолютного единства, и любой тезис, каким бы глобальным и универсальным он ни был, может и должен столкнуться с антитезисом.

Для нас сейчас самое важное — ясно понять: альтернатива однополярному миру, антитезис в отношении «тезиса Запада», ставшего глобальным и претендующего на универсальность, отныне и на определенный срок переместились из области формальной и симметричной в область неформальную и асимметричную, в область «нового», «неочевидного», еще только долженствующего обрести ясно различимые черты.

Антитезис однополярности лежит в сфере асимметрии.

И это точно такой же неоспоримый факт, как факт превращения США в гипердержаву.

Ответственный поиск альтернативы однополярности должен лежать в новых стратегически-идеологических областях. Это не значит, что предыдущие альтернативы «тезису Запада» полностью утрачивают

свое значение. Нет, они сохраняют его, но в снятом виде, в новом контекстуальном пространстве, с необходимой коррекцией. Самое главное, что в пространстве асимметрии прежние альтернативы складываются в новую комбинацию и часто периферийные элементы выступают вперед, а то, что казалось магистральным, напротив, отходит на задний план.

Многополярность

Концепция многополярности, заложенная в такие серьезные стратегические документы нынешней России, как «Концепция национальной безопасности», имеет в общепланетарном контексте вполне революционное содержание. Первое и главное значение тезиса многополярности — отрицание сложившейся однополярности, признание ее негативным цивилизационным явлением. Несмотря на видимую расплывчатость и налет отвлеченной гуманитарности, это очень суровый и серьезный тезис, особенно если осознать стратегический контекст и значение документа, где он фигурирует. Это, кстати, ясно осознают американские стратегические центры и их российские инсайдеры, проводники американской однополярной идеи.

Многополярность есть одна из версий противопоставления однополярному миру асимметричной конструкции, где роль второго уравновешивающего полюса призвана играть не какая-то отдельная сверхдержава, но стратегический блок разнородных (политически, культурно, расово и национально) геополитических образований. Например, альянс России, Китая, Индии и Ирана.

Иная модель многополярности предполагает дроб-

ление натовского стратегического пространства, вывод Европы и Тихоокеанского региона из-под прямого американского контроля. Эти две версии могут рассматриваться параллельно.

Есть и еще одна — самая вызывающая — версия многополярности, основанная на концепции стратегического вхождения России в клуб стран-парий — Ирак, Северная Корея, Ливия и т. д.

В любом случае — и в самом умеренном, и в самом жестком — тезис многополярности имеет ярко выраженный антиамериканский подтекст. Его основная направленность заключается в стремлении на новом уровне и на новом этапе сформулировать стратегическую и концептуальную альтернативу однополярности и «новому мировому порядку».

Причем в основе всех версий многополярности лежит идея асимметричности. Речь идет не о создании прямого и открыто симметричного второго полюса, но о стремлении самыми разными путями оттенить или ограничить, деконструировать сложившуюся однополярность, не входя с ней в прямое противостояние (которое, помимо всего прочего, еще и невозможно).

Россия как ядро потенциальной альтернативы

Какой бы ни была возможная асимметричная альтернатива однополярному миру, Россия по геополитическим, культурным, историческим и, главное, стратегическим соображениям должна стать не просто ее участником, *но ее ядром*. Это соображение почти не зависит от субъективного настроя ее политических руководителей — даже самые «прозападные»

правители России логикой геополитических процессов будут вынуждены двигаться только в одном направлении. Это прекрасно понимают ответственные американские стратеги — такие, как Збигнев Бжезинский, утверждающий, что залогом укрепления американской доминации является не просто ослабленная, но *расчлененная Россия,* не способная ни при каких обстоятельствах сплотить вокруг себя другие державы. По этой причине Евразия, как потенциальный плацдарм для организации грядущей альтернативы американской глобальной доминации, лежит в центре интересов американской стратегии. Бывшие советологические центры времен «холодной войны» сегодня переименовываются в центры евразийских исследований.

Евразия и есть общее название для всей совокупности «новых вызовов» на стратегическом уровне, ядро и полюс вероятной асимметрии.

Параллельно этому *евразийство* (или, в некоторых редакциях, неоевразийство) выступает как *мировоззренческий,* идеологический коррелят стратегического фактора, претендует на роль «философии многополярности».

Различные аспекты асимметрии

Россия сегодня находится в уникальном положении: фактическая деполитизация власти открывает необозримые возможности для самой рискованной и дерзкой геополитической игры. Ирак, Китай, Германия, Япония, Франция, Италия, Индия, Туркмения, Белоруссия, Югославия, Израиль — любые геополитические партнеры сегодня возможны в том или ином конкретном случае. Геополитика асим-

метрии, неожиданное выстраивание самых причудливых комбинаций для выхода на реальные горизонты многополярности сегодня не сдерживается со стороны Кремля никакими идеологическими, конфессиональными, политическими или социальными критериями.

Простое выстраивание той или иной геополитической конфигурации уже само по себе может стать неотразимым вызовом однополярности. Недостающие компоненты для формального симметричного паритета могут быть извлечены из сложной и многоплановой геополитической комбинаторики.

В арсенале потенциальной многополярности есть и разнообразные средства. Во-первых, это сохранение в России достаточного ядерного потенциала, способного в крайнем случае остановить любые попытки США силой навязать свою волю России или нашим основным стратегическим партнерам по многополярности, а такими потенциально являются не только Китай, Индия и Иран, но сама Европа и Тихоокеанский регион, в частности Япония. Стратегический потенциал России — это на некоторое время силовая ось многополярности, а значит, важнейший фактор безопасности для народов и стран всего мира. Относительная, асимметричная, урезанная, но гарантия соблюдения хотя бы минимального паритета.

Не случайно США так озабочены уничтожением остатков нашего ракетно-ядерного потенциала. Активная асимметрия предполагает, что мы сохраним его как можно дольше.

Наконец, не следует забывать о новейших российских военных разработках. Современная структура мира в постиндустриальном информационном пространстве становится весьма уязвимой. Поэтому разработка новых видов вооружений — при правильной

конфигурации инновационного процесса — может переместиться в самом ближайшем будущем от массивных технологий, требующих гигантских экономических и индустриальных ресурсов, к точечным высокотехнологическим модулям, чья разработка требует не столько капитальных вложений, сколько творческой гибкости и авангардного подхода.

И эта сторона стратегической асимметрии должна развиваться у нас приоритетно.

Евразийство: асимметричная философия

Важнейшим компонентом многополярности на мировоззренческом уровне является поиск *доктрины асимметрии*. Речь идет о своего рода «философии многополярности». Как и в случае со стратегическими аспектами, ядром такой философии может выступать только Россия. Однако очевидно, что ни возврат к советской социалистической идеологии, ни тем более узконациональная модель России как регионального, национального государства не могут соответствовать поставленной задаче, так как ни то ни другое не обладает должным уровнем универсальности, требующимся на новом этапе. «Философия многополярности» или «идеология асимметрии» могут сложиться только по совершенно новым концептуальным выкройкам, на основании особой исторической рефлексии, которая должна быть, по определению, авангардной, оригинальной. Скорее всего, не какое-то одно догматическое направление, антитетичное «тезису Запада», может претендовать на эту роль, а целый спектр традиционных или новаторских доктрин, позиций, идеологий, синтезированных в общем русле,

но в равной степени отрицающих (по самым разным причинам) идеологическую надстройку нового мирового порядка. Уже сейчас можно предвидеть, что в этой потенциальной «философии асимметрии» могут быть задействованы как мягкие социал-демократические формы, так и национальные учения, как прагматические и светские элементы, так и интегрирующие факторы конфессионального и этнического характера, как стратегические интересы, так и соображения практического уровня. Общим знаменателем такой «идеологии многополярности» может стать на первом этапе отрицание крайнего либерал-капиталистического догматизма, сопряженного с «новым мировым порядком», отрицание american way of life.

Возможным критикам построения новой идеологии по признаку общего отрицания сразу можно указать на небывалое значение, которое либерал-капитализм как общая надстройка однополярности приобрел в нашей исключительной исторической ситуации. Когда у либерал-капитализма (тезиса Запада) существовали формальные альтернативы, общего отрицания было явно недостаточно, так как противоречия имелись и между самими этими догматическими альтернативами, обладавшими всеми основными признаками геополитического суверенитета. Сегодня же ситуация радикально изменилась и «тезис Запада» является безальтернативным с точки зрения его геополитической поддержки. Сегодня только либерал-капиталистическая идеология опирается на реальную базу актуального стратегического суверенитета — на США. Поэтому любые альтернативные мировоззренческие проекты по объективной логике смещены на противоположный полюс.

Этот полюс можно рассматривать двояко: либо как «свалку идеологий», отыгравших свое (и это вер-

но, если рассматривать судьбу этих идеологий с точки зрения их исторических претензий на универсализм и финальный триумф), либо как хаотическую закваску новой, еще не родившейся «философии асимметрии» (и это тоже верно, если учесть сущностную, а не формальную сторону этих идеологий — отрицательная, антилиберал-капиталистическая сторона их признается верной и важной, внешнее же оформление данного импульса рассматривается как нечто спорное и второстепенное).

Синонимом такой «философии асимметрии» или «идеологии многополярности» является новый вариант евразийства — *неоевразийство.* Неоевразийство есть динамично развивающийся, еще не законченный продукт универсализации, глобализации идей, подходов и методов, которые в зародышевом, интуитивном состоянии были намечены исторической школой евразийцев 20–30-х годов.

ГЛАВА 3

Карл Шмитт: пять уроков для России

Знаменитый немецкий юрист Карл Шмитт считается классиком современного права. Некоторые называют его «современным Макиавелли» за то, что в его анализе политической реальности отсутствует сентиментальное морализаторство и гуманистическая риторика. Карл Шмитт считал, что в определении правовых проблем в первую очередь важно дать ясную и реалистичную картину политических и социальных процессов, отказавшись от утопий и благопожеланий, а также от априорных императивов и догм. Сегодня научное и юридическое наследие Карла Шмитта является необходимым элементом юридического образования в западных университетах. Для России же его творчество представляет особое значение, так как Шмитта особенно интересовали критические ситуации в политической жизни современности. Его анализ права и политического контекста права, без сомнения, поможет нам яснее и глубже понять, что происходит в нашем обществе, что происходит в России.

Урок 1: Политика, политика превыше всего

Главным принципом философии права Карла Шмитта была идея о безусловном главенстве политических принципов над всеми критериями общественного существования. Именно политика организовывала и предопределяла стратегию внутреннего и внешнего бытия общества. Все большее усиление давления экономических факторов в современном мире Карл Шмитт объяснял следующим образом: *«Тот факт, что сегодня экономические противоречия становятся противоречиями политическими<...>, свидетельствует лишь о том, что, как и всякий другой вид человеческой деятельности, экономика может пойти по пути, который неизбежно приводит к политическому выражению»*[1].

Смысл такого утверждения, подкрепленного у Шмитта солидной исторической и социологической аргументацией, сводится, в конечном счете, к тому, что можно определить как теорию «коллективного исторического идеализма», где в качестве субъекта выступает не индивидуум, экономические законы, развивающееся вещество и т. д., а конкретный, исторически определяемый, социально единый *народ,* сохраняющий сквозь разные формы и стадии своего экономико-социального существования качественное единство, духовную непрерывность традиции и органическую особость воли, динамической, но наделенной своим собственным законом. Сфера политики, в понимании Шмитта, становится воплощением воли народа, выражающейся в самых различных

[1] *Шмитт К.* Понятие политики // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1.

формах, которые относятся к юридическому, экономическому и социально-политическому уровням.

Такое определение политики идет вразрез с механистическими универсалистскими моделями структуры общества, которые преобладали в западной юриспруденции и философии права начиная с эпохи Просвещения. У Шмитта сфера политики связывается напрямую с двумя факторами, которые механицистские доктрины склонны были игнорировать: с конкретикой исторического народа, наделенного особой качественной волей, и с исторической спецификой того или иного общества или государства, традиции и прошлое которого, по мнению Шмитта, концентрируются в его политическом проявлении. Шмитт, таким образом, утверждая примат политики, вводил в философию права и в политологию качественные, органические характеристики, заведомо не укладывающиеся в одномерные схемы «прогрессистов» — как либерально-капиталистического, так и марксистско-социалистического толка.

Теории Шмитта рассматривали политику как явление «укорененное», «почвенное», *«органическое»*.

Такое понимание политики необходимо России и русскому народу для того, чтобы адекватно распорядиться своей судьбой и не стать заложником антинациональной, редукционистской идеологии, игнорирующей волю народа, его прошлое, его качественное единство и духовный смысл его исторического пути.

Урок 2: Пусть всегда будут враги, пусть всегда будут друзья

Карл Шмитт в книге «Понятие политики» высказал чрезвычайно важную мысль: *«Народ существует политически только в том случае, если он об-*

разует независимую политическую общность и если он при этом противопоставляет себя другим политическим общностям как раз во имя сохранения собственного понимания своей специфической общности». Хотя эта точка зрения полностью расходится с гуманистической демагогией, характерной как для марксизма, так и для либерально-демократических концепций, вся мировая история, и в том числе действительная (а не прокламируемая) история марксистских и либерально-демократических государств, показывает, что именно так дело обстоит на практике, хотя утопическое, постпросвещенческое сознание и не способно этот факт признать. В реальности политическое разделение на «наших» и «ненаших» существует во всех политических режимах и у всех народов. Без этого разграничения ни одно государство, ни один народ, ни одна нация не смогли бы сохранить своего особенного лица, не смогли бы иметь своего собственного пути, своей собственной истории.

Трезво анализируя демагогическое утверждение об антигуманности, нечеловечности деления на «наших» и «ненаших», Карл Шмитт замечает: *«если некто начинает выступать от имени всего человечества, от лица абстрактной гуманности, это означает на практике, что этот некто высказывает таким образом чудовищную претензию на то, что он лишает всех своих возможных оппонентов человеческого качества вообще, объявляет их вне человечества и вне закона и потенциально предполагает войну, доведенную до самых страшных и бесчеловечных пределов»*. Поразительно, что эти строки написаны в 1934 году, задолго до ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Кроме того, о жертвах ГУЛАГа тогда тоже еще не было известно на Западе. Таким образом, к самым страш-

ным последствиям приводит не реалистическое признание качественной специфики политического существования народа, которая всегда предполагает деление на «наших» и «ненаших», а стремление к насильной универсализации, к втискиванию наций и государств в клетки утопических концепций «единого и однородного человечества», лишенного всяких органических и исторических различий.

Отправляясь от этих предпосылок, Карл Шмитт развил теорию «тотальной войны» и «ограниченной войны», так называемой «войны форм». Тотальная война является следствием универсалистской утопической идеологии, отрицающей естественные культурные, исторические, государственные и национальные различия народов. Такая война чревата уничтожением человечества. Экстремистский гуманизм — прямой путь к такой войне, считает Карл Шмитт. Тотальная война предполагает участие в конфликте не только военных, но и мирного населения. Это — самое страшное зло. «Война форм» неизбежна, так как различия между народами и их культурами неистребимы. Но «война форм» предполагает участие в ней только профессиональных военных и может регулироваться определенными юридическими правилами, которые некогда в Европе носили название Jus Publicum Europeum (Европейский общественный закон). «Война форм» — наименьшее зло. Теоретическое признание ее неизбежности заранее предохраняет народы от «тотализации» конфликта и от «тотальной войны». Здесь уместно привести знаменитый парадокс из «Бесов» Достоевского. Там Шигалев говорит: *«Исхожу из абсолютной свободы и прихожу к абсолютному рабству»*. Перефразируя эту истину применительно к идеям Карла Шмитта, мож-

но сказать, что сторонники радикального гуманизма «исходят из тотального мира и приходят к тотальной войне».

И последний важный момент в определении «наших» и «ненаших», «врагов» и «друзей». Шмитт считает, что фундаментальность этой пары для политического бытия нации ценна также и тем, что в этом выборе решается глубинная экзистенциальная проблема. Жюльен Фройнд, ученик и последователь Карла Шмитта, так сформулировал этот тезис: *«Пара «враг»—«друг» дает политике экзистенциальное измерение, так как, предполагая теоретически возможность войны, выбор в рамках этой пары ставит проблему жизни и смерти»*. Юрист и политик, рассуждающие в категориях «враг»—«друг», ясно осознающие смысл этого выбора, оперируют экзистенциальными категориями, что придает их решениям, поступкам и заявлениям качество реальности, ответственности и серьезности, которых лишены все утопические гуманистические абстракции, превращающие драму жизни и смерти в войне в одномерную химерическую декорацию. Страшной иллюстрацией этого было освещение западными средствами массовой информации иракского конфликта и бомбежек Сербии — американцы следили за гибелью иракских и сербских женщин, детей и стариков по телевизору, будто наблюдая за компьютерными «звездными войнами». Идеи нового мирового порядка, основы которого были заложены в этих конфликтах, являются высшим проявлением лишения страшных и драматических событий всякого экзистенциального содержания.

Пара «враг»—«друг», являющаяся и внешне и внутренне политической необходимостью для существова-

ния политически полноценного общества, должна быть холодно принята и осознана. В противном случае «врагами» станут все, а «друзьями» — никто. Это политический императив истории.

Урок 3: Политика «исключительных обстоятельств» и решение

Одной из самых блестящих сторон концепции Карла Шмитта является принцип «исключительных обстоятельств» (по-немецки «Emstfall»), возведенный в ранг политико-юридической категории. Согласно Шмитту, юридические нормы описывают только нормальную политико-социальную реальность, протекающую равномерно и непрерывно. Только к такой сугубо нормальной ситуации применимо в полной мере понятие «права», как его понимают юристы. Существуют, конечно, регламентации «чрезвычайного положения», но эти регламентации определяются чаще всего исходя из критериев нормальной политической ситуации. Классическая юриспруденция тяготеет, по мнению Шмитта, к абсолютизации критериев нормальной ситуации, к рассмотрению истории общества как одномерного юридически конституируемого процесса. Наиболее полным выражением такой точки зрения является «Чистая теория права» Кельзена. Однако за этой абсолютизацией концепции «правового подхода», «правового государства» Карл Шмитт видит тот же утопический механицизм и наивный универсализм, идущие от Просвещения с его рационалистическими мифами. За абсолютизацией права скрывается попытка «закрыть историю», лишить ее творческого, страстного измерения, ее политического содержа-

ния, ее *народности*. На основании такого анализа Карл Шмитт выдвигает особую теорию — теорию «исключительных обстоятельств», «Ernstfall».

Ernstfall — это момент, когда принимается политическое решение в ситуации, которая не может более быть регламентированной обычными юридическими нормами. Решение в «исключительных обстоятельствах» предполагает соединение множества разнородных органических факторов, относящихся как к традиции, историческому прошлому, культурным константам, так и к спонтанному волеизъявлению, героическому преодолению, страстному порыву, внезапному проявлению глубинных экзистенциальных энергий. Истинное решение (а сам термин «решение», «Entscheidung», был ключевой концепцией юридических доктрин Шмитта) принимается именно в состоянии «разрыва» юридических и социальных норм — и тех, что описывают естественное течение политических процессов, и тех, что начинают действовать в случае «чрезвычайного положения», в случае «социально-политической катастрофы». «Исключительные обстоятельства» — это не просто катастрофа, это постановка народа и его политического организма перед проблемой, обращенной к его исторической сущности, к его сердцевине, к его тайной природе, которая и делает этот народ тем, что он есть. Поэтому решение, принимаемое политически в такой ситуации, является спонтанным выражением глубинной воли народа, отвечающей на глобальный экзистенциальный и исторический вызов (здесь можно сравнить взгляды Шмитта со взглядами Шпенглера, Тойнби и других консервативных революционеров, с которыми Карл Шмитт, впрочем, был тесно связан лично).

Во французской юридической школе последователей Карла Шмитта был выработан специальный термин «десизионизм», от французского «decision», «решение». Десизионизм главный акцент ставит именно на «исключительных обстоятельствах», так как в это мгновение нация, народ актуализируют свое прошлое и предопределяют свое будущее в драматической концентрации настоящего момента, где воедино сливаются три качественные характеристики времени — сила истока, из которого исшел в историю народ, воля народа, обращенная в будущее, и утверждение здесь и теперь, где в высшем напряжении ответственности народ схватывает и обнажает свое надвременное «Я», свою самоидентичность.

Карл Шмитт, развив теорию «Ernstfall» («исключительных обстоятельств») и «Entscheidung» («решения»), показал также, что утверждение всех юридических и социальных норм происходит именно в периоды «исключительных обстоятельств» и изначально основывается на спонтанном и одновременно предопределенном решении. Прерывный момент одноразового волеизъявления ложится позднее в основу непрерывной нормы, которая продолжает существовать до возникновения новой ситуации «исключительных обстоятельств». Это положение прекрасно иллюстрирует противоречие, заложенное в концепциях радикальных сторонников правового государства: они сознательно или нет игнорируют тот факт, что сама апелляция к необходимости установления правового государства есть решение, не основанное ни на чем ином, кроме как на политическом волеизъявлении определенной группы. В некотором смысле это императив, выдвинутый произвольно, а не некая неизбежная, фатальная необходимость. По-

этому принятие или отрицание «правового государства» и вообще принятие или отрицание той или иной юридической модели должно быть сопоставлено с волей конкретного народа или государства, к которым это предложение или волеизъявление обращены. Подспудно сторонники «правового государства» стремятся к созданию или использованию «исключительных обстоятельств» для внедрения своей концепции, но коварство такого подхода, лицемерие и противоречивость метода вполне закономерно могут вызвать народную реакцию, результатом которой вполне может явиться иное, альтернативное, решение. И вполне вероятно, что это решение приведет к созданию иной юридической действительности, нежели та, к которой стремятся универсалисты.

Концепция решения и ее сверхюридическая направленность, равно как и сама природа решения, сопряжены с теорией «прямой власти» и «косвенной власти» (potestas directa и potestas indirecta). Решение в специфическом контексте Шмитта принимается не только в инстанции «прямой власти» — власти королей, императоров, президентов и т. д., но и через «косвенную власть», примером которой можно назвать религиозные, культурные или идеологические организации, влияющие на историю народа и государства не так явно, как решения правителей, но тем не менее подчас воздействующие весьма глубоко и серьезно. Шмитт считает, что «косвенная власть» отнюдь не всегда негативна. С другой стороны, он имплицитно намекает на то, что решение, идущее вразрез с волей народа, чаще всего принимается и осуществляется именно путем «косвенной власти». В своей книге «Политическая теология» и в позднейшем к ней дополнении «Политическая теология» он под-

робно разбирает логику функционирования этих двух типов власти в государствах и нациях.

Теория «исключительных обстоятельств» и связанная с ней тема решения (Entscheidung) имеют для нас сегодня первостепенное значение, так как мы находимся именно в той точке истории нашего народа и нашего государства, где «исключительные обстоятельства» стали естественным состоянием нации и где от решения зависит не только политическое будущее нашего народа, но и осмысление и сущностное подтверждение его прошлого. Если воля народа сможет утвердить самое себя и свой национальный выбор в этот драматический момент, сможет ясно определить своих и чужих, обозначить друзей и врагов, вырвать у истории свое политическое самоутверждение — тогда решение русского государства и русского народа будет его собственным, историческим, экзистенциальным решением, ставящим печать верности под тысячелетиями духовного народо- и импеространства, а значит, и будущее у нас будет русским. Если же решение примут *другие,* то есть в первую очередь сторонники «общечеловеческого подхода», «универсализма» и «эгалитаризма», которые после гибели марксизма являются *единственными* прямыми наследниками утопической и механицистской идеологии Просвещения, то не только наше будущее будет «нерусским», «общечеловеческим», то есть в конечном счете «никаким» (если стоять на позициях бытия народа, государства, нации), но и наше прошлое потеряет смысл, драма великой русской истории обратится глупым фарсом на пути к мондиализму и полной культурной нивелировке в «общечеловеческом человечестве», «правовой реальности».

Урок 4: Императивы «большого пространства»

Карл Шмитт затронул и геополитический аспект социальной проблематики. Наиболее значимой концепцией в этой сфере является идея «большого пространства» (Grossraum), воспринятая позднее многими европейскими экономистами, юристами, геополитиками и стратегами. Смысл концепции «большого пространства», в перспективе анализа Карла Шмитта, заключается в очерчивании географических регионов, в рамках которых многообразие политического проявления конкретных народов и государств, входящих в состав этого региона, может обрести гармоничное и непротиворечивое обобщение, выраженное в «Большом геополитическом союзе». Шмитт отталкивался в этом вопросе от американской доктрины Монро, предполагающей экономическую и стратегическую интеграцию американских держав в естественных границах Нового Света. Так как Евразия представляет собой намного более разнообразный конгломерат этносов, государств и культур, Шмитт полагал, что здесь следует говорить не о полной континентальной интеграции, а о создании нескольких крупных геополитических образований, каждое из которых должно управляться гибким сверхгосударственным принципом, аналогом Jus Publicum Europeum или Священного союза, предложенного Европе русским императором Александром I.

«Большое пространство», организованное в гибкую политическую структуру имперско-федерального типа, по мнению Карла Шмитта, должно компенсировать многообразие национальных, этнических и государственных волеизъявлений, служить своего

рода беспристрастным арбитром и регулятором возможных локальных конфликтов, «войны форм». Шмитт подчеркивал, что «большие пространства» для того, чтобы быть органичными и естественными образованиями, с необходимостью должны представлять собой сухопутные территории, теллурократические образования, континентальные массы. В своей знаменитой книге «Номос Земли» он прослеживал историю континентальных политических макрообразований, пути их интеграции, логику их постепенного складывания в империи. Карл Шмитт заметил, что параллельно существованию духовных констант в судьбе народа — констант, воплощающих в себе духовную сущность народа, — существуют геополитические константы «больших пространств», которые тяготеют к новому воссозданию с перерывами в несколько столетий или даже тысячелетий. Геополитические макрообразования при этом являются стабильными в том случае, если интегрирующий принцип является не жестким и абстрактно воссозданным, но гибким, органичным и соответствующим решению народов, их воле, их страстной энергетике, способной вовлечь в единый теллурократический блок своих культурных, географических или государственных соседей.

Доктрина «больших пространств» («Grossraum») создавалась Карлом Шмиттом не только как анализ тенденций в истории континента, но и как проект будущего объединения, которое Шмитт считал не только возможным, но желательным и даже, в некотором смысле, необходимым. Жюльен Фройнд резюмировал идеи Шмитта относительно будущего Grossraum'а в следующих терминах: *«Организация этого нового пространства не потребует ни научной*

компетенции, ни культурной или технической подготовки, поскольку она возникнет как результат политической воли, отголоски которой трансформируют облик международного права. Как только это «большое пространство» будет объединено, важнее всего будет сила его «излучения»[1].

Таким образом, у Карла Шмитта идея «большого пространства» также обладает спонтанным, экзистенциальным, волевым измерением, как и основной субъект истории в его понимании — народ как политическое единство. Следуя за геополитиками Макиндером и Челленом, Шмитт противопоставлял талассократические империи (Финикию, Англию, США и т. д.) и теллурократические империи (Римскую империю, Австро-Венгрию Габсбургов, Российскую империю и т. д.[2]). С его точки зрения, органичная и гармоничная организация пространства возможна только в случае теллурократических империй и континентальное право может распространяться только на них. Талассократии, выходя за рамки своего Острова и начиная морскую экспансию, входят в противоречие с теллурократиями и по геополитической логике начинают дипломатически, экономически и милитаристически подтачивать основы континентальных «больших пространств». Таким образом, и в перспективе континентальных «больших пространств» Шмитт снова возвращается к концепции пары «враг»—«друг», «наши»—«ненаши», но только на сей раз на планетарном макроуровне. В противостоянии континентальных макроинтересов макроинтересам заморским выявляется волеизъ-

---

[1] Nouvelle Feole, № 44, Paris, 1987.

[2] *Шмитт К.* Земля и море. В кн.: Основы геополитики. М., 2000.

явление континентальных империй, «больших пространств». *Море бросает вызов Суше, но именно через ответ на этот вызов Суша чаще всего возвращается к глубинам своего континентального самосознания.*

Проиллюстрируем теорию Grossraum'а примером. В конце XVIII — начале XIX века территория США была разделена между несколькими странами Старого Света. Крайний Запад, Луизиана, принадлежал испанцам, а позже французам, Юг — Мексике, Север — Англии и т. д. В той ситуации Европа представляла для США законченную континентальную силу, препятствовавшую на военном, экономическом и дипломатическом уровнях геополитическому и стратегическому объединению Нового Света. После обретения независимости США постепенно стали все более и более настойчиво навязывать свою геополитическую волю Старому Свету, что логически начало приводить к ослаблению континентального единства, европейского «большого пространства». Поэтому в Геополитической истории «больших пространств» нет абсолютно теллурократических и абсолютно талассократических держав. Роли могут меняться, но континентальная логика остается постоянной.

Резюмируя теорию «больших пространств» Карла Шмитта применительно к ситуации в сегодняшней России, можно сказать, что разъединение и распад «большого пространства», называемого некогда СССР, противоречит континентальной логике Евразии, так как народы, населяющие наши земли, теряют возможность апелляции к сверхгосударственному арбитру, способному урегулировать или ограничить потенциальные или актуальные конфликты. Но, с другой стороны, отказ от чрезмерно ригидной и не-

гибкой марксистской демагогии, возведенной на уровень государственной идеологии, может привести (и приведет в нормальном случае) к спонтанному и страстному, силовому воссозданию Восточного евразийского блока, поскольку такое воссоздание соответствует интересам всех органичных, автохтонных этносов евразийских пространств. Более того, воссоздание федеральной империи, «большого пространства» восточной части материка, скорее всего, захватит в свое «силовое излучение» дополнительные территории, стремительно теряющие свою этногосударственную идентичность в критической и противоестественной геополитической ситуации, сложившейся после распада СССР.

Континентальное мышление гениального немецкого юриста позволяет очертить круг «наших» и «ненаших» на уровне материка. Осознание естественной и, в некотором смысле, неизбежной противоположности теллурократических и талассократических держав дает провозвестникам и созидателям нового «большого пространства» ясное понимание «врага», которым на стратегическом, геополитическом, экономическом и стратегическом уровнях являются для Европы, России и Азии Соединенные Штаты Америки вместе с их островной талассократической союзницей — Англией. И снова, возвращаясь от макроуровня планеты к уровню социального устройства конкретного государства — России, следует задать вопрос: а не стоит ли за желанием повлиять на русское решение политической проблемы в «универсалистском» ключе скрытое талассократическое лобби, которое может оказывать свое воздействие как через «прямую», так и через «косвенную» власть?

Урок 5: «Военный мир» и теология партизан

Карл Шмитт в конце своей жизни (а умер он 7 апреля 1985 года) особое внимание уделял возможности негативного хода истории, вполне допустимого в том случае, если ирреалистические доктрины радикал-гуманистов, универсалистов, утопистов и сторонников «общечеловеческих ценностей», опирающихся к тому же на гигантский силовой потенциал талассократической державы США, получат глобальное распространение и станут идеологической основой новой мировой диктатуры — диктатуры «механицистской утопии». Шмитт считал, что современный курс истории с неизбежностью движется к тому, что он называл «тотальной войной».

Логика тоталитаризации планетарных отношений на стратегическом, военном и дипломатическом уровнях, согласно Шмитту, основывается на следующих ключевых моментах. С эпохи Французской революции и получения независимости Соединенными Штатами Америки начинается предельное удаление от исторических, юридических, национальных и геополитических констант, которые ранее обеспечивали органическую гармонию на континенте, служили «номосом (законом) Земли». На юридическом уровне тогда стала складываться искусственная и атомарная, количественная концепция «прав личности» (ставшая впоследствии знаменитой теорией «прав человека»), которая вытеснила собой органичную концепцию «прав народа», «прав государства» и т. д. Превращение индивидуума и индивидуального фактора в отрыве от нации, традиции, культуры, профессии, семьи и т. д. в самостоятельную юридическую категорию означало, по мнению Шмит-

та, начало «разложения права», превращения его в утопическую эгалитарную химеру, противоречащую органическим законам истории народов и государств, истории режимов, территорий и союзов. На национальном уровне органические имперско-федеративные принципы стали заменяться двумя противоположными, но в равной мере искусственными концепциями — якобинской идеей «Etat-Nation», «государство-нация» или коммунистической теорией полного отмирания государства и универсального интернационализма. Империи, сохранявшие остатки традиционных органических структур — Австро-Венгрия, Оттоманская империя, Российская империя и т. д., — стали стремительно разрушаться под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. И наконец, на геополитическом уровне талассократический фактор настолько усилился, что произошла глубокая дестабилизация юридических отношений в сфере «больших пространств». (Заметим, что Шмитт считал «Море» пространством, гораздо менее поддающимся юридическому разграничению и упорядочиванию, чем «Суша».)

Распространение на планете юридической и геополитической дисгармонии сопровождалось прогрессирующим отклонением доминирующих политико-идеологических концепций от реальности, превращением их во все более химерические, иллюзорные и, в конечном итоге, лицемерные схемы. Чем больше говорили об «универсальном мире», тем страшнее становились войны и конфликты. Чем более «гуманными» оказывались лозунги, тем более бесчеловечной — социальная действительность. Именно этот процесс Карл Шмитт назвал началом «военного мира», то есть состоянием, не являющимся ни войной,

ни миром в традиционном смысле. Сегодня надвигающуюся «тотальность», о которой предупреждал Шмитт, принято называть «мондиализмом». «Военный мир» получил свое полное выражение в теории американского нового мирового порядка, который в движении к «тотальному миру» однозначно ведет планету к новой «тотальной войне».

Освоение воздушного пространства Карл Шмитт считал важнейшим геополитическим событием, которое символизировало следующую степень отхода от легитимного упорядочивания пространства, так как воздушное пространство еще менее поддается «упорядочиванию», нежели морское. Развитие авиации также, по мнению Шмитта, было шагом к «тотализации» войны. Космические исследования ставили в этом процессе иллегитимной «тоталитаризации» последнюю точку.

Но параллельно наползанию на планету морского, воздушного и даже космического чудовища внимание Карла Шмитта (всегда, впрочем, интересовавшегося глобальными категориями, самой малой из которых было «политическое единство народа») привлекла новая фигура истории, фигура «партизана», исследованию которой Карл Шмитт посвятил свою предпоследнюю книгу «Теория партизана». Шмитт увидел в маленьком борце против больших сил некий символ последнего сопротивления теллурократии, ее последнего защитника. Партизан — это, безусловно, современное понятие. Он так же, как и другие современные политические типы, оторван от традиции, находится за гранью Jus Publicum. В своем сражении партизан пренебрегает всеми правилами ведения войны. Более того, партизан — не военный. Это лицо гражданское, действующее террористическими ме-

тодами, которые в невоенной ситуации должны были бы быть приравнены к злостным уголовным преступлениям. Тем не менее именно партизан, по мнению Карла Шмитта, воплощает в себе «верность Земле», «Суше». *Партизан является откровенно иллегитимным ответом на замаскированно иллегитимный вызов современного «права»*. Именно в экстраординарности ситуации, в постоянном сгущении «военного мира» (или «пацифистской войны», что одно и то же) черпает маленький защитник почвы, истории, народа, нации, идеи источник своей парадоксальной оправданности. Стратегическая эффективность партизана и его методов является, согласно Шмитту, парадоксальной компенсацией начинающейся или уже начавшейся «тотальной войны» с «тотальным врагом».

Быть может, этот урок Карла Шмитта, много почерпнувшего из русской истории и русской военной стратегии, из русской политической доктрины и даже из анализа работ Ленина и Сталина, для русских является наиболее понятным. Партизан — неотъемлемый персонаж русской истории, который появлялся всегда в моменты максимального отклонения волеизъявления русского политического истэблишмента от глубинной воли самого русского народа. Смута и партизанщина в русской истории всегда имели чисто политический, компенсационный характер, направленный на коррекцию национального курса со стороны отчуждающегося от народа политического руководства. Партизаны в России выигрывали проигранные правительством войны, свергали не соответствующий русским традициям экономический строй, поправляли геополитические ошибки вождей. Русские всегда обладали тонким чутьем иллегитимности, органической несправедливости, за-

ложенной в тех или иных доктринах, проступающей сквозь тех или иных персонажей. В некотором смысле Россия — это гигантская империя партизан, действующих вне закона, но ведомых великой интуицией Земли, континента, того «большого, очень большого пространства», которым является историческая территория нашего народа.

Последние замечания

Наконец, шестым, внеплановым уроком Карла Шмитта можно назвать пример того, что лидер европейских новых правых Ален де Бенуа называет «политическим воображением», «идеологическим творчеством». Гениальность немецкого юриста в том, что он не только почувствовал «силовые линии» истории, внял таинственному голосу сущностного, часто скрывающегося за объемными, но пустыми феноменами современного комплексного и динамичного мира.

Мы, русские, должны научиться с тевтонской жесткостью отливать наши бездонные и сверхценные интуиции в четкие интеллектуальные формулы, в ясные идеологические проекты, в убедительные и неотразимые теории. Это необходимо особенно сегодня, потому что мы живем в «исключительных обстоятельствах» — в преддверии решения, подобного которому наша нация, быть может, вообще никогда не принимала. Истинно национальная элита не имеет права оставить свой народ без Идеологии, которая выражала бы не только то, что он чувствует и думает, но и то, что он не чувствует и не думает, но чему втайне даже от самого себя истово поклоняется в течение тысячелетий. И, если мы не вооружим идеологией

государство, которое у нас временно могут отнять «ненаши», мы обязательно, непременно вооружим ею русского партизана, пробуждающегося сегодня к исполнению континентальной миссии.

Россия — большое пространство, и великую мысль носит народ ее в своей гигантской континентальной евразийской душе.

ГЛАВА 4

Стихии, ракеты и партизаны

Шмитт о типах цивилизаций

Выше уже говорилось о том, что Карл Шмитт сформулировал типологию человеческих цивилизаций на основе их отношения к качеству пространства. Рассмотрим проблему подробнее. Шмитт систематизировал данные по четырем характеристикам, которые древнегреческие космологи называли «элементами», или стихиями. Этих стихий было четыре — Земля, Вода, Воздух и Огонь (или Эфир). Обращение к такому видению этапов технического освоения пространства поможет понять некоторые актуальные геостратегические проблемы, имеющие для России и всего мира решающее значение.

Шмитт утверждает, что наиболее традиционные общества были связаны более всего с элементом Земля. Это — теллурократия (власть Суши). Суша представляет собой тип наиболее фиксированного пространства, что предопределяет, согласно Шмитту, наибольшую степень упорядоченности — т. е. наличие довольно строгих норм, отделяющих территорию одного государства от территории другого, устанав-

ливающих границы и формирующих основу международного права, действующего как в периоды мира, так и в периоды войны. Столкновения на суше между двумя противоборствующими сторонами всегда подчинены определенным правилам, Jus Belli, некоему закону войны. Это вызвано тем, что сухопутная цивилизация всегда оценивает завоеванные территории как потенциально свои и поэтому руководствуется принципом избирательного поражения противника, где главной мишенью становятся лишь регулярные военные формирования противоположной стороны. Сами же земли и мирное население сухопутный завоеватель стремится не столько опустошить или разорить, сколько освоить, сделать своими, интегрировать. Карл Шмитт считает, что именно сухопутные цивилизации имеют наиболее строгие моральные нормы, отражающие на социально-этическом плане фиксированность элемента Земля.

Следующим, уже более жидким (и менее фиксированным) элементом является Вода. Цивилизации, основанные на водной стихии, принято называть талассократиями (морскими державами). Шмитт пишет, что «разжижение» господствующей стихии влечет за собой и размывание юридических норм, связанных с упорядочиванием пространства. Действительно, водные границы и морские владения гораздо хуже поддаются делению на «свои» и «чужие», нежели границы земные. Параллельно этому изменяется и логика боевых действий. В противовес сухопутной экспансии-интеграции морские державы практикуют чаще всего колонизацию и пиратство, т. е. грабительские и малоэтичные (с сухопутной точки зрения) набеги на территорию, которая рассматривается лишь как временный источник обогащения и эксплуатации, так как между морской колонией и метрополией в усло-

виях талассократии лежит жидкая стихия, вода, прерывающая однородность пространства. Шмитт утверждает, что цивилизация Воды имеет и свое этическое отличие: для нее свойственна большая подвижность в вопросах морали, ее нормы менее строги, более расплывчаты.

Традиционное для всех геополитиков — от Макиндера до Лохаузена — противопоставление теллурократии и талассократии, будучи совершенно обоснованным, оставляет без внимания два других элемента — Воздух и Огонь (Эфир). Карл Шмитт указывает перспективы восполнения этого недостатка, который все более очевиден при развитии авиации, ракетостроения и космического оружия.

Появление воздухоплавания, освоение цивилизациями воздушной стихии усложняет двухполюсную геостратегическую картину. Если уже талассократия действует разрушительно на территориальные нормативы цивилизации суши, привнося «разжижающий» юридически-этический компонент, то переход к элементу Воздух логически должен еще более «размывать», «развеивать» традиционные нормы — как с точки зрения пространственного разграничения, так и с точки зрения типа цивилизации. И действительно, именно воздушные виды вооружений характеризуются максимальной разрушительностью. На смену сухопутному освоению-покорению и водному ограблению-разорению приходит чистое воздушное разрушение. Самые ужасные страницы современных войн связаны с оружием воздушной стихии — Герника, Дрезден, Хиросима и Нагасаки вплоть до современных ковровых бомбардировок Ирака и Сербии. Переход техносферы к стихии воздуха еще более, чем воды морей, отрывает человечество от его земных,

традиционных корней, отсекает его от исторической, культурной и этической почвы. Освоение воздушного пространства сопровождается еще большим расслаблением нравственных критериев в цивилизации. Шмитт указывает, что аэрократия (власть посредством Воздуха) во многом затушевывает противостояние Суши и Воды, отчасти уравнивая их перед лицом целиком деструктивной стихии. Любопытно заметить, что ядерное оружие теснейшим образом связано именно с воздухом, так как перемещение ядерного боезаряда в военных целях возможно только с помощью ракет или стратегических бомбардировщиков.

Важно отметить также следующую деталь: цивилизация каждого из элементов — Земли, Воды и Воздуха — имеет свою особенность с точки зрения интеграции планетарного пространства в целом. Шмитт замечает, что теллурократия предполагает многополярный уклад, «цветущую сложность», по выражению К. Леонтьева. Различные сухопутные цивилизации развиваются параллельно друг другу, под охраной этики границ, этнических и государственных нормативов, позволяющих наилучшим образом сохранить своеобразие религиозных и национальных культур. Талассократия знаменует собой уменьшение цивилизационной полярности — удачливый Остров, действующий вопреки сухопутным, традиционным правилам, стремится колонизировать как можно большее количество «берегов». И наконец, аэрократия, сложившаяся в ядерно-ракетный век, породила двухполярный мир, поделенный на два лагеря, обладающих сокрушительной разрушающей силой ядерных бомб и боеголовок.

ГЛАВА 4

Самая зловещая стихия

Но существует и четвертый элемент — Огонь (или Эфир), который, по мнению древних греков, находится над элементом Воздуха. Этому элементу соответствует космическое пространство, которое можно назвать «эфирным», а космическая цивилизация в таком случае будет эфирократией. Закономерность, выделенная Шмиттом, чисто логически должна привести к тому, что эфирократия, т. е. перевод техносферы в космическое пространство, должна быть еще более аморальной, беззаконной, бесчеловечной и устрашающей, нежели ядерная аэрократия. С другой стороны, такой «космический» тип цивилизации должен тяготеть к однополярному миру, так как все различия в качестве планетарных стихий у предшествующих цивилизаций при переходе к космосу стираются. Этот логический вывод целиком и полностью подтверждается актуальными геополитическими и геостратегическими потрясениями.

Действительно, с военной точки зрения распад СССР как суверенной державы (одной из двух колонн двухполярного аэрократического мира, которые можно было назвать суверенными) явился результатом того, что мы не смогли дать адекватного ответа на американскую СОИ, которая посредством космических вооружений блокировала воздушно-ядерную, стратегическую мощь СССР. Кроме того, эфирократия принципиально не могла быть двухполярной, и сознающие это американские эксперты изначально ориентировались либо на конвергенцию, либо на свою победу в аэрократическом противостоянии с СССР. По логике Шмитта, можно заключить, что СССР не смог стать эфирократией еще и в силу морально-этической связанности советской ци-

вилизации с почвенными, органическими нормативами, которые необходимо преодолеть и разрушить в наиболее аморальной и бесчеловечной эфирократической цивилизации.

Эфирократия и космическое оружие ориентированы не только на разрушение, но на уничтожение, и не просто врага, а всего Человечества. Человеческое в звездных войнах должно исчезнуть не только в результате возможного грядущего конфликта. Сама роботронная стихия звездных войн оставляет человеку весьма мало места. Оружие эфирократии — это «умное оружие» (по выражению американских военных экспертов). Начиная с «думающей» ракеты «Томагавк» (умной пока лишь, как амеба, — иронизируют специалисты), военная мысль, развиваясь в логике СОИ, предвидит все более и более совершенные типы вооружений, которые в перспективе будут «независимы» от человека и человечества, действуя на основании своей более «совершенной» логики, не подверженной «архаическим комплексам земли». В эфирократии путь цивилизации по ступеням качественного, «элементного» пространства завершается. Корни вырываются окончательно, и «устаревшего» человека сменяют «космические» мутанты-роботы и киборги.

Звездные войны, кладущие конец последним отголоскам цивилизационного закона, всякой регулярности, упорядоченности, всякой Этике, являются военно-стратегическим выражением «мондиализма», концепцией «One World». Для взгляда из космоса (особенно если смотрит робот) разница между сушей и морем, между народами и расами, между государствами и религиями стирается. Человеческие существа организуются наиболее рациональным образом (лишние убираются). Вся власть от

«неразумных» и «нерациональных» правителей, руководствующихся такими пережитками, как «история нации», «независимость государства», «религиозная истина» и т. д., переходит к Мировому правительству, только и способному в такой сложной ситуации обуздать «неразумное скопище архаиков». Наступает «конец Истории», провозглашенный Фрэнсисом Фукуямой, «последним человеком».

Ядерная война партизан

Объективная логика смены стратегических типов цивилизации обрисовывает довольно устрашающую картину, чья реальность затрагивает каждое государство, каждый народ в тот момент, когда он становится жертвой нового элемента. СССР являлся последней державой, которая была отдана в жертву новому мировому порядку, порядку эфира. Конец «холодной войны» означает конец последней «регулярной» войны в истории, так как, несмотря на предельную деструктивность аэрократии, в ней все же сохраняется некое последнее подобие нормы и правил. Победа мондиализма уравнивает СССР и с голодными и нищими рабами третьего мира, и с сытыми и комфортными мондиалистскими лакеями Европы. В принципе форма рабства в условиях эфирократии не так уж и важна, так как царство мондиализма всегда возмещает физическое благополучие духовными пытками, и, напротив, бедствия бедных стран несколько уравновешиваются их верностью животворной Традиции, верностью земле.

Примириться с тихой катастрофой поражения в аэрократической дуэли с США для России очень трудно, так как видимые знаки разгрома, оккупации

и т. д. отсутствуют. Но все же на стратегическом уровне — это свершившийся факт, а заговор и предательство в верхних эшелонах власти не столько объясняют, сколько выражают это страшное обстоятельство. Мы проиграли «холодную войну» не по злому умыслу «агентов», но по тайной логике Провидения. Перед нашим великим народом стоит сегодня мучительный вопрос: как быть?

Показательно, что одной из последних работ Карла Шмитта была книга «Теория партизана». Партизан стоит вне закона войны, вне Jus Belli. Партизан и его функция не запланированы стратегией элементов. В них воплощена древнейшая вечная сила, неподвластная неумолимому року. Партизан воюет против логики техносферы, против времени, против трагической энтропии цивилизации. Обреченный герой, балансирующий между мистическим патриотизмом и криминальным терроризмом, — это единственный возможный ответ на вызов роботронной эфирократии, на диктатуру СОИ, на репрессии технотронного мондиализма. Если в двухполярном аэрократическом мире оставалась хоть какая-то возможность свободы выбора — США или СССР, и концепции Третьего Пути были не более чем идеалистическими чаяниями, сегодня выбор только один: либо признание эфирократии, либо планетарная партизанская война против мондиализма с использованием всех видов вооружений, всех средств, всех разрешенных и запрещенных приемов.

История показывает, что Россия всегда так или иначе противостояла антитрадиционным процессам в цивилизации, храня верность земле, верность истоку. Многовековая стратегическая дуэль с талассократической Англией сменилась аэрократическим противостоянием США. Даже принимая стратегический

вызов техносферы, Россия умудрялась обратить «яд в лекарство» ценой невероятных, немыслимых страданий и жертв. Сегодня же верность русской истории означает прямой и страшный выбор партизана, выбор «народной войны» без правил и приличий, «войны» против эфирократии, в которой на военно-технологическом уровне запечатлелась «тайна беззакония», о которой говорит Евангелие.

ГЛАВА 5

Война — наша мать

1. Война и мир

Существует досадное предубеждение, будто мир во всех случаях предпочтительней войны. И, несмотря на объективную картину человеческой истории, несмотря на постоянное и все более масштабное опровержение пацифистских утопий, эта наивная, в высшей степени безответственная позиция и не думает испаряться. Напротив, аргумент мира — «лишь бы не было войны» — становится определяющим для принятия важнейших судьбоносных решений.

Сплошь и рядом апологеты «мира любой ценой» тщатся подтвердить свое убеждение ссылками на Евангелие, на антимилитаристский характер христианской этики. В этом заключена важная смысловая подмена. Вспомним слова Спасителя — «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так как мiр дает вам, я даю вам» (от Луки 14, 27). Жаль, что в современном русском языке слова «мир» как покой, как невойна и «мир» как вселенная пишутся одинаково, хотя имеют совершенно различный смысл. До реформы Луначарского, упразднившего в русском языке i, в самом

написании этих слов имелась наглядная разница — «мир» как невойна писался так же, как и сегодня, через обычное «и», а мир как вселенная, как космос через і — «міp». Поэтому важно, что «мир», даруемый Христом, есть «мир немірской, надмірный, горний». Более того, в вышеприведенном месте евангельского текста это противопоставление подчеркивается — качество «мира» Христа совершенно иное, нежели «мир» у «міра сего». Легко разглядеть между этими понятиями противопоставление: вечный покой небесного рая противостоит основной характеристике міра дольнего, движимого беспрестанно неистовым буйством стихий. Тут вспомним Гераклита — «вражда есть отец вещей». И поэтому «мир Христов» противоположен не одному из состояний нижней реальности, но всей этой реальности, вместе взятой. Парадоксально, но горний мір, мір истинного мира воюет с міром дольним, попавшим под власть дьявола. И снова недвусмысленно утверждает это сам Спаситель: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? нет, говорю вам, но разделение». Разделение на агнцев и козлищ, на пошедших за Христом, Сыном Божиим, и оставшихся в лапах дьявола. И эти две группы, два лагеря будут находиться между собой в неистребимой вражде до скончания века. Перемирие между ними невозможно, а призывы к нему кощунственны — между злом и добром не бывает консенсуса. Что-то одно соответствует истине, что-то одно по-настоящему есть, а другое — лишь сложная, испытательная видимость. И «миротворцы» блаженны лишь постольку, поскольку несут с собой именно немірской мир Христа», а не тщетные призывы обеим сторонам сойтись на чем-то среднем, на компромиссе, на взаимных уступках.

Выводить современный пацифизм из христиан-

ства совершенно некорректно уже с богословской точки зрения. Любовь к врагам, отказ от принятия правил, диктуемых павшим царством земным, т. е. от сведения всего к противостоянию в материальной, имманентной сфере — да, это прямо вытекает из христианства и его этики. Но любовь к врагам еще не отменяет факта вражды и битвы, а отказ от поверки проигравших и выигравших земными мерками не означает прекращения всякой войны. Христианское духовное воинство Нового Иерусалима, все искренне и истово чающие Светлого Града ведут свою брань с антихристом и слугами его, ненавидя первого и сожалея о падении вторых. Но все это никак не снимает накала световой трансцендентной агрессии. «Не мир, но меч».

Если бы не лживые завывания современных псевдорелигиозных пацифистов, то напоминать о таких простых вещах верующим людям не было бы нужды. Ведь само выражение «Господь Саваоф» с древнееврейского переводится как «Бог Воинств» (заметим также, что «небесным воинством» часто в литургической практике древние евреи называли звезды и светила).

2. Мобилизованный «рождением снизу»

Можно сколь угодно жестоко карать за «пропаганду войны», но войны не избежать. Никуда от нее не деться, ее не обойти. На войне и брани построены основы міра, составляющие главнейшее его качество. Будучи вброшенными в мір земной, мы помимо нашей воли мобилизованы на фронт. Этот факт мы должны принять. Не решив на практике проблему

войны, не ответив так или иначе на ее вызов, мы не способны двинуться ни в одну из сторон бытия.

Рождаясь, мы обречены на принадлежность к региону міра сего, которому всегда что-то угрожает. А следовательно, мы автоматически мобилизованы на его защиту, на отстаивание общины, общества, их интересов. Иначе в этой несовершенной сфере и быть не может. Есть, конечно, и призванные на «брань духовную», стремящиеся исполнить высший подвиг — победить вслед за Христом мір. Такие борцы с міром есть не только в Христианской Церкви, но и в других религиях, причем они всегда выделены в особую касту. Так, в индуизме подобной кастой являются «брахманы», «жрецы». Показательно, что кастовой добродетелью жрецов является «ахимса», т. е. «непричинение никакого вреда живым существам, даже ценой собственной гибели». Эта же «ненасильственная» этика характерна и для буддистских монахов, особенно для высших иерархов ламаизма, которым за большой грех вменяется даже невольное убийство малейшей мошки. Высшим тибетским духовным авторитетам даже нос во время простуды утирают послушники — из страха, что лама нечаянным взмахом платка причинит вред какому-нибудь комару. Кстати, сходное отношение мы встречаем в некоторых формах христианского монашеского подвига — особенно у столпников, исихастов и т. д. Но и это миротворчество есть в определенном смысле война — война (причем жесточайшая) против самого устройства естества.

А все остальные типы людей погружены в непрерывные битвы не столь возвышенного порядка. Они вынуждены защищать свой род, свою землю, свой народ, свое государство, самих себя от агрессивных волн нижней реальности. Но и в этом случае человек

как бы порождается войной, учреждается ею, кроится по ее меркам, закаляется ее огнем. Признание всеобщей военнообязанности человеческого вида не составляло труда для древних, которые с гораздо большим реализмом и с большей ответственностью понимали и принимали жизнь, чем мы. Чем упорнее бежит современное человечество от реализма войны, от принятия ее вызова, тем более страшные и бесчеловечные конфликты оно развязывает, тем глубже по спирали ужаса спускается оно в мерзость грязной механической бойни, стыдливо скрываемой от глаз лицемерного большинства. Отсюда фарисейская юридическая установка, запрещающая «пропаганду войны». Какая низкая фальшь! Если бы войну можно было запретить декретом, если бы коллективный договор посредственных обывателей мог так легко исправить сущность стихии наличного бытия!

Война смеется над этими жалкими попытками. И мстит. Она так же неотменима, как сама смерть. Если где-то за горизонтами плоти и расположены узкие врата бессмертия, пройти в них дано далеко не всем, а обывателям и мечтать об этом не стоит. Тот, кто не готовится к участию в битве, тот, кто отказывается от роли солдата, тот записывает себя не в дезертиры, но в жертвы. Рано или поздно война настигнет его. Но настигнет не как живого и свободного, не как достойно бросившее вызов року благородное существо, сознательно принимающее на себя бремя ответственности, наложенное условиями рождения в земном міре, а как жалкую неодушевленную куклу, как пассивный предмет, вознамерившийся задешево ускользнуть от могущественного предопределения.

От войны не уйти и не надо пытаться. Важно, напротив, постараться точно определить принадлеж-

ность к своему войску и к своей части, научиться навыкам боевого искусства и познакомиться с ближайшим командиром. Неважно, она уже объявлена или еще нет. Война не заставит себя ждать. Она предопределена. Она сзади нас, она впереди. Она вокруг. Другое дело — какая война, за что, с кем и где? Но это второстепенно. Это выяснится по ходу дела.

Главное — осознать факт мобилизации, принять его, сжиться с ним. А дальше начинается иная история.

3. Смерть как учитель

Война является не менее аморальной, нежели все остальные аспекты земного существования. Просто она обнажает, многократно усиливает, разоблачает то, что в иных сферах скрыто, завуалировано, припудрено. Смертность человека как одна из основополагающих характеристик его структуры выходит здесь на первый план. В мирном гражданском обществе смерть затушевана, вынесена на периферию, выставлена чем-то далеким и посторонним. На войне смерть проявляет себя обнаженно и интимно, как данность прямого опыта. Конечность человеческого существа обнаруживается в полной мере. Следовательно, прямой бытийный опыт на войне становится философским фактом. Каждый может быть в любой момент убит, но каждый может стать и причиной смерти другого существа. Смерть, как самый значимый и глубокий момент судьбы человека, насыщенно открывается как двусторонний механизм — как субъект и объект. Смерть персонифицируется, входит в людей, подчиняет их своей особой логике, своему уникальному настрою. В матовом свете смерти

преображается реальность, меняют свои очертания привычные понятия. Сквозь грязь и агонию, сквозь развороченные горы трупов, сквозь липкие валы страха и истошные приступы ярости проступают спокойные, «готические», умиротворенные своды Иного. В войне есть тайный покой, тревожное большое «да», сказанное жизни.

Эрнст Юнгер, великий знаток войны, автор самых проникновенных слов о ней, в лучшей поэме, сложенной о войне, в знаменитой книге «Война — наша мать», говорил: «Война разоблачает перед нами то, что старательно прячет могила». Последняя судьба плоти, фосфорисцентной, разлагающейся, сладко воняющей человеческой телесности открывается в бою, и особенно после боя, как наглядный урок практического богословия. Современный человек упустил из виду свои корни, стадии своего происхождения, искренне поверил, что его форма была всегда, что он сам себе творец. Он забыл, что ему предшествовало — прах земли, и к чему он возвратится — к праху земли. Иллюзион похоронных контор, ритуалы и мир живых забирают от человека конкретику трупа, завершающего логично круг превращений. Этой стороной бытия интересуются лишь маньяки и перверты, лишенные оправдания. В то же время именно «память смертная», память о смерти, педагогика созерцания трупа является важнейшей частью духовного созревания личности. Правда, война доводит это до крайности. Но не исключено, что сам факт такого эксцесса есть ответ органического бытия на лицемерную, трусливую брезгливость, которую проявляют к миру смерти наши современники. Отказываясь от внимания к смерти в религиозных формах, они обрекают себя на то, чтобы столкнуться с ней ли-

цом к лицу при более зловещих и брутальных обстоятельствах.

Мы настолько забыли о смерти, что наше сознание не способно даже на мгновение остановиться на этом опыте. Отсюда одержимость в современной масскультуре темой «живых мертвецов», «вернувшихся из ада» и т. д. Мы не можем представить себе подлинно мертвого, «мертвый труп». Труп остается всегда для нас немножко «живым». Война своей неразборчивостью, своей изысканной слепотой, своим роковым масштабом возвращает нас к нашим границам — здесь кончается человек и начинается его Смерть.

4. Жидкое «я»

Если человека вскрыть, первое, что покажется, — кровь. Красная соленая теплая влага. Древние считали ее сгустком души, особой удивительной субстанцией, в которой материальное переходит в нематериальное, плотское — в более чем плотское, земное в надземное. Отсюда множество табу и ритуальных ограничений, связанных с кровью и ее использованием. Кровь — таинство, загадочное содержание человеческого футляра, его субтильное, жидкое «я». Кровь — жизнь, ее тайна. Не случайно у некоторых мистически ориентированных большевиков (Богданов) была популярна идея, что равномерное разделение (через переливание) между собой крови всего человечества должно увенчаться достижением всеобщего бессмертия. Это Богданов описывает в уникальном фантастическом романе «Красная Звезда». (Кстати, сам он погиб во время опыта по переливанию крови, когда уже после революции воз-

главлял «Институт крови»!) В нашем веке у большевиков-богостроителей, как и у древних скифов или трансильванских вампиров, таинство крови вновь на короткий момент стало в центре культурного и социального внимания.

Война — блестящий случай убедиться в силе этой древней чувствительности. Таинство войны сопряжено с таинством крови.

И снова обратимся к гениальному Юнгеру, писавшему об этом на основании потрясающего личного военного и экзистенциального опыта:

«Да, это жажда крови. Она осолена ужасом, но это — опьянение. Такая ненасытная жажда крови. Раздирает она воина, покрывает накатами красных волн, когда воздыхающие облачности гибели плавают над полями жестоких схваток. Человек, никогда не сражавшийся за свою жизнь, не может вкусить этих красок. Странная вещь, но появление врага на горизонте приносит вместе с последней степенью испуга облегчение от тяжелейшего, почти непереносимого ожидания. Сладострастие крови бьется над войной, как красный парус мрачной галеры. Бесконечность ее желания сближает жажду крови с любовным жаром. Она перенапрягает нервы, когда в лихорадочных городах под дождем из цветов маршируют колонны «morituri», «шагающих на смерть» во фронтовом марше в сторону вокзала с последним эшелоном. Она кипит в толпах, издающих истошные вопли победы, обращенные к этим людям. Она — часть эмоционального содержания солдат, марширующих, как обещанная смерти гекатомба. Накопленное за дни, предвосхищающие сражение, за полные болезненного напряжения часы ночных дозоров, когда вспышки залпов освещают цепи стрелков, сладострастие крови бьет, как пенная ярость, пока человеческие валы не

бросились в бойню грязной зоны ближнего боя, врукопашную. Все желания тогда сливаются в единое желание: броситься на противника, повинуясь зову крови, рвануться на него, без оружия, в головокружительном опьянении, с единой силой напряженных кулаков. Так было всегда». («Война — наша мать», глава 1.)

5. Родину знают даже растения

Пока мы говорили о духовно-экзистенциальном аспекте войны. Но есть в войне иной, имманентный, жизнеутверждающий компонент, касающийся общей системы ценностей.

Война заставляет человека заново и ценой огромного личного усилия утвердить свою принадлежность к общине. В этом социальный или национальный, если угодно, смысл войны. Война всегда дело коллективное, направленное на какую-то общую цель — либо на сохранение народа или государства, либо на увеличение их мощи, их пространств, их жизненных регионов. Но все эти типы войны связаны с понятием уникальности культурной формы, так как именно конкретная и особенная культурная форма делает народ народом, а государство государством. В войне решается судьба и степень укоренения реальности сложного коллективного проекта, дающего смысл существования народу или цивилизации — как в малом, так и в великом. Всегда приходит момент, когда на эту культурную форму обрушивается враг, желающий ее надломить, раскрошить, переварить, присвоить. Или наоборот, всегда приходит момент, когда сила, мощь и переизбыток внутренней

энергии требуют выхода. А осуществиться это может лишь за счет другого.

Как бы то ни было, нет-нет да и забьет тревожный колокол войны. Нет-нет да и потянет свежей кровью пронзительный ветер, безошибочно угадываемый теми, кто более всего настроен воевать. Война имеет начало и конец как исторический период. Но своей неизбежностью, своей повторяемостью, постоянством своих глубинных онтологических причин она превосходит историю, подчиняет ее себе. Это придает ей особое величие. Если люди не будут защищать свой народ и свою веру на войне, они потеряют связь с этим народом, превратятся в жалкие бродячие атомы, а вера их утратит спасительную силу, станет плоской, недейственной, ханжеской мелкобытовой моралью. Отказ от войны, бегство от войны, неготовность к войне свидетельствуют о глубоком вырождении нации, о потере ею сплоченности и жизненной, упругой силы. Тот, кто не готов сражаться и умирать, не может по-настоящему жить. Это уже призрак, полусущество, случайная тень, несомая к развеиванию в пыли небытия. Поэтому везде, даже в самой мирной из цивилизаций — в христианской цивилизации, никогда не прекращался культ войны и культ воина, защитника и хранителя, стража тонкой формы, которая и давала нации смысл и содержание. Не случайно так почитаем православными Святой Георгий, воин за Веру, заступник за православный люд, спаситель еще земного, но уже православного (т. е. уже ставшего на небесные пути) царства.

Ценности народов, культур и обществ доказываются в войне и через войну. Ценно то, что оплачено кровью. Прекрасно то, в основе чего лежит самоотверженный подвиг. Возвышенно то, за что не жалко отдать множество жизней, — свою и чужие. Роди-

на — это понятие напитано смертью и кровью тех, кто полег в великом деле создания порядка из разрозненных фрагментов реальности. Родина — конкретная форма, объемлющая все ценности, все утверждения, все трансперсональные запасы эмоционального мира, пронизывающие роды и поколения. Юнгер справедливо замечал, что «Родина пробуждает настолько изначальное чувство, что оно присуще даже растениям, которые категорически отказываются расти на чужеродной почве». Как эпитафия, как возвышенное оправдание погибшим только одно это священное слово, и война как путь приобретает новый смысл, доступный уже не только пассионарному добровольцу, богатырю, герою или ландскнехту, но и любому простому человеку, к которому обращается в интимный момент голос его собственной природы. «Ты можешь бояться прямого контакта со Смертью и кровью (хотя напрасно ты так поступаешь), но перед лицом Родины, ценности выше всех ценностей, ты не имеешь права на личное мнение, на свою позицию. Ты обязан идти на войну. У тебя нет выбора».

Тот, кто не признает ценности выше самого себя, т. е. тот, кто не готов однажды умереть за идеал, одной из самых чистых и конкретных, плотно схватываемых форм которого является Родина, тот не имеет права называть себя человеком. У него нет достаточного онтологического основания для того, чтобы жить.

6. Исполнить то, что обязаны

Как дико контрастирует все это, казалось бы настолько понятное, само собой разумеющееся, самоочевидное, с тем настроем, который царит сегодня.

И не только в пацифизме дело. Складывается впечатление, что размыты, обветшали важнейшие связи, нити, жилы, которые должны в нормальном случае соединять мысль и действие, идеологию и психологию, манеру размышлений и набор тем, элементарную логику поступков и каналы их осмысления, оценки прошлого и выбор будущих путей... Такого дрянного состояния, как сегодняшнее, видимо, никогда еще не было. Тысячи диагнозов с разных сторон можно было бы поставить нашей ситуации, и все они будут крайне пессимистичными, горькими, не внушающими надежд.

Среди прочего ясно и то, что мы напрочь потеряли волю к войне, что мы предали войну, что мы, то ли устыдившись, то ли перетрусив, то ли окончательно потеряв рассудок, отказались исполнять то, что обязаны делать в минуты грозового набата все народы — т. е. воевать.

Тьмы народов и народцев, культур и культов бросили нам, русским, смертельный вызов. Запад как цивилизация отказывает нам в праве на то, чтобы мы могли быть иной, отличной от него цивилизацией, — и это война. Наши бывшие братья по единому государству отказывают нам в том, чтобы уважать нашу силу и наш масштаб, — и это война. Западные соседи, поощряемые атлантистским могуществом, угрожающе потрясают нам хилыми рыжими кулачками — и это война. Азиатские орды косят злым глазом на наши южные и восточные просторы — и это война. Наша добрая весть, выстраданный, выплаканный, отвоеванный нами восторг Русской Духовной Мечты оплеваны сторонниками иных культурных форм — и это война. Мы стремительно растворяемся в небытии — как призрак, теряя свое единство, свою

сплоченность, свое русское, самобытное, уникальное, тревожное и необъятное «я» — и это война.

Нас окружает, призывно лижет нас шершавым языком пламя войны.

Как долго будет длиться этот обморочный сон?

Сколько ждать еще, чтобы в берлоге беспробудного помрачения очнулся наш некогда столь гордый и столь возвышенный дух — дух смелых и верных Родине людей?

Сколько взывать в слезах и корчах с той стороны могил нашим предкам, которые все видят, но не в силах вместить, принять, осознать позорище своих потомков, оглоушенных стайкой дерзких заезжих гипнотизеров!

ГЛАВА 6

Возрождение кшатриев

1. Трехчастное устройство индоевропейского общества

Быть военным не просто профессия. Это даже нечто большее, чем призвание. Военным надо родиться. Военные — это тип, обладающий совершенно особыми психологическими, этическими установками, общими для армий всех времен и народов. Индусы зачисляют всех военных в отдельную касту, которую они называют «кшатриями». Традиционное индусское общество знает три главные касты. Это — брахманы (жрецы), кшатрии (военные) и вайшьи (производители и торговцы). Согласно французскому исследователю древних индоевропейских обществ Жоржу Дюмезилю индусская традиция сохранила вплоть до настоящего времени ту картину, которая наличествовала у всех индоевропейских народов в древности. Более того, Дюмезиль считает такое трехчастное деление общества и соответствующую ему иерархизацию божеств по трем категориям главной отличительной чертой древних ариев. Любопытные идеи — заметим по ходу дела — высказал Дюме-

зиль относительно вайнахов (чечен и ингушей), чья мифология и социальное устройство еще с древних времен были строго противоположны традиции живших рядом с ними арийцев-осетин. Вайнахи перевернули нормальные мифологические, социальные и этические пропорции, сделав из низших, аморальных полубожеств-трикстеров главных богов своего языческого пантеона. Вместе с тем они отбросили арийскую модель трехкастового устройства и т. д. Так что многие секреты настоящего времени уходят в далекое-далекое прошлое. Но это отдельная тема. Как бы то ни было, воины, кшатрии считались одной из высших каст традиционного индоевропейского общества, и есть все основания полагать, что такая модель в огромной мере повлияла на социальную структуру индоевропейских народов и после того, как большинство из них приняли христианство.

Следовательно, каста воинов должна рассматриваться нами как один из важнейших компонентов государственного и социального устройства.

2. Каста властелинов

С одной стороны, каста кшатриев традиционно считается второй, находящейся ниже касты брахманов, жрецов. Но такую иерархию нельзя понимать буквально.

Традиционный взгляд на устройство мира ставит во главу угла духовные ценности, невидимые миры принципов, метафизическое созерцание. Это и есть преимущественная область брахманов. Жрецы заняты в первую очередь потусторонним, и они стоят выше кшатриев только в том смысле, что требуют от тех подчинения высшим началам. А с точки зрения зем-

ных дел — особенно социального устройства — кшатрии являются в полном смысле слова первыми и главными, образуют полноценную и законченную элиту традиционного общества. Воины, военная аристократия выдвигают из своей среды королей, царей, вождей, которые в максимальной стадии развития государства становятся императорами. Иными словами, в вопросах жизнеустроительства, государственной, общественной жизни именно воины были осевым социальным компонентом.

Отсюда и главные функции воинов — защита государства и народа, осуществление судейских и административных функций и т. д. Именно каста воинов в арийском обществе была становым хребтом социальной организации, выдвигала из своей среды людей на ключевые социальные посты.

Коли мы взглянем на историю европейских народов, в том числе на историю славян, мы увидим, что практически вся аристократия, все боярство и дворянство были выходцами из семей военных. Княжеская дружина дала всю изначальную аристократию России, и в течение многих веков доминация касты воинов — в той или иной форме — была непоколебимой.

Православный мир, где брак разрешен для черного духовенства, знал кастовый — или почти кастовый — принцип и для клира. Таким образом, аналогия с традиционным индоевропейским обществом здесь была полной.

Между двумя высшими кастами существовала довольно гибкая система взаимопроникновений. Часто, к примеру, бояре пополняли ряды белого духовенства, что позволяло полностью удовлетворять духовные запросы тех кшатриев, которые предпочитали потустороннее посюстороннему.

Кроме того, через военную службу или монашество путь к верхам социальной лестницы был открыт и для отдельных представителей низших сословий, которые горячим религиозным чувством или храбростью на поле боя могли доказать свое право на более высокую социальную ступень, не подвергая сомнению сам факт оправданности и разумности сословной системы.

Именно каста воинов дала государственно-образующую среду индоевропейских обществ. Это в полной мере применимо и к русской истории. Русское государство создано и утверждено воинами, князьями, дружиной, кастой русских кшатриев.

Именно воины, а не актеры, не юмористы, не аналитики, не секретари обкомов создали Русь и русское общество. Не просто сохранили и защитили его — нет, все гораздо глубже, — они его сверстали, скроили, спроецировали и реализовали, они им нераздельно правили, его возглавляли, его содержали.

Поэтому военный вопрос и сегодня должен быть центральным для всей социальной жизни. А это значит, мы должны подойти к проблеме кшатриев с особой серьезностью и вниманием. Решение этого вопроса неразрывно связано с вопросом о будущем нашего государства, с вопросом о политической власти.

3. Под знаменем Великого Желания

Индусы — с их духовным реализмом и детальным знанием человеческой психологии — описывают касту кшатриев как самостоятельный человеческий тип с особыми наклонностями, особой этикой, особой природой, особыми ритуалами. Подробное изло-

жение заняло бы целые тома, поэтому ограничимся самыми важными моментами.

Брахманы, жрецы — это вертикаль и концентрация. Кшатрии — горизонталь и расширение. Суть кшатрия, воина — волевой, предельно напряженный импульс, выброс энергии вовне. Не случайно индусы называют символической целью жизни кшатрия — «каму», «желание». Мужской, агрессивный, захватнический, по преимуществу силовой принцип, стремление максимально расширить пределы своего контроля, своей доминации, своего начала... Воины хотят «тотализировать» себя, простереть свое присутствие на максимально большое социальное и географическое пространство. «Желание» — высшая тайна воина, яркий огонь его воли, стремление излить вовне переизбыток своей внутренней, хлещущей через край жизненной силы. Термин Льва Гумилева «пассионарность» прекрасно характеризует тип кшатрия в его наиболее чистой и совершенной форме.

Воина отличает именно позитивный, созидательный, экспансивный принцип, переизбыток силы и энергии. Эта солнечная световая агрессия в нем изначальна. И лишь потом, на втором этапе реализации, — и лишь по отношению к тому, что выступает для воина в качестве препятствия, — созидание превращается в разрушение, уничтожение, смерть. Эта разрушительная сторона воинов и войны проистекает не из «желания», а из препятствия к его осуществлению. Иными словами, смерть и разрушение, которые неразрывно ассоциируются у нас с войной, на самом деле являются не основным, но побочным, второстепенным элементом воинского архетипа. Воин хочет созидать и строить. Но реальность устроена так, что ему всегда кто-то или что-то мешает, препятствует, становится поперек пути. Вот это препятствие и подлежит унич-

тожению, каким бы оно ни было — враждебным ли государством, либо косностью масс, либо неподатливостью природной среды, либо недисциплинированностью и своеволием низших, безответственных слоев — работников, торговцев, просто разноликого сброда. Здесь и только здесь проступает отрицательная, негативная сторона воинственного начала.

Воплощение высшей формы созидательности кшатрия — государство — упорядочивающая система, приводящая хаотический разнобой частных интересов и стремлений к единому гармоничному ансамблю, воплощающему строй и порядок, свойственный высшим, невидимым мирам духа на этой несовершенной земле. По мнению немецкого философа Ганса Блюхера, «государство — это чисто мужское создание, оно возникло из Mannerbund, древнеарийских мужских воинственных союзов». В государственном строительстве воплощается высший момент кшатрийского желания, это — венец воинской любви.

4. Две этики

Традиционное общество дифференцирует этику в зависимости от типа. Для жреческой касты рекомендуются воздержание, аскетизм, полная отвлеченность от мирских дел — как в их созидательной, так и в разрушительной ипостаси. Убить человека, погрузиться в социально-политические процессы, пожелать женщину — ужасный грех и нравственное падение для жреца. Для воина все наоборот. Если он нерешителен, вял, равнодушен, безволен, безразличен, пассивен, нетемпераментен, дрябл, отвлечен от жаркой плоти бытия, он никуда не годится и лишь позо-

рит свое сословие, свой архетип, свою касту. От хорошего кшатрия, конечно, требуется повышенное внимание к духовным советам жрецов, верность Традиции, смирение перед принципами, понять которые ему не дано и которые являются прерогативой созерцателей. Но он не должен подражать жрецам, не должен быть «слишком» созерцательным, это идет против его кастовой этики. Лучше для воина вначале сделать, а потом подумать. Даже в том случае, если он совершит что-то не то, кастовая этика полностью оправдает его. У древних кельтов архетипом воина был герой Кухулин. Во время боя он впадал в такое бешенство — преображался в грозное божество, глаза вылезали из орбит, язык вываливался, волосы превращались во вздыбленную гриву, — что легко мог перебить, не разбираясь, и своих и чужих. Для того чтобы охладить его, спутники часто выставляли отряды обнаженных девиц и ряды бочек с ледяной водой. Только неожиданное зрелище и серия холодных бань приводили героя в чувство.

Показателен также сюжет из «Махабхараты», где голова главного злодея — предводителя Кауравов, — уже будучи отделенной от тела, провозглашает гимн верности воинской этике: «сражаться до конца и с максимальной храбростью, удалью и мощью даже за самое злое и неблаговидное дело». Показательно, что после кончины этот отрицательный персонаж, но прекрасный воин отправляется, по свидетельству индусского эпоса, на небо, в рай!

Эта этическая гибкость не исчезла и в христианском мире, где для признания святыми князей, василевсов и императоров, с одной стороны, монахов и отшельников — с другой, применялись совершенно различные критерии. От императоров требовались выдающиеся заслуги по защите Православной импе-

рии и Церкви, на личные же, подчас довольно дикие, проступки закрывались глаза. Не таково было отношение к представителям клира и монашества, здесь нормы личного поведения и верности аскетическому пути были неукоснительным требованием. В этом следует видеть отнюдь не цинизм или лицемерие, но духовный, кастовый реализм, свойственный любому полноценному традиционному обществу.

5. Политика — дело героев

Еще одна отличительная черта кшатрия — любовь к риску. Это особый идеализм воина. Почести, славу, самоутверждение он всегда предпочитает комфорту и обеспеченности. Ему важно не обладать и сохранять, но рисковать, двигаться, будоражить, ставить свою и чужую жизнь на ту грань, где веет истинный дух свободы и чести. Воинский идеализм — особый, его горизонты довольно конкретны. Его не очень интересует радикальный спиритуализм чистых аскетов, плоды деяний своих воин хочет видеть более возвышенными, но ощутимыми. И в данном случае на первое место выступает область общественного служения, преданность конкретным, но масштабным формам — Церкви, Государству, Нации, Обществу. Кшатрий — существо политическое по определению. Именно в политике, в вопросах государственной власти может он в полной мере осуществить свои архетипические чаяния. И в мирной жизни, и на войне кшатрий занимается одним — политикой, отстаиванием интересов «полиса», общественной реальности. Только такой масштаб, намного превосходящий личное, частное благополучие, представляется для подлинного воина достойным и приемлемым. Ради

почестей и славы, ради того, чтобы возвыситься до уровня Государства, истинный аристократ-воин готов пойти на все. В определенных (негативных) случаях это приводит к преступлениям, интригам и тирании. Но это неизбежные издержки архетипа. Гораздо хуже, когда у воина отсутствует кшатрийское честолюбие. В таком случае он грешит не в рамках архетипа, но совершает преступление против всей своей касты. Военный, предпочитающий уют и спокойствие, трусоватый, пацифистски настроенный, конформный и нечестолюбивый, прилипший к синекуре и теплому местечку, гораздо опаснее и отвратительнее самого зловещего и тщеславного выскочки. «Желание» может привести как к добру, так и ко злу. Его отсутствие сразу же дисквалифицирует воина, ставит его вне закона касты. Таким лучше заведомо идти в торговый сектор или на производство.

Патриотизм воина вытекает из самой структуры его сословного статуса. Родина для него — единственная реальность, достаточно масштабная для осуществления кастовых амбиций. Поэтому служение Родине — это минимально необходимый уровень для реализации «желания». То, что лежит ниже этого, подлинный воин считает недостойным себя.

6. Вайшьи

Надо сказать несколько слов и о третьей касте — касте тружеников и торговцев. К ней в индуизме — и, шире, в традиционных индоевропейских обществах — было вполне доброжелательное отношение. Все негативные элементы — отбросы общества — концентрировались в дополнительных «кастах», возникших на более поздних исторических этапах,

когда нарушилась однородность древних арийских обществ. Но представители этих «подкастовых» сословий — шудр, чандал и т. д. — долгое время вообще не считались людьми, поэтому и рассматривать их не имеет смысла.

Третья каста — вайшьи — очень похожи на кшатриев, воинов, но только степень их пассионарности и масштаб деятельности существенно ниже. Вайшьи — это как бы «разбавленные кшатрии». Их активность заземлена, занижена, их тщеславие и дерзость ограничены материальной сферой, область их мужского самоутверждения относится к частному сектору и индивидуальному благополучию. Они — в отличие от брахманов — целиком погружены в земное, но в отличие от кшатриев — в мелкомасштабные аспекты земного. Вайшьи не способны возвыситься до истинной политики, не готовы рисковать жизнью ради славы и чести, не хотят пускаться в сложный путь огненной страсти и экспансии. Они рачительны и домовиты. Обстоятельны и рассудочны. Они либо ремесленники, либо торговцы. Они предпочитают размеренное и мирное течение жизни, домашний очаг, крепкую семью, консервативный распорядок. Их потребности разумны, их соображения предельно конкретны. У них отсутствует воображение, дух авантюры и риска. Они бывают хорошими солдатами и младшими офицерами в случае военных действий, составляют подчиненные отряды кшатриев. Но в войне их более интересует добыча, нежели слава. Они патриоты, но по эгоистическим, семейно-родовым и рациональным мотивам. Они склонны к конформности и покорности. Однако болезненно реагируют, когда Государство чрезмерно вмешивается в их приватную сферу.

Вайшьи — позитивный элемент, основа общества, но они патологически не способны организовать общество сами. У них фатально отсутствуют социальный масштаб и вкус к истинной политике, не говоря уже о метафизических качествах жрецов.

Естественно, когда вайшьи начинают заниматься не своим делом и вовлекаются в принятие радикальных судьбоносных решений, их предпочтения и выбор неизменно приводят к катастрофам. И для того, чтобы обыватели, дорвавшиеся до управления обществом, не развалили его окончательно, там, где кастовый принцип отрицается, приходится прибегать к системе «тайных обществ», которые за кулисами и с помощью особых теневых технологий исполняют функцию внешне отсутствующей элиты. Таково предназначение масонства в западных демократических режимах, внешне отрицающих систему каст. Шпаги, титулы, мифология тамплиеров, розенкрейцеров, труверов и крестовых походов, а также участие во всех значимых политических интригах делает из масонских лож искусственный дубль касты воинов. Так что светский «демократический» фасад политической системы ничего не меняет в удивительно устойчивых механизмах политической власти, остающихся сущностно неизменными с древнейших времен.

Вайшьи не способны к обобщению, их горизонт неизменно локален, они думают только о себе, о своей семье, о своем роде. Все остальное для них второстепенно. Поэтому их выбор, даже если к нему для проформы обращаются, для реальной власти не имеет никакого значения. Политическая безответственность обывателя — факт, не требующий особых доказательств.

7. Кастовая метаморфоза Советской Армии

Все, что мы сказали о кастах, справедливо в первую очередь на уровне архетипа. Это не значит, что реальная жизнь не имеет к этому вообще никакого отношения. Нет, архетипическое и есть реальное, но реальное в чистом виде, при взгляде одновременно на большой пласт жизни, истории, общества. Архетип становится очевидным только в том случае, если мы отвлекаемся от конкретных деталей, расчлененных ситуаций, индивидуальных примеров, изолированных от контекста пресловутых «атомарных фактов». Эта сфера конкретного есть мираж, лишь заслоняющий истину. Государство — не какое-то абстрактное, идеальное, нет, конкретное, исторически фиксируемое, из которого последовательно и непрерывно сложилась та социальная форма, в которой живем мы сегодня, — было создано военными, управлялось военными, обновлялось военными, упускалось военными, снова отвоевывалось военными. Армия — не просто один из атрибутов государства, это и есть сущность государства. Поэтому вопрос касты кшатриев имеет не историческое или абстрактно-философское, но самое актуальное значение. Учитывая все вышеизложенное относительно архетипа, можно бросить беглый взгляд на то, что происходит с нашей армией сегодня, и оценить ее роль в современной российской действительности.

Во-первых, обратим внимание на постоянные попытки ввести фигуру какого-то военного — «генерала» — в большую политику. Всякий раз эта затея с одобрением, почти восторгом, приветствуется значительной частью населения. Причем сплошь и рядом реальная фигура, ее качества, ее взгляды, ее дос-

тоинства не имеют решающего значения. Голосуют за мундир. Это свидетельствует о смутном, бессознательном воспоминании, догадке народа об истинной социальной роли военных. Это — симптом кшатриев, и этот факт является однозначно позитивным, так как свидетельствует о том, что люди начинают постепенно осознавать катастрофический характер нынешней постноменклатурной, штатской, чиновничьей, абсолютно разложившейся и предельно безответственной власти и обращаются к забытым архетипам, к тому, как было «во время оно».

Но, с другой стороны, налицо глубокое, трагически наглядное вырождение самих военных, которые за годы «детанта» и перестройки, кажется, окончательно перековались в новый тип — в клерков, мещан, штатскую, тыловую, пацифистскую компанию. Наши военные сбились с колеи, освоили навыки, стратегию поведения и повадки, которые отличают гражданское чиновничество. Утрачено самое важное кшатрийское качество — воля к экспансии, страстный импульс желания, мужская, агрессивная, воинственная этика.

Нормальные воины не смогли бы ни при каких условиях спокойно принять столь стремительное сокращение национальных территорий.

Нормальные воины не стали бы в критический момент государственной ликвидации послушно следовать за случайными и временными персонажами, по роковому стечению обстоятельств получившими доступ к высшим постам в обществе.

Нормальные воины продемонстрировали бы в ситуации последних лет не один военный мятеж, и на самый крайний случай цепную реакцию массовых самоубийств. Причем самоубийств по исключительно кшатрийским мотивам — гибель великой импе-

рии, национальное предательство власти, крушение оборонной системы.

Что же мы имеем в действительности? Если военные и высказывают недовольство, если и решаются на голодовки (и очень редко на суицид), то исключительно по бытовым причинам — зарплаты нет, жены недовольны, с жильем неполадки. И вместе с тем в целом принимают навязанный геополитическими ликвидаторами лозунг — «армия вне политики». Иными словами, те, кто должен более всего заниматься политикой, кто и профессионально, и по своей природе призван оперировать с масштабными геополитическими и социальными реальностями, те, кто создал наше государство и тысячелетие обеспечивал его функционирование, вдруг по окрику неизвестно откуда взявшихся демагогов довольствуются ролью платных наймитов без права голоса и соучастия в судьбе государства. Сейчас речь не о том, кому выгодно было поставить вопрос таким образом — «армия вне политики». Это — особая история. Вопрос в том, как нормальный воин, полноценный мужчина, кшатрий мог согласиться с таким социально унизительным тезисом?

Кастрация армии, оскопление мужского начала — вот страшный диагноз актуальной ситуации. Это оскопление является следствием положения армии в позднесоветскую эпоху, когда она была целиком и полностью подчинена партийной номенклатуре. Именно там, в психологии и навыках брежневского генералитета, следует искать основные истоки кастового перерождения Советской Армии, начало омерзительной (в случае военных) любви к «дачам», «комфорту», «обеспечению семей», наконец к «пацифизму», который, как это ни странно, чрезвычайно развит у современного российского армейского ру-

ководства. Иными словами, компартия в какой-то момент взяла на себя «кшатрийские» функции, роль мужского начала в советском обществе, а военным оставалось довольствоваться лишь ролью «третьей касты». Осуществилась чудовищная кастовая мутация. С ее трагическими результатами мы имеем дело сегодня. Весь ужас ситуации в том, что народ, который рано или поздно проголосует «за мундир», отдаст власть, скорее всего, в руки позднебрежневской «бабы в лампасах».

В такой ситуации есть все же положительный момент. Позднесоветский режим, будучи тоталитарным и однопартийным, имел какие-то мировоззренческие и силовые основания для того, чтобы демускулинизировать советских кшатриев. Социальный проект коммунизма, даже если последнее время в него никто не верил, был настолько серьезным и масштабным, что партия имела некоторые основания для занятия центральных позиций в обществе. Сегодня положение дел радикально изменилось, хотя по инерции у власти и в первых рядах оппозиции по-прежнему болтаются бывшие партийные боссы, без боя сдавшие прежнюю идеологию. Ясно, что это — жесткие и коварные интриганы, как и раньше. Но теперь вместо мобилизующей, радикальной, экстремистской идеологии, вместо политической доктрины у них — невыразительная, плохо переваренная, наспех освоенная демагогическая каша. А следовательно, у военных полностью отпадает всякое основание подчиняться этому одряхлевшему сброду, выполнять его невразумительную волю, испытывать страх перед инстанцией, полностью утратившей прежнюю жизнь и силу.

Иными словами, у власти сейчас в России откровенные вайшьи, громогласно объявившие о торжест-

ве идеологии вайшьев. Значит, государство будет продолжать разваливаться и разлагаться и дальше, общество будет дробиться, эгоизм меньшинств и индивидуумов возрастать. В такой ситуации касте кшатриев скоро вообще не останется никакого места, кроме незавидной роли ординарцев или телохранителей при горстке удачливых и нечистых на руку торгашей.

Советский генералитет был лоботомирован партноменклатурой. Но речь идет о совершенно конкретной группе военных. Сам архетип кшатриев это затронуть не может. Поэтому люди, которые приходят в армию сегодня, теоретически свободны от гипнотических комплексов старшего поколения. В данном случае воинский архетип вполне может взять свое, даже вопреки обработке унизительным и разлагающим стилем, который всецело унаследован нашей армией от предыдущего периода.

8. Новые русские кшатрии

Задача русской армии — восстановить нормальные пропорции в самом типе военного. Это означает, что мы должны вернуться к полноценной модели кшатрия, воина, военного аристократа, каким он был в традиционной индоевропейской цивилизации, каким он был на Руси.

Главной характеристикой военного должна снова стать мужская, агрессивная экспансия. Экспансия в политику, в социальную сферу, в идеологию государства, в область принятия решений и планирования. Нормальный военный обязан быть ангажированным в идеологию и геополитику. Он не просто наймит, он отвечает за Государство и Нацию. Поэтому он обязан

понимать, что с Государством и Нацией творится, и активно участвовать в планировании их судеб.

Далее, военные должны быть поставлены принципиально над сферой экономики, должны полностью стряхнуть унизительную материальную зависимость от представителей третьей касты. Особенных материальных благ военная карьера — по определению — не предполагает, но достойный минимум должен быть обеспечен, даже если для этого потребуется «раскулачить» иные, менее важные для обороноспособности государства социальные группы. Вообще, над финансовой системой страны должен быть установлен контроль военных, так как именно они — а не биржевики и не банкиры — заведуют безопасностью державы.

Военные должны резко поднять свой кастовый уровень. Они должны быть паладинами Желания, мужская культура возвышенного эротизма должна стать нормой армейской офицерской жизни. Балы и культовые романтические похождения так же необходимы кшатриям, как и военные походы, которые также следовало бы организовать для замирения некоторых разбаловавшихся и одичавших во время нашей внутренней неразберихи народцев, но организовать как следует.

Военные должны выдвинуть своих влиятельных представителей на стратегические посты в государстве. Дальше терпеть произвол и разложение в верхах (читай в качестве иллюстрации книгу Коржакова) просто преступно. Но при этом чрезвычайно важно провести на высокие посты не старый «подпартийный», чиновничий тип, не одиозные фигуры, замазанные глупыми и провальными интригами с временщиками. Необходимо отыскать и выпестовать «новых военных», свободных от старческого гипноза

генералов в шлепанцах: новых — дерзких и агрессивных, умных и независимых, способных настоять на своем, смело поставить на место деструктивные элементы, кинуть перчатку, хладнокровно убить противника в бою или на дуэли, а потом остроумно пошутить.

Инструментом для достижения этой цели — которую условно можно назвать «возрождением кшатриев» — могло бы стать полузакрытое армейское общество орденского типа, которое стало бы штабом по реализации важнейшей социальной задачи, от успешного решения которой зависит не только судьба армии, но и судьба всех русских, судьба России.

ГЛАВА 7

Красная мать земля

1. Земля как война

Понятие «земля» тесно связано с понятием «война». История войн показывает, что конфликты, возникавшие из-за территорий, являются главной и почти единственной причиной войн. Все остальные ценности — деньги, золото, стада, богатства, женщины или провизия, — приобретаемые в результате войн, являются второстепенными относительно главного — земли, территории. Это понятно — тот, кто владеет землей, в некотором смысле владеет всем тем, что на ней находится, а поэтому захват территорий автоматически позволяет пользоваться всеми богатствами, которые на них расположены, включая человеческие жизни.

Эта тема уходит своими корнями в древнейшие культы, связанные с землей, матерью-землей, подательницей и родительницей человеческих богатств. Земля воплощала в себе изначальную матрицу, из которой появляется все остальное. Некоторые мифологии утверждают, что и сами люди когда-то, «во время оно», выросли из земли. Библейская версия о создании Адама, первого человека «красной глины» (ев-

рейское «адам» произошло от «адама», «красная глина»), прекрасно вписывается в эту логику. Поэтому Земля считается животворящей силой материи. Богатством богатств, самой высшей ценностью, ведь все ценности исходят именно из нее.

Война между народами и государствами, между цивилизациями и конфессиями ведется именно за эту волшебную субстанцию — мать-землю. Тот, кто добивается успеха и приращения территорий, невероятно обогащается, даже в том случае, если жители завоеванных земель сами нищи, а почва бесплодна. Земля, будучи сакральной категорией, ценна сама по себе, но это подтверждается и в прагматической области. Даже самые бедные аридные зоны и неплодоносные степи или пустыни могут сыграть при определенных условиях ключевую роль для народов, обществ и государств, их контролирующих.

В вопросах, связанных с Землей, древнейшие архаические сюжеты человеческого бессознательного странным образом смыкаются с новейшими, ультрасовременными геополитическими и геостратегическими концепциями, указывающими на решающее значение географии для развития цивилизаций, культур, идеологических блоков. Понятия «Земля», «Суша» являются основополагающей категорией геополитики как науки.

2. Зубы дракона

Если война изначально связана с землей, то должна существовать какая-то качественная связь с землей и самой касты военных. Армия — защитница своих земель, завоевательница и покорительница новых территорий. Армия является динамическим проявлением Земли как качественной категории. Мно-

гие древние мифы говорят о таинственных непобедимых воинах, родившихся из Земли, засеянной «зубами дракона» или каким-то другим магическим способом. В военных, кшатриях, богатырях Земля проявляет свой подвижный, силовой импульс. Хлебопашцы, ремесленники, иные типы населения связаны со статическими сторонами Земли. Военные же воплощают в себе подвижный, диалектический ее принцип.

Не случайно символическое качество касты воинов в индуизме — «раджас», что означает «растяжение», «расширение». Это одно из основополагающих качеств пространства, т. е. того, что «простерто», «растянуто», «протянуто». Показательно также, что русское слово «воин» родственно древнеиндийскому корню «veti», что значит «преследовать, гнать, стремиться к», а это снова отсылает нас к идее «динамического движения», «растяжения». Та же концепция стоит и за индийским термином «кшатрий», произошедшим от слова «кшетра» — т. е. поле, горизонтальное пространство, земля.

Такие устойчивые соответствия предопределяют пространственный характер мышления военных как особого типа. Любовь военных к стратегическим маневрам, передислокациям, маршам, в конце концов, все это — выражение пространственной, земной природы армии. Военный воспринимает мир как пространство, как нечто происходящее в пространстве, и эта специфика лежит в основе классического для армии консерватизма — военные как бы не замечают времени, истории, разные эпохи сосуществуют для них в едином пространственном ансамбле. В некоторых ситуациях это представляется несколько странным, подчас нелепым. Но в основе всего лежит кастовая типология.

3. Ликвидные орды рынка

Выше уже говорилось, что геополитика делит все разновидности цивилизаций на два типа — на сухопутные и морские. Сухопутные связаны с Землей, а соответственно, с воинами как основной «земной» кастой. Цивилизация Моря, морская держава основана на ином типе. Этот тип — тип торговца, человека, специализирующегося на обмене, извлекающего из этого обмена личную выгоду. Торговец не связан с пространством и сушей, он являет собой антитезу воину. Область его действий сопряжена не с фиксированными реальностями, но с текучей средой. Эта среда оторвана от корней, наполнена объектами, уже утратившими связь с процессом появления из земли, из животворной матрицы вещей. Торговля оторвана от Суши, поэтому своего максимального развития и совершенства она достигает среди народов, населяющих береговые зоны, прибрежные территории. Торговля и порт, берег, флот — понятия почти синонимичные. Торговое мышление, в отличие от сознания военных, оторвано от пространства, как фиксированного неподвижного целого. Это безразличие к пространству и его форме предопределяет невнимание торговцев к фактору границ. В границах — естественных или искусственных — торговец видит только негативное препятствие, погрешность среды, несовершенство мира, мешающее оптимизации торговых трансакций. Земля у торговцев принципиально десакрализирована, приравнена к разновидности товара — одной из многих других, ничем не выделяющихся по своей сути. Иными словами, отношение торгового сознания к земле целиком и полностью игнорирует ее животворящее качество, ее формообразующее начало, ее предшествование по-

явлению форм. Такая земля является «мертвой», «вторичной», предметной, духовной аридной. Торговец видит любую землю как пустыню, чисто количественное пространство, плоскую декорацию, на фоне которой и через которую движется торговый караван. Самым идеальным пространством, точно соответствующим торговой ментальности, является даже не пустыня, но Море. Оно совершенно одинаково и равнозначно на всем своем протяжении, оно гомогенно и открыто, оно чисто декоративно и мертво само по себе, подлежит простой и униформной эксплуатации.

Не случайно одно из определений капитала — «ликвидность», т. е. «текучесть», «разжиженность» его субстанции, неплотность, нефиксированность, оторванность от строгих форм.

Можно сказать, что историческое сознание тесно связано именно с «текучей» ментальностью торговцев, тогда как воинское сознание классических людей Суши тяготеет к рассмотрению вещей sub speciale eternitatis, «под углом зрения вечности».

4. Метацивилизации

На основании дуализма типов, замеченных как геополитиками, так и социологами — особенно Вернером Зомбартом, — можно сделать любопытные выводы относительно более общих реалий. Например, государство, как категория неразрывно связанная с конфигурацией пространства, безусловно, принадлежит к военно-сухопутной структуре. И наоборот, торговое сознание не может быть по-настоящему государственным, так как любая государственная конструкция обязательно накладывает

на сферу обмена определенные ограничения, которые с чисто рыночной точки зрения всегда являются отрицательными.

Капитал и торговый строй по своей природе не могут быть национальными, государственными, строго локализованными в пространстве. Единственное, что можно утверждать о его географической природе, — это тяготение к «морским пространствам».

Конечно, в реальном мире ни воинское, ни торговое общества никогда не встречаются в чистом виде, но все же обе тенденции находятся в радикальном и неснимаемом противоречии друг с другом, и доминация одной из них определяет ориентацию каждого конкретного народа и государства, шире — каждой отдельной цивилизации.

Если в обществе преобладает сухопутный принцип, неявный культ Земли и пространства, почти наверняка можно утверждать о военном устройстве такого общества. Если же основные усилия вкладываются в развитие флота, такое государство обречено на усиление в нем позиций торговцев, и легко предсказать его дальнейшее растворение в более общем географическом контексте. Любопытно, что у многих народов с подчеркнутой сухопутной ориентацией, но при этом живущих на островах или в береговых зонах, существовали сакральные табу как на мореплавание, так и на определенные формы обмена и торговли. В таких случаях на место объективной географии вступала география субъективная, культурная, противоборствующая с диктатом природной среды.

Не само пространство лежит в основе цивилизационного типа, но осознание пространства, его образ, возведение его к некой «идеальной форме», ко-

торая постепенно приобретает самостоятельность и сама начинает диктовать пространству его структуру.

Это позволяет говорить об «идеальной Суше» и об «идеальном Острове», что в кастовом смысле будет тождественно «воинскому строю» и «торговому строю». «Воинский строй» воплощается в концепции «сакрального государства». «Торговый строй, напротив, ведет к уничтожению государства — вначале к его десакрализации, а потом и вовсе к отмене.

5. Милитаризм — евразийство — социализм

Соотношение военного и торгового принципов между собой есть кастовый или социально-экономический аналог «великой войны континентов», ведущейся на уровне геополитики между Сушей и Морем. Любопытно, что человеческая история постепенно движется к очищению, абсолютизации этих двух начал как в геополитическом, так и в типологическом аспектах. Цивилизации Моря постепенно сливаются в единую макроцивилизацию, метацивилизацию Моря, которая стирает границы и государства, народы и расы, религии и культуры в единый однородный блок, в мировой рынок. Тип торговца распространяется на все остальные профессии и «касты», социальные слои и институты.

Аналогичный процесс развивается и на ином сухопутном полюсе. Здесь воинские, консервативные, государственнические тенденции тяготеют к интеграции в Континентальной Империи, в едином Метагосударстве, созданном на основании типологии Воина. Это своего рода Великая Континентальная Спарта. Это потенциальная метацивилизация Суши. Есть и

философская пара понятий, соответствующая этому делению, — холизм, целостность, континуальность, непрерывность как основные принципы пространственности доминируют в военном строе Суши; дискретность, дисконтинуальность, прерывность, атомарность, индивидуация связаны с торговым порядком Моря.

Перенесение внешней, чисто геополитической дуальной проблематики на область социальной типологии и даже психологии имеет огромное оперативное значение. Благодаря такому шагу мы получаем надежный и эффективный инструмент для понимания того, каким образом внешнеполитические, глобальные, геополитические факторы, влияющие на ситуацию извне, связаны с внутриполитическими, локальными событиями, социально-экономическими процессами и баталиями на уровне каждого отдельного государства или народа.

Важнейший вывод: интересы Суши, геополитические цели Евразии неотделимы от доминации воинского типа, от его однозначной и радикальной постановки над торговым классом, над законами и требованиями рынка. Рынок в метацивилизации Суши должен быть строго подчинен армии. Море — Земле. Выбор в качестве правящей идеологии либерально-торговых, капиталистических, буржуазно-рыночных идеалов и принципов для сухопутной державы тождествен самоубийству. Следовательно, армия сухопутной державы, помимо внешней угрозы и геополитического противника, может ясно и с полной ответственностью назвать и обозначить внутреннего врага. Этим врагом будет являться Капитал, идеологии и институты, призванные обеспечить установление и поддержание «торгового строя».

Вернер Зомбарт разделил всех людей на два

типа — «герои и торговцы», «Helden und Haendler». Герои вырастают из Земли, Геры, матери богов, жены Зевса, как Геракл. Герои и воины — синонимы. В сегодняшней картине мира этот дуализм переходит в яростное и тотальное противостояние «последней битвы». Классовая борьба, в ее сорелевской интерпретации, и есть война героев и торговцев, воинов и буржуазии (поскольку рабочий класс Сорель приравнивал к одному из подразделений армии, «трудовой армии»).

Быть евразийцем, традиционалистом — то же самое, что быть кшатрием, военным, воином. Быть воином — то же самое, что быть социалистом, яростным противником капитала и торгового строя.

Если русский военный не является социалистом, он либо невежествен, загипнотизирован, обманут, либо он — предатель своего государства и своего народа, так как Россия, будучи оплотом сухопутной метацивилизации, ее осью, приговорена капиталом, враждебной метацивилизацией Моря к тотальному уничтожению.

Национального капитала не существует, капитал интернационален по своей сути. Еще точнее, капитал связан с Западом как географическим полюсом «торговой цивилизации». Следовательно, между внешним врагом (атлантизм) и внутренним врагом (буржуазия) следует поставить четкий знак равенства.

ГЛАВА 8

Крестовый поход против нас

1. Либерализм — тоталитарная идеология

Что является доминирующей идеологией современного Запада и его геополитического авангарда — Соединенных Штатов Америки? Это совершенно не праздный вопрос. Он затрагивает напрямую каждого из нас. Мы проиграли глобальный геополитический конфликт. Мы побеждены. И поэтому обязаны знать точно и строго — кто является хозяином в новых условиях планетарного расклада сил, каковы основные черты его мировоззрения, что он думает о мире, истории, судьбе человечества, о нас самих? Это необходимо всем — и тому, кто намерен смириться и покорно служить новым господам, и тому, кто отказывается принимать такое положение дел и стремится к восстанию и отвоеванию геополитической свободы.

Нам внушили мысль, что на Западе вообще нет идеологии, что там царит плюрализм позиций и убеждений, что каждый волен верить во что угодно, думать, говорить и делать все, что угодно. Это — абсолютная ложь, простой пропагандистский ход, заим-

ствованный из арсенала «холодной войны». На самом деле на Западе существует доминирующая идеология, которая не менее тоталитарна и нетерпима, нежели любая другая идеология, только ее формы и принципы своеобразны, философские предпосылки иные, историческая база в корне отлична от тех идеологий, которые привычны и известны нам. Эта идеология — либерализм. Она основана на догме об «автономном индивидууме» (т. е. на последовательном индивидуализме), «прикладной рациональности», вере в технологический прогресс, на концепции «открытого общества», на возведении принципа «рынка» и «свободного обмена» не только в экономический, но в идеологический, социальный и философский абсолют. Либеральная идеология является «правой» в узко экономическом смысле и «левой» — в смысле гуманитарной риторики. Причем все иные сочетания правого с левым или просто правое и левое либерализм отвергает, демонтирует, маргинализирует, выносит за кадр официоза. Либерализм тоталитарен по-особому. Вместо прямых физических репрессий против инакомыслящих он прибегает к тактике мягкого удушения, постепенного сдвига на окраину общества, экономического уничтожения диссидентов, оппонентов и т. д. Факт остается фактом: доминирующая идеология Запада (либерализм) активно борется с альтернативными политико-идеологическими проектами, но использует для достижения своих целей методы более тонкие, более «мягкие», более отточенные, чем иные формы тоталитаризма, и от этого только более эффективные. Либеральный тоталитаризм не брутален, не открыт, но завуалирован, призрачен, невидим. Однако он не менее жесток.

Наличие у Запада «доминирующей идеологии»

постепенно все яснее обозначается и в нашем обществе. Наивность ранней перестройки и мечты о «плюрализме» и «демократии» постепенно улетучились даже у самых ярых реформаторов. Реальность либерализма и идеологии либерализма стала очевидной, а следовательно, мы пришли к большей определенности. Сторонники Запада должны отныне разделять все идеологические предпосылки конкретного либерализма (а не какой-то туманной «демократии», под которой каждый понимал что-то свое), его противники объединяются неприятием этой идеологии. Это более или менее понятно. Но у либерализма есть еще один, более скрытый пласт. Речь идет о некоторых богословских и религиозных предпосылках, которые, в конечном счете, привели Запад к той идеологической модели, которая в нем укоренилась сегодня и стала доминирующей. Этот пласт не столь универсален и однозначно признан, как вульгарные штампы «открытого общества» и «прав человека», но тем не менее именно он является базой и тайным истоком главенствующей на планете либеральной идеологии, которая сама по себе — лишь вершина айсберга.

Речь идет о протестантской эсхатологии.

2. США — квинтэссенция Запада

Ни у кого сегодня нет сомнений, что миром правит единственная оставшаяся полноценной сверхдержава — США. Это не просто самое могущественное в военном отношении государство Запада, это в некотором смысле результат западного пути развития, его пик, его максимальное достижение. США были основаны и построены как искусственно сконструирован-

ное образование, лишенное исторической инерции, традиций и т. д., по меркам самых радикальных рецептов, выработанных всем ходом западной цивилизации. Это — вершина западной цивилизации, венец ее становления.

США — сумма Запада, его геополитический, идеологический и религиозный авангард. Только в США принципы либерализма были внедрены тотально и последовательно, поэтому начиная с некоторого времени и Запад и либерализм стали совершенно правомочно отождествляться именно с США.

Америка является гегемоном современного мира, гигантской геополитической, стратегической и экономической империей, которая контролирует все важнейшие процессы нашей планеты. Причем не просто как одно из обычных государств, пусть даже очень мощное и развитое, но именно как идеологическая модель, как путь развитая, как судья и пастырь человечества, навязывающий ему определенную систему идеологических, мировоззренческих и политических ценностей. Империя США — империя либерализма, империя капитала, империя постиндустриального общества как высшей стадии развития буржуазного строя. Безусловно, США являются прямыми наследниками Европы и европейской истории. Но уникальность этого образования заключается в том, что Штаты взяли от Европы только одно, наиболее рафинированное, очищенное направление цивилизации — либеральный рационализм, теорию «социального контракта», индивидуализм, динамичный технологический индустриализм, абсолютизированные концепции «торгового строя».

Ранее все эти тенденции концентрировались в протестантской Англии. Британская империя была первой (если не принимать в расчет Древнюю Фини-

кию) моделью построения чисто «торговой цивилизации», к которой логически вела западная история. И не случайно главными теоретиками либерализма были именно англичане — Адам Смит, Рикардо и т. д., а философами индивидуализма — Локк, Гоббс, Мандевиль. Макс Вебер и еще более ярко Вернер Зомбарт, которые убедительно показали, каким образом западный капитализм родился из протестантской этики и насколько этнорелигиозный фактор важен для возникновения определенных социально-экономических формаций.

От Англии эстафета «торгового строя» постепенно перешла к США, и начиная со второй половины XX века лидерство Америки в общем контексте западной цивилизации стало бесспорным историческим фактом.

США — воплощение Запада, западного капитализма, его центр и ось, его сущность. Теперь, когда США стали единственным хозяином всей планеты, к чему они так долго шли, мы с позиции нашего опыта можем легко распознать логику истории, сходящуюся, как в фокусе, в единую точку (чего не могли по историческим причинам сделать те мыслители, которые не дожили до драматической развязки геополитического, социального и экономического противостояния «холодной войны»).

Итак, вся западная история сходится на США. Собственно Запад, как геополитическое явление, возник в период раскола Христианской Церкви на Православие и Католичество. Католический ареал и стал базой того, что именуется отныне Западом в концептуальном смысле. Начиная с этого момента люди католического мира отождествили себя самих с полноценным человечеством, свою историю — с мировой историей, свою цивилизацию — с цивилиза-

цией вообще. Все прочие цивилизации и традиции были презрительно приравнены к «диким, варварским странам». Показательно, что в такой «недочеловеческий» разряд попадали не только нехристианские народы, но и весь православный мир, который на самом деле и был зоной реального, неискаженного, аутентичного христианства. Кстати, именно потому, что православные страны — вначале Византия, позже Россия — были христианскими, они вызывали у католиков такое агрессивное неприятие. Православие давало пример христианства иного — универсального, открытого, несектантского, радикально альтернативного всему цивилизационному строю, который сложился на Западе и который до некоторого времени претендовал на единственную форму христианской государственности. В противостоянии Католичества Православию и следует искать завязь диалектического развития истории цивилизации и геополитических процессов в последующие века.

Протестантские страны — в первую очередь Англия — становятся на путь «морской цивилизации», тяготеют к абсолютизации либеральной модели, к универсализации «торгового строя». Отныне на самом Западе роль авангарда, роль «дальнего Запада» начинают играть англичане.

Еще позднее именно крайние, наиболее радикальные протестантские английские секты закладывают основу американской цивилизации, проектируют и реализуют США. Они едут туда — на крайний Запад — как в «землю обетованную» строить там совершенное общество, «идеальный Запад», «абсолютный Запад». Соединенные Штаты Америки как государство созданы консенсусом фундаменталистских протестантских сект, и подавляющее большинство политического класса США до сих

пор неизменно представляет именно протестантские конфессии. Это, впрочем, вполне логично — страной правят законные теологические наследники тех, кто ее создал, кто ее организовал, кто привел ее к процветанию и могуществу.

Сами американцы называют это «Manifest Destiny», «проявленная судьба» (или «предначертанная судьба»). Американцы видят свою историю как последовательный восходящий путь к цивилизационному триумфу, к победе мировоззренческой модели, на которой основана сама американская цивилизация, — как квинтэссенцию всей истории Запада.

3. Протестантизм как идеология

Могут возразить — «Современное западное общество — и особенно американское — давно уже атеистично, религии придерживается незначительная часть населения, и фундаментализм, пусть протестантского типа, никак не может быть приравнен ни к официальной идеологии США, ни тем более Запада в целом». На самом деле, необходимо указать, что религия необязательно должна выступать как культ или совокупность догматов. Часто в современном мире она проявляется подспудно, как психологические предпосылки, как система культурных и бытовых штампов, как полусознательная геополитическая интуиция. Можно сравнить религию с идеологией — одни (меньшинство) владеют всей совокупностью концептуального аппарата, другие же схватывают идеологию интуитивно. Чаще всего религия сегодня воздействует через культурный фон, через семейную психологию, через нормативы социальной этики. В этом отношении США — страна

абсолютно протестантская, и этот «протестантизм» затрагивает не только открытых приверженцев конфессии, но и огромные слои людей иных религиозных убеждений или атеистов. Протестантский дух легко обнаружить не только у пуритан, баптистов, квакеров, мормонов и т. д., но и в американском кришнаизме, и в секте Муна, и среди американских иезуитов, и просто в безрелигиозном американском обывателе. Все они в той или иной степени затронуты «протестантской идеологией», хотя культово и догматически это признается относительным меньшинством.

Второй аргумент. Политический класс в США не является пропорциональным отражением всего общества. Достаточно посмотреть на ничтожное число цветных среди политиков и высших администраторов. По традиции мажоритарным типом в американской политике является «WASP» — «White Anglo-Saxon Protestant», «белый англосаксонский протестант». Следовательно, полноценный протестантский фундаментализм здесь намного более вероятен, нежели в иных слоях.

И наконец, Республиканская партия США, одна из двух, обладающих де-факто политической монополией, руководствуется протестантско-фундаменталистским мировоззрением открыто и последовательно, закономерно считая его осевой линией американской цивилизации, религиозно-догматическим воплощением «Manifest Destiny», «проявленной судьбы» Штатов.

Промежуточным пластом между общепризнанным светским либерализмом для масс и протестантским эсхатологическим фундаментализмом политической элиты служат геополитические центры аналитиков, обслуживающих власть, которые поль-

зуются в своих разработках обобщающей методикой, где главные религиозные и философские постулаты протестантизма, взятые без деталей и пророческого фанатизма проповедников, сочетаются с наиболее прагматическими сторонами либеральной доктрины, но очищенной от патетической демагогии о «правах человека» и «демократии». Иными словами, геополитическое мышление, которое чрезвычайно развито у политической элиты США, непротиворечиво совмещает в себе эсхатологический фундаментализм, идею «США как Нового Израиля, призванного пасти народы в конце истории», и идею свободной торговли, как максимальную рационализацию общественного устройства, основанного на приоритете «разумного эгоизма» и «атомарного индивидуума». Протестантское мессианство американской геополитики сочетается, таким образом, с предложением универсальной рыночной модели и либеральной системой ценностей.

4. «Империя зла»

Главным геополитическим и идеологическим врагом Запада долгие века была Россия. Это вполне закономерно. На богословском уровне это коренится в противостоянии Католичества (и Протестантства) Православию, Западной Римской империи — Византии. Западная и восточная формы христианства — это два выбора, два пути, два несовместимых, взаимоисключающих мессианских идеала. Православные считают католиков «отступниками», предавшимися «апостасии». Католики рассматривают православных как «варварскую спиритуалистическую секту». Наиболее антиправославные черты — вплоть до отказа от служ-

бы и многих догматов — довели до предела протестанты.

Русь была прямой и единственной духовно-политической, геополитической наследницей Византии после падения Константинополя. Поэтому, кстати, она называлась «Святой». Ее сделало «святой», «богоносной», «богоизбранной» провиденциальное принятие византийского наследия, верность полноте православной традиции (включая социально-политические и даже экономические аспекты). Особенно важно подчеркнуть, что не просто факт распространения Православия как конфессии дал эту святость — православные церкви есть и в других странах, среди других народов. Но именно сочетание православной веры с мощной и свободной политической империей, с царством, сочетание Царя с национальным Русским Патриархом — обеспечивало догматическую и богословскую, эсхатологическую правомочность такого названия. Строго говоря, Русь перестала быть «святой», когда «симфония властей» и православное политическое устройство были отвергнуты — сперва вторым Романовым (раскол), затем его сыном-западником и ликвидатором Петром Первым.

Как бы то ни было, начиная с XVI века Русь выступает как главный идеологический, цивилизационный противник Европы. Позже следует затяжная геополитическая дуэль с Англией на Востоке, а в последнее время — «холодная война».

История не линейна, она часто делает отступления, уходит в стороны, выпячивает детали, акцентирует парадоксы и аномалии. Но все же осевая линия очевидна. Безусловно, существует некая «Manifest Density» («проявленная судьба») в широком смысле. Запад она приводит к американской модели, к аме-

риканскому образу жизни, к сверхдержаве, а Восток (по меньшей мере, христианский Восток) сквозь века воплощается в России. Как абсолютно симметрическая антитеза рыночному эсхатологизму протестантских англосаксов — социалистическая вера советских русских в золотой век. «Конец света» по либеральному сценарию и его противоположность — «конец света» по сценарию православно-русскому, социальному, евразийскому, восточному.

Логика истории постоянно, на самых различных уровнях навязчиво высвечивает основополагающий дуализм — США и СССР, Запад и Восток, Америка и Россия. В экономике, политике, геополитике, богословии, культуре — ясная, пугающе ясная антитеза — как наглядно развернутый перед нами промысел о драме мира, о двух полюсах континентальной дуэли, о великой войне континентов — физических и духовных.

5. Диспенсациализм

Осознают ли сами американцы богословскую подоплеку своего геополитического противостояния с Евразией, с Россией? Безусловно да, и подчас гораздо яснее, чем русские.

Пришло время подробнее рассмотреть протестантское эсхатологическое учение, которое называется «диспенсациализмом» (от латинского слова «despensatio», что можно перевести как «промысел», «замысел»). Мы уже говорили выше, что согласно этой теории у Бога есть один замысел относительно христиан-англосаксов, другой — относительно евреев, третий — относительно всех остальных народов. Англосаксы считаются «потомками десяти колен Из-

раиля, не вернувшихся в Иудею из Вавилонского пленения». Эти десять колен «вспомнили о своем происхождении, приняв протестантизм в качестве своей основной конфессии». «Промысел» о протестантских англосаксах, по мнению приверженцев диспенсациализма, таков: перед концом времен должна наступить смутная эпоха («скорбь великая», tribulation). В этот момент силы зла, «империя зла» (когда Рейган назвал СССР «империей зла», он имел в виду именно этот эсхатологический библейский смысл) нападет на протестантов-англосаксов (а равно и на других «рожденных снова», born again), и на короткий срок воцарится «мерзость запустения». Главным отрицательным героем «смутной эпохи», tribulation, является «царь Гог». Теперь очень важный момент: этот персонаж устойчиво и постоянно отождествляется в эсхатологии диспенсациалистов с Россией. Впервые отчетливо это было сформулировано во время Крымской войны, в 1855-м, евангелистом Джоном Каммингом. Тогда он отождествил с библейским «Гогом, принцем Магога» — предводителем нашествия на Израиль, предсказанного в Библии (Иезекииль 38–39), — русского царя Николая I. С особой силой эта тема вновь вспыхнула в 1917-м, а в эпоху «холодной войны» она стала фактически официальной позицией, «моралью большинства» религиозной Америки.

Иной «промысел», по учению диспенсациалистов, существует у Бога относительно Израиля. Под «Израилем» они понимают буквальное восстановление еврейского государства перед «концом времен». В отличие от православных и всех остальных христиан протестантские фундаменталисты убеждены, что библейские пророчества относительно участия народа Израилева в событиях «конца времен» надо пони-

мать буквально, строго по-ветхозаветному, что они относятся к тем евреям, которые продолжают исповедовать иудаизм и в наши дни. Евреи в конце времен должны вернуться в Израиль, восстановить свое государство и подвергнуться нашествию Гога, т. е. «русских», «евразийских» (это «диспенсациалистское пророчество» странным образом исполнилось в 1947 году). Далее начинается самая странная часть «диспенсациализма». В момент «великой скорби» предполагается, что англосаксонские христиане будут «взяты» («восхищены») на небо (raptue) — как бы на «космическом корабле или тарелке» — и там переждут войну Гога (русских) с Израилем. Потом они (англосаксы) вместе с протестантским Христом снова спустятся на землю, где их встретят победившие Гога израильтяне и тут же перейдут в протестантизм. Тогда начнется «тысячелетнее царство», и Америка будет вместе с Израилем безраздельно господствовать в устойчивом парадизе «открытого общества», «единого мира». Эта экстравагантная теория была бы достоянием маргинальных фанатиков, если бы не некоторые обстоятельства.

Во-первых, убежденным «диспенсациалистом», искренне верившим в буквальное исполнение такого эсхатологического сценария, был некто Сайрус Скофильд, знаменитый тем, что составил самую популярную англоязычную Библию — «Scofield Reference Bible», разошедшуюся тиражом во много миллионов экземпляров. В Америке эту книгу можно встретить на каждом шагу. Так вот этот Скофильд вставил в библейский текст собственные исторические комментарии и пророчества о грядущих событиях, выдержанные в духе радикального «диспенсациализма», таким образом, что неискушенному читателю трудно отличить оригинальный библейский текст

от авторской диспенсациалистской трактовки Скофильда. Таким образом, пропаганда христианства в англосаксонском мире, и особенно в США, уже в самом начале несет в себе компонент «патриотического» американского воспитания («Manifest Destiny»), русофобской эсхатологической индоктринации и акцентированного сионизма. Иными словами, в «диспенсациализме» воплощена новейшая форма той многовековой идеологии, которая лежит в основе дуализма Запад — Восток.

В некоторых текстах современных диспенсациалистов «промыслы» увязываются с новейшими техническими достижениями, и тогда возникают образы «ядерного диспенсациализма», т. е. рассмотрения «атомного оружия» как некоего апокалипсического элемента. И снова Россия (или СССР) выступает здесь в качестве «сил зла», «ядерною царя Гога».

Популяризатором этого «атомного диспенсациализма» был евангелист Хал Линдси, автор книги интерпретации пророчеств «Бывшая великая планета», разошедшейся тиражом в 18 миллионов экземпляров (по тиражам в свое время это была вторая книга после Библии). Его горячим приверженцем был не кто иной, как Рональд Рейган, регулярно приглашавший Линдси читать лекции атомным стратегам Пентагона. Другой «ядерный диспенсациалист» — телеевангелист Джерри Фолвелл — стал при Рейгане ближайшим советником правительства, участвовал в закрытых заседаниях и консультациях генералитета, где обсуждались вопросы атомной безопасности. Так, архаические религиозные эсхатологические концепции прекрасно уживаются в столь светском и прогрессивном американском обществе с высокими технологиями, геополитической аналитикой и блестяще отлаженными системами политического менеджмента.

Кстати, именно диспенсациализм объясняет непонятную без этого, безусловно произраильскую позицию США, которая часто прямо противоречит геополитическим и экономическим интересам США. Солидарность протестантских фундаменталистов с судьбой земного Израиля, восстановленного в 1947 году, что явилось в глазах протестантов прямым и внушительным подтверждением трактовки Скофильда и его Библии, основана на глубинных богословских эсхатологических сюжетах.

Для нас очень важно, что столь же глубоки и устойчивы антирусские, антивосточные, антиевразийские принципы американского мышления. Это — глубины отрицания, ненависти, укорененной и тщательно взращивавшейся веками.

Надо сказать, что «диспенсациализм» по-своему является потрясающе убедительным. С его помощью становятся логичными, понятными и осмысленными многие события современности. То же восстановление Израиля, «холодная война», этапы американского пути к единоличному планетарному господству, расширение НАТО на Восток и т. д.

6. Они не остановятся, пока не уничтожат нас всех до последнего

Складываем все элементы воедино. Получаем страшную (для русских) картину. Силы группы, мировоззрения и государственные образования, которые совокупно называют Западом и которые являются после победы в «холодной войне» единоличными властителями мира, за фасадом либерализма исповедуют стройную эсхатологическую богословскую док-

трину, в которой события светской истории, технологический прогресс, международные отношения, социальные процессы и т. д. истолковываются в апокалипсической перспективе. Цивилизационные корни этой западной модели уходят в глубокую древность, и в некотором смысле определенный архаизм сохраняется здесь вплоть до настоящего времени параллельно технологической и социальной модернизации. Эти силы устойчиво и последовательно отождествляют нас, русских, с духами ада, с демоническими «ордами царя Гога из страны Магог», с носителями «абсолютного зла». Библейское упоминание об апокалипсических «князьях Роша, Мешеха и Фувала» растолковывается как однозначное указание на Россию — «Рош» (= «Россия»), «Мешех» (= «Москва»), Фувал (= «древнее название Скифии»). Иными словами, русофобия Запада, и особенно США, проистекает отнюдь не из фарисейской заботы о «жертвах тоталитаризма» или о пресловутых «правах человека». Речь идет о последовательной и оправданной доктринально демонизации восточноевропейской цивилизации во всех ее аспектах — историческом, культурном, богословском, геополитическом, этическом, социальном, экономическом и т. д.

Хочется обратить особое внимание на многомерное совпадение далеких друг от друга концептуальных уровней «западной идеологии»; сторонники капитализма в сфере экономики, теоретики индивидуализма в области философско-социальной, геополитики на уровне стратегии континентов, богословы, оперируя с эсхатологическими и апокалипсическими доктринами «диспенсациалистского толка», — все они сходятся в однозначном отождествлении России с «империей зла», с историческим негативом, с целиком отрицательным героем миро-

вой драмы. Это все очень серьезно. Мировые войны и крушение империй, исчезновение целых народов и рас, классовые конфликты и революции — лишь эпизоды великого противостояния, кульминацией которого должна стать последняя апокалипсическая битва, Endkampf, где нам отводится важнейшая роль. В глазах Запада — целиком и полностью негативная.

Они не остановятся, пока окончательно не добьют нас. Всех нас, всех наших детей, стариков и женщин. С ветхозаветной жестокостью и либеральным цинизмом.

Их намерения очевидны и ужасны.

Наше спокойствие, зевота, тупость и лень на этом фоне выглядят преступлением.

ГЛАВА 9

Дорога к Армагеддону (метафизика иракского конфликта)

Мессианство Америки

В США чрезвычайно сильны крайние религиозные толки и секты, которые подчас интегрируются в самые верхи американского политического истеблишмента.

Особенно это характерно для республиканцев, которые традиционно связаны с направлением *протестантского фундаментализма*. Обычно это обстоятельство упускается из виду: мол, все ограничивается общим «просвещенным консерватизмом» республиканцев, их верностью «моральным ценностям». На самом деле все глубже. Мы не поймем Америку, если не примем в расчет специфической *мессианской, эсхатологической, религиозной идеи, которая ею движет*. Мы не сможем внятно объяснить все, происходящее сегодня в Ираке, если не заглянем в те религиозные среды, которые вдохновляют Буша-младшего и его идеологов — Рамсфельда, Чейни, Волфовица и других.

Сегодня все мы видим гигантский зазор между тем, *как оценивают агрессию против Ирака народы*

мира и как ее истолковывают сами американцы. Этот зазор вскрывает тревожное и совершенно недооцененное обстоятельство: в лице США мы имеем дело не со светской, демократической державой, но с режимом *скрытого радикального фанатизма* — не уступающего ни в чем другим мессианским мировоззрениям: исламизму, коммунизму, нацизму и т. д.

На Ближнем Востоке США сегодня бьются *не только за свои практические геополитические интересы* — все намного сложнее, их вдохновляет вера в универсальность своей миссии, в свою богоизбранность, в свою мессианскую судьбу.

Присмотримся к этой проблеме внимательнее.

Америка в ожидании Армагеддона

Мы вынуждены снова вернуться к проблеме диспенсациализма. Это учение вдохновляет республиканцев (и до определенной степени правых и центристских демократов баптистского толка), дает им ориентиры для толкования основных мировых событий, подсказывает логику действий.

В XIX веке линию диспенсациализма активно развивал Джон Нельсон Дерби (1800–1882), основоположник современной американской версии этого фундаменталистски протестантского учения.

Дерби пишет, что в критическую эпоху «условия жизни людей и общества ухудшаются, а политическая и военная власть переходит *к союзу европейских государств* (здесь и далее курсив мой. — *А. Д.*), во главе которых стоит Антихрист, осуществляющий свою власть из Рима. Антихрист организует заключение мирного договора *на Ближнем Востоке* (которого хватит ненадолго), а также принуждает каждо-

го человека носить число 666 на руках и на лбу. Антихрист выступает *против Иерусалима,* где вовсю свирепствуют природные катастрофы, где тоже наступают испытания вследствие военных поражений и хаоса. По мере приближения конца армии с далекого Севера (то есть *из России*), *Дальнего Востока* (Китая и/или Японии), а также *арабские армии* встретятся для участия в битве, Армагеддоне, в Меггидо, месте, расположенном в Израиле, и будет длиться Армагеддон около года». (Стивен Хаммел, диссертация, защищенная в 2000 г. в МГИМО(У) МИД РФ.)

Напомним, Россия отождествляется здесь с Гогом, о котором говорится в Книге пророка Иезекииля (38:2): «Сын человеческий! Обрати лицо твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала и изреки на него и пророчество».

Пропаганда христианства в англосаксонском мире, и особенно в США, автоматически несет в себе компонент «патриотического» американского воспитания в духе ожидания последней схватки «империи добра» (США) с «империей зла» (роль которой играет либо Россия, либо новейшие ее заместители в ткани основного и неизменного мифа — исламские радикалы, Усама бен Ладен, Саддам Хусейн).

Популяризатором «атомного диспенсациализма» является евангелист Хэл Линдсей, автор книги интерпретации пророчеств «Бывшая великая планета» (1970). Сегодня труды Линдсея — настольные книги Буша-младшего и всего «ястребиного крыла» республиканцев.

Линдсей выделяет основные международные проблемы, связанные непосредственно с «концом времен». Он отмечает, что:

1) в центре внимания должен быть Ближний Вос-

ток (имея в виду, что Ближний Восток станет фантастически богатым и влиятельным, особенно в результате разработки недр Мертвого моря);

2) что касается мирового лидерства, то Западная Европа займет место Соединенных Штатов Америки, и возникнут *Соединенные Штаты Европы,* которые будут состоять из принадлежащих к Европе стран. Формирующийся общий рынок будет контролировать *Россию и коммунистический Китай* под непосредственным воздействием «гения антихриста», который возглавит Европейскую конфедерацию.

(Как точно это предсказание Линдсея от 1970 года описывает сегодняшнюю российско-китайско-европейскую «мирную коалицию»!)

Те, кто попадает в число врагов США в такой диспенсациалистской оптике, оказываются в рядах «полчищ сатаны», причем не в переносном, а *в самом прямом смысле.*

Воспитанные на «Библии Скофильда», республиканцы и сам Джордж Буш-младший, таким образом, имеют свою собственную (довольно иррациональную) модель расшифровки мировых событий.

Джордж Буш-младший активно заинтересовался этой темой после дня своего сорокалетия в 1985-м. Он обратился тогда к Билли Грэхэму, известному протестантскому проповеднику и ярому поклоннику диспенсациализма, другу семьи Бушей, за наставлениями. С этого времени Буш признается, что «не оставляет ни на минуту своих библейских исследований» (имеются в виду диспенсациалистские штудии) и следует во всем указаниям своих учителей (в частности, того же пастора Грэхэма).

Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!

Диспенсациалисты трактуют события современного мира в библейской перспективе. Тем самым к циничному рационализму американской геополитики примешивается элемент *фанатической уверенности в своей «моральной правоте».* Смесь получается гремучая.

Атака на Ирак — вопреки позиции Совета Безопасности ООН, международного сообщества, стран Европы, России, Китая и т. д. — *не может быть объяснена только интересами к арабской нефти и стремлением спасти за счет военного заказа американскую экономику, находящуюся на пороге системного кризиса.* Все это присутствует, но в данной войне есть и еще один, быть может решающий, фактор: ее *мессианский смысл.*

В протестантском фундаментализме (как, впрочем, и в другом радикальном явлении — исламском ваххабизме) многие религиозные сюжеты понимаются *буквально,* древние символы применяются к современной реальности. В этом и заключается своеобразная сила «диспенсациализма» — он адаптирует сакральные сюжеты религии к настоящему и будущему.

Теперь вспомним о том, где находится современный Ирак. Это — территория древнего халдейского царства, его столица — *Вавилон.* Халдейское царство и называлось Вавилоном в широком смысле.

В иудео-христианской традиции Вавилон давно превратился в *символ зла* — «язычества», «насилия», «аморальности». Начиная с Вавилонской башни, через «вавилонское пленение» израильтян и вплоть до Вавилонской блудницы из христианского Апокалипсиса этот образ устойчиво ассоциируется с «сатаной»,

«антихристом», «страной зла» (как в далеком прошлом, так и в грядущем, в «последние времена»). *Сегодня роль «царя Вавилонского» играет Саддам Хусейн.* Его демонизированный образ как нельзя лучше вписывается в «диспенсациалистскую» мифологию. Саддам Хусейн — диктатор и тиран. Он вторгался в Кувейт, хотел убить Буша-старшего. Он прекрасно соответствует галерее иудео-христианских образов зла.

«Библия» полна проклятий в адрес Вавилона. В «Псалтыри» (пс., 136, 8–9) эта ненависть выражается в самой радикальной форме: «Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!» И далее совсем страшно: «Блажен, кто *возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!*» Геноцид вавилонских (читай, иракских) младенцев, таким образом, не только оправдан, но является «священным долгом», если посмотреть на него сквозь призму протестантского фундаментализма.

Мы видим, как смакуют сегодня американские СМИ тему низвержения Саддама Хусейна. И снова — явная библейская параллель с дворцом вавилонского царя Валтасара. Этот царь в эпоху пророка Даниила во время пира увидел на стене загадочно появившуюся надпись: «мене, текел, фарес», что означает на иврите «взвешен, подсчитан, учтен». Это было грозное предзнаменование о близком разрушении Вавилонского царства от рук персов. В древней истории персы и их предводитель Кир стали освободителями Израиля. США явно видят себя сегодня в роли Кира — они сокрушают «дворцы царя Вавилонского», чтобы приблизить «конец истории», «мессианскую эпоху», «освободив» тем самым и Израиль. Саддам Хусейн — новый «царь Вавилонский», «Вал-

тасар». Ясно, что никакого сострадания ни к нему, ни к его режиму, ни даже к «иракским младенцам» от англо-американской коалиции ожидать не приходится.

Кошмар сбывающихся предсказаний

Самое поразительное в диспенсациализме — это *буквальное исполнение его предсказаний.* В диспенсациалистских пророчествах XIX века говорилось о скором «создании государства Израиль в Палестине» и о «возвращении всех евреев на Землю обетованную» (реализовано в 1947 году), о «строительстве Третьего Храма и восшествии «вождя иудеев» на Храмовую гору (после восшествия президента Израиля Ариэля Шарона[1] на Храмовую гору в 2001 году началась эскалация палестино-израильского конфликта), о событиях в Европе, России, на Ближнем и Дальнем Востоке, которые действительно произошли через 50—100 лет.

Американцы провозгласили 150 лет назад, что существует «явный знак судьбы» — Manifest Destiny, указывающий на то, что «США будут править ми-

[1] Некоторые современные американские диспенсациалисты связывают с фигурой Ариэля Шарона («Ариэль» на иврите означает дословно «Лев Божий») исполнение ряда апокалипсических пророчеств. По их мнению, Ариэль Шарон избран Богом для осуществления пророчеств о последних временах. Шарон вернулся во власть после того, как впал в немилость из-за жестокостей, совершенных во время оккупации Ливана. «Так как человек упадет семь раз и снова поднимается: но грешник впадет в немилость». (Притчи 24:16). По материалам сайта «Dubya report» — http://www.thedubyareport.com/spinpolls.html

ром». Тогда это была захолустная полуколониальная держава. Сегодня это — общепризнанный факт.

Как это ни странно, мифологическая фундаменталистско-протестантская интерпретация истории оказывается удивительно близкой к фактическому положению дел.

Поэтому стоит прислушаться и к тому, что думают современные диспенсациалисты, стоящие к тому же столь близко к рычагам реальной власти при Джордже Буше-младшем.

Так, диспенсациалист Джэк Ван Импе указывает на следующие признаки приближения *конца света:* 1) глобализация экономики; 2) создание объединенной Европы; 3) изоляция Израиля со стороны враждебно относящихся к нему соседних государств; 4) крах марксизма, благодаря которому для диспенсациализма теперь открыты «окна возможности».

Россию Ван Импе считает «страной наиболее опасной и нестабильной, чем когда-либо», утверждая, что «Америка одновременно с Израилем станет жертвой первого массированного ядерного удара, который будет нанесен Россией» (Стивен Хаммел).

Диспенсациалисты не только «просчитали» иракскую войну, но и предвидели структуру коалиции тех, кто выступит против нее. Объединенная Европа, Россия и Китай давно уже зачислены в разряд «гогов и магогов». До конца света осталось совсем немного: всей этой «мирной коалиции» вместе с арабами напасть на Израиль, который вначале падет, потом примет протестантское исповедание (в этом направлении уже работает мощное отделение диспенсациалистской машины — общество «Евреи за Иисуса») и вместе с США (плюс, по некоторым версиям, «ле-

тающие тарелки» и «ангельские воинства») уничтожит противников.

Многие трезвые умы, сопоставив все это, скажут: «Какой бред!» И будут правы, но головы иракских младенцев бьются не понарошку, и кассетные бомбы — не просто кадры из апокалипсического триллера. В этом страшном, странном мире кто-то на самом деле сошел с ума. И если речь идет о самой сильной, мощной и отчаянной ядерной державе, то всему человечеству должно быть не до смеха. Ведь следующими — по всем их выкладкам — будем мы, «страна Гога».

ГЛАВА 10

Терроризм: геополитические, политические и психологические аспекты

1. Социально-политическая функция терроризма

Терроризм является методом политического действия у тех групп и секторов политического (национального, религиозного) спектра, которые в силу определенных обстоятельств не способны добиться своих целей (или просто заявить о себе, сообщить о своей точке зрения в желаемом масштабе) конвенционными, «дозволенными» способами, действуя в рамках закона. Условием появления терроризма является определенный зазор между серьезными ограничениями в социально-политической сфере и относительной мягкостью правоохранительной системы, поэтому для существования терроризма максимально благоприятны общества с либерально-демократическим устройством.

Политическая эффективность терроризма бывает различной. В определенных случаях цели, поставленные террористами, достигаются. В других система справляется с вызовом. Примером неэффективного терроризма являются ИРА, ЭТА, германский

РАФ, Курдская рабочая партия. Примером эффективного терроризма: действия чеченских боевиков в Буденновске (и последовавший за ними Хасавюрт), ООП в Израиле, исламских боевиков в Кашмире, эсеров в России накануне революции 1905 года, большевиков в 1917-м.

Террористические образования варьируются от крупных этнических и религиозных объединений (входящих в состав еще более крупного государственного организма) — и в этом случае террористы осознают свою деятельность, как тактическое направление в национально-освободительной войне, до террористов-одиночек, решающихся на отчаянный шаг, чтобы реализовать свою неосуществимую нормальными способами психологическую или политическую программу — Освальд, убийца Кеннеди, Игаль Амир, убийца Рабина и т. д. Довольно часто террористические организации представляют собой сообщество представителей небольших маргинальных политических партий или сект. В таких образованиях часто присутствует феномен «коллективного гипноза», всю реальность члены организации воспринимают через призму своих догм. В некоторых случаях к террористическим методам прибегают и правительства определенных государств — в ходе горячего (или холодного) противостояния с враждебными державами. Эту разновидность терроризма принято называть диверсионной деятельностью.

2. Геополитические аспекты терроризма

Геополитика исходит из видения конфликтной природы политической географии современного мира. Она рассматривает не столько противоречия меж-

ду государствами, сколько противоречия между цивилизациями и, шире, между метацивилизациями, между типами цивилизаций.

Поскольку геополитика постулирует существование двух полярных субъектов мировой политической истории (атлантизм и евразийство, Море и Сушу), геополитический анализ любой проблемы становится верным лишь в том случае, если рассматриваемая ситуация приводится к изначальному геополитическому дуализму. Говорить о геополитической подоплеке терроризма — значит говорить о тех случаях, когда террористическая деятельность используется в интересах одного из двух мировых полюсов против другого.

Геополитика утверждает, что приоритетной зоной столкновения интересов двух полюсов является береговая зона — римланд, простирающаяся по евразийскому материку с Западной Европы к Дальнему Востоку, захватывая все Средиземноморье, Центральную Азию и Индию. Здесь нагляднее всего дает о себе знать противоречие между геополитическими векторами. Эти территории, а также другие периферийные зоны мировой политики, такие, как Африка или Латинская Америка, представляют собой полосу потенциальных конфликтов, т. к. по правилам геополитической игры и атлантизм и евразийство стремятся усилить свои позиции — естественно, за счет ослабления позиций соперника. Не случайно именно эта географическая зона является ареной наиболее радикальных террористических действий.

В период «холодной войны» геополитический, по сути, террор был сопряжен с идеологическими формами — с противостоянием двух систем. После распада Варшавского договора и СССР идеологическое оформление было упразднено, но геополитическое

содержание игры за контроль над береговой зоной сохранилось, на этот раз с серьезным перевесом атлантистского полюса. В связи с этим геополитические процессы и соответствующая им расстановка сил на данном этапе претерпевают важные качественные изменения. С одной стороны, продолжая логику атлантистской стратегии, США изолируют и оказывают давление на те политические образования, которые на предшествующем этапе входили в несущую конструкцию евразийской геополитики или могут быть потенциально интегрированы в евразийский блок на новом этапе. Одним из таких геополитических инструментов является исламский фундаментализм или исламизм (особенно ваххабизм), который был использован Западом для противодействия просоветским режимам в исламском мире или тем версиям политизированного ислама, которые, основываясь на традиционных масхабах (юридических школах толкования) и шиизме, стремились отстоять определенную независимость как от Запада, так и от социалистического Востока. Таким образом, в основе радикальных версий современного исламизма лежит атлантический геополитический вектор. Следовательно, это направление терроризма является генетической производной атлантизма. К этой же категории относятся наиболее непримиримые террористические группы чеченских повстанцев или вчерашних афганских талибов. Из этого следует, что структура террористической сети исламизма неразрывно связана со спецслужбами Запада и является результатом развития геополитической логики в борьбе за контроль над римландом.

Однако резкое ослабление стратегических позиций восточного полюса, евразийства качественно изменило баланс сил в этой сфере. В частности, резко

ослабли, а то и вообще рассеялись радикальные политические и террористические организации, которые ранее являлись инструментом геополитики Евразии. Так, с арены политической жизни сошел крайне левый сектор террора, ранее довольно влиятельный и опасный, особенно в странах Ближнего Востока, в Африке и Латинской Америке. Лишившись мощной структурной поддержки со стороны «внешнего легкого», структуры евразийского терроризма постепенно рассосались либо были законсервированы. Сохранение сети атлантического терроризма при распылении организаций с противоположными геополитическими целями привело к определенным изменениям. Можно сказать, что нацеленный на довольно масштабное противостояние с противоположным полюсом атлантистский террор, благодаря накопленной инерции и быстрой самоликвидации евразийского стратегического пространства, обратился против тех, кто его породил, оснастил и финансировал. Таким образом, произошла существенная мутация террора: в однополярном, пусть номинально, мире обнаружился симметричный ему фактор влияния, получивший название «международный терроризм» и новую функциональную нагрузку. Отныне этот термин стал приблизительно обозначать радикальные действия всех противников однополярного глобализма.

В то же время речь идет не о законченном факте, но о диалектическом процессе — несмотря на небывалое могущество атлантического полюса и небывалую слабость полюса евразийского, окончательного триумфа однополярности пока не произошло и возможность восстановления в новом масштабе сухопутного евразийского блока остается вероятной. А так как геополитическая теория утверждает, что

определенный баланс в этом вопросе является исторической константой, то евразийские тенденции проявляются повсеместно — хотя бы как препятствие для глобализации. Однако автономизация терроризма и его выход в оппозицию своим организаторам не могут быть признаны абсолютными, т. к. определенный антиевразийский потенциал этого явления все же сохраняется. В конечном смысле «Аль-Каида» и бен Ладен (созданные ЦРУ) продолжают служить стратегическим интересам атлантизма, даже позиционируя себя как его непримиримых врагов, — последствиями терактов 11 сентября в Америке стало закрепление американского военного присутствия в Центральной Азии и укрепление влияния в береговой зоне.

3. Психология терроризма

К террористической деятельности склонны люди особого типа, отличающиеся большой психической активностью, пассионарностью, неспособностью к компромиссам, презрением к материальным ценностям и комфорту. Это, как правило, представители «контрэлиты» (по В. Парето), которые не могут достичь высокого положения, но обладают большой концентрацией психической энергии, решительностью, презрением к опасности и смерти. В некоторых случаях эти качества граничат с психическим расстройством, переходят в патологию. Но статистика показывает, что клинические расстройства психики редки среди профессиональных террористов. Сложность выполняемой задачи требует рациональной и стабильной манеры поведения.

Террорист отличается презрением к жизни, у него

отсутствует пиетет, уважение границы между жизнью и смертью. Это проявляется не только в отношении чужой жизни, но и в отношении своей собственной. По этой причине террористы часто бывают религиозными фанатиками, сектантами, мистиками, употребляют психоделические вещества. Показательно, что пассионария ранней ИРА — Мод Гонн — была активисткой английского эзотерического братства «Голден Даун», куда входили также поэт Ейтс, литератор Брэм Стоукер и другие. Многие современные активисты итальянских «Красных бригад» являются практикующими оккультистами.

4. Демонизация терроризма

Демонизация терроризма, рассмотрение этого явления как глобальной угрозы характерно для бытовой медиакратической мифологии либерал-демократических обществ светского типа. В этом проявляется особенность самой политической системы, в них установившейся. Психологически, политически, типологически фигура террориста представляется в таких обществах воплощением «чужого», «враждебного», «иного». Террорист — идеальный образ для социального апартеида, пария, «козел отпущения». Метафизика терроризма, все его составляющие (от политических и геополитических до психологических) принадлежат к комплексу установок, жестко вынесенных за скобки социальными нормативами.

По мере успехов глобализации атлантического полюса и соответствующей либеральной системы ценностей категория терроризма будет постепенно эволюционировать, расширяться и подозрения в причастности к терроризму будут распространяться

на все социально-политические, религиозные, конфессиональные группы и даже психические типы, которые не вписываются в либерально-демократическую цивилизационную парадигму. Если однополярные тенденции будут развиваться и далее в ущерб геополитическому балансу, понятие международного терроризма может стать самостоятельной социально-политической и цивилизационной категорией. Но в таком случае это явление существенно изменит свое содержание. Постепенно образ террориста (Карлоса, бен Ладена или Хаттаба) может превратиться в аналог того, чем в эпоху инквизиции были колдуны, в СССР — троцкисты, а в нацистской Германии — евреи. В однополярном либеральном мире, если он окончательно и бесповоротно утвердится, борьба с международным терроризмом станет, по сути, борьбой с теми человеческими измерениями, которые выходят за границу либеральных нормативов «открытого общества».

ГЛАВА 11

Карфаген должен быть разрушен. Антиамериканское большинство

1. Маниакальный рефрен Катона-старшего

Многие смеялись в сенате над маниакальной привычкой римлянина Катона-старшего (324—149 гг. до н. э.), все свои речи начинавшего фразой «Карфаген должен быть разрушен» (Carthago delenda est). Завершал же он свои выступления, не важно, чему они были посвящены, бытовым проблемам обустройства Рима или спорам о жертвоприношениях богам, схожей параноидальной формулой — «поэтому я думаю, что Карфаген должен быть разрушен» («ceterum, censeo Carthaginem esse delendam»). Сенаторам это смертельно надоело, но история показала, что голосом Катона говорила история, что Катон проник в сущность борьбы цивилизаций, которая решалась в Пунических войнах. Не борьба за колонии и морские пути, не столкновение коммерческих интересов, не противостояние государственных притязаний было содержанием борьбы Рима и Карфагена. Речь шла о формуле будущего, которая предопределила бы всемирную историю по меньшей мере на несколько гря-

дущих тысячелетий. Рим и Карфаген были двумя полюсами цивилизации, претендующими на универсальность, на основание мировой империи, на то, чтобы стать мерилом общечеловеческой этики.

Карфаген воплощал в себе торговый строй, «открытое общество». В нем правил принцип рыночной экономики, индивидуализма, рационализма, абсолютизированного скепсиса. Этика была приравнена к богатству — богатый считался не просто «удачливым», но «святым». Низменность человеческой природы, склонность к коррумпированности и продажности не ставились под сомнение. Все продается, и все покупается. Хорошие дороги, разумная свободная торговля, максимальное использование морских коммуникаций, подкуп диких варварских народов, эксплуатация колоний — все это изобретено Карфагеном, внедрено в жизнь, доведено до совершенства. Максимальная прибыль извлечена. Карфаген был мировой державой, которая несколько раз ставила Рим на колени. А за всем этим блистательным фасадом — культ Молоха, темного божества, пожиравшего младенцев. Сотнями бросали карфагеняне новорожденных малышей в огнедышащую пасть идола. Маленькие скелетики в невероятном количестве обнаружены на развалинах этого зловещего города. Культ Молоха, теневая дань тотальной власти Капитала.

Если бы не Катон, две тысячи лет человечество прожило бы в совершенно иной реальности. Рим изначально шел иным путем. Отнюдь не сказочный, не пасторальный, не добрый, напротив, часто жестокий и коварный, аскетичный и разрушительный, но ориентированный на радикально иной архетип. Рим верил в честь и достоинство человека, в героизм и дисциплину, в самопреодоление и идеальное измерение

человеческой личности. Вместо разлагающей стихии денег — прямое светлое насилие, вместо Молоха, пожирателя младенцев, — высокомерные, но справедливые небесные боги, свободные в войне и империи, но не в торговле. Рим нес идеал автократии и свободы, иерархии и аскезы, идеал воина, а не торговца, героя, а не банкира, добровольного самопожертвования, а не постыдного умерщвления новорожденных. Рим предлагал народам свою собственную модель. Не менее универсальную, но сущностно противоположную, не лишенную недостатков и пороков, но несопоставимую с системой Карфагена. Не случайно Спаситель сошел с небес именно на территории Римской империи. Как знать, не было ли разрушение римлянами семитского чудовища в Северной Африке тайным предуготовлением путей для Благой Вести?

Катон понимал это с поразительной ясностью. Будто видел будущее.

«Карфаген должен быть разрушен». Раз и навсегда. Никогда нелишне напомнить об этом. Это единственное, что мы должны знать наверняка. Мы, русские, наследники трех Римов. Последний из которых еще стоит.

2. Рим и Карфаген в XX веке

В настоящее время решается та же проблема. Новый Карфаген простирает над планетой свою зловещую тень. Будто призрак стертого с земли легионами Рима финикийского города поднимается из ада. Отчетливо звучит голос Молоха — «торговый строй», «рационализация», «хорошие дороги», «открытое общество», «морское могущество»... Правда, иной мас-

штаб. Вместо Средиземноморья — вся планета; современный Запад — прямой идеологический наследник Карфагена. Конечно, так было не всегда. Большую часть двух последних тысячелетий доминировала все же римская линия — иерархия, этика духа и человеческого достоинства. Но, видимо, Карфаген сумел заразить Запад латентным вирусом, который дал о себе знать спустя много веков.

Начиная с Нового времени, с эпохи Просвещения, Запад и его цивилизация устремились к темному карфагенскому полюсу. На этом пути сегодня они достигли совершенства.

В XX веке борьба цивилизаций подошла к окончательной дуальной формуле. СССР воплощал в себе линию Рима, натовский блок во главе с США сознательно и последовательно отстаивал интересы Карфагена.

Власть Суши (социализм) против власти Моря (либерализм), евразийство против атлантизма, Труд против Капитала.

Между этими двумя законченными формулировками цивилизационных моделей болтались половинчатые варианты, фрагментарные и незаконченные (фашизм и его аналоги). Но общей картины это не меняло. История растянулась — как когда-то, в эпоху Пунических войн, — между двумя осями, двумя ориентациями, двумя взаимоисключающими путями.

Новый Рим, Евразия против Нового Карфагена (атлантизм, США). Вот единственное истинное содержание истории XX века, освобожденное от многослойных исторических теорий, которые призваны лишь отвести внимание от главного, запутать, сбить с толку. Мы перешли границу столетия, границу тысячелетия. Все яснее видится, что было сущностным, а

что — второстепенным, что имело значение, а что оказалось эфемерным, что было сопряжено с духом истории, а что имело к ней самое далекое отношение...

Одна линия прослеживается четко и однозначно. Первый Рим, побеждающий Карфаген, на века расчищающий человечеству путь от заразы «торгового строя».

Второй Рим — Константинополь, Византийская империя. Римский идеал воцерковлен, Империя освящена Христом, превращена благодатной силой Святого Духа в «удерживающего», в «катехона», в преграду для прихода «сына погибели» (из второго послания к фессалоникийцам св. ап. Павла). Византия — тоже победа над Карфагеном, но Карфагеном внутренним. Второй Рим длится тысячу лет. Tausendjahrige Reich.

Запад отпадает от православия. Он еще очень далек от нынешней мерзости запустения, но первые признаки апостасии налицо. Они внятны православным провидцам (патр. Фотий, св. Марк Эфесский и т. д.). Перенос миссии Рима на Византию не подлежит пересмотру.

Истинный Рим — понятие плавающее.

Но и этот цикл заканчивается. Византия падает, потому что идет на компромисс с Западом. Отступает от своей функции, и кара Господня в виде диких бешеных турков обрушивается на колыбель православия.

Но на Севере Евразии восходит новое солнце. Последний Рим. Москва. Русь берет на себя миссию Рима. И того, который стер с лица земли ненавистный город, и того, кто осветил края земли истиной Христовой веры. Россия — ось истории, оплот сил Суши. Новый Рим эпохи последних времен.

С зигзагами и отступлениями, через парадоксы истории и уловки «мирового разума» идет Русь к финальной битве. Пути Запада и России различны. Мы идем от Рима и к Риму. Они предали Рим ради Карфагена и его золотого тельца.

«Свободный мир», «цивилизованные страны», «открытое общество» — так называют сегодня служителей Молоха. Отколовшись от Византии, Запад шел к одной цели — царству Капитала, к абсолютизации денежного строя. Последним броском была «царица морей» — индустриальная Англия. Позже под знаменем этого чисто карфагенского идеала сложилась новая цивилизация — «американская мечта», очищенный от истории, от последних следов древнего Рима — не избытых до конца Европой — искусственный лабораторный идеал карфагенского мирового порядка — Соединенные Штаты Америки. Они поставили перед собой дерзкую задачу — добиться мирового господства, подчинить планету единой модели — модели древнефиникийского морского могущества. Как реванш, как возмездие римской духовности, как месть ада высоким индоевропейским богам.

В 1991 году последний Рим пал.

Сегодня Карфаген празднует планетарный триумф. Не все идет гладко, но налицо победа. Не просто одной страны над другой, не просто одной экономической модели над другой, не просто одной культуры над другой. Все гораздо серьезнее. Это победа Молоха, инфернального божества, пожирателя младенцев.

«И встал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные.

И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, языком и племенем.

И поклонятся ему все живущие на земле...»

3. Российская армия как последний субъект мировой истории

Вряд ли мы все способны понять глубинный смысл истории. Ведь и над Катоном смеялись. А его высказывание вошло в историю как образец «навязчивой идеи». Разные сектора общества в разной степени воспринимают ток бытия во времени. Так получилось, что те, кто отвечал за судьбу Рима на последнем советском этапе, оказались, мягко говоря, не на уровне возложенной на них миссии. Кое-кто был слишком наивен, кого-то коррумпировала атлантистская машина. Налицо факт — политическая элита Советского государства предала не только великую страну и уникальный народ, но отдала без боя уникальный цивилизационный проект, открыла завоевателям врата в третий Рим. Это преступление, не имеющее аналогов. Это коллаборационизм с Молохом, золотым тельцом. Трудно вообразить, какой кары достойно такое деяние. Но Суд — дело иных времен. Сейчас надо осознать, что еще можно спасти, как нужно действовать, какую стратегию использовать.

Пожалуй, единственная сила, которая может осознать все масштабы случившейся катастрофы, — это российская армия. Резонно задать вопрос — почему именно она? Ведь согласно общепринятым клише ее представители отнюдь не отличаются высоким интеллектуальным уровнем. Но есть одно об-

стоятельство, которое делает именно военных привилегированной кастой на данном периоде мировой истории.

Американская военная доктрина и в эпоху «холодной войны», и в настоящее время целиком и полностью строится на одном принципе: Русские (советские) являются не просто идеологическим, но историческим противником США и остальных стран Запада. Следовательно, дело не в идеологии или экономической модели, дело в геополитике, в географии, в истории. Эта мысль предельно ясно изложена у адмирала Мэхэна и Николаса Спайкмена. Это основоположники глобальной стратегии Штатов. Их прямыми наследниками являются современные теоретики — Киссинджер, Бжезинский, Дэвид Рокфеллер.

Американская военная стратегия основывается на комплексном анализе исторических авторов и вытекает из ясного понимания универсального, планетарного значения американской модели. Если в других секторах западного общества существует некоторый разброс мнений и часто на первый план выходят иные сюжеты и темы, военная стратегия не меняется от светских мод. В этом залог американской мощи — независимо от политических программ все ведущие политические партии и крупнейшие экономические корпорации придерживаются единой геополитической стратегии, осознавая — как общий знаменатель — единство цивилизационного проекта. Суть США в их геополитической стратегии. Здесь обнаруживается с невероятной ясностью то, что завуалировано в иных областях. Эта стратегия основана на борьбе против Суши, против Евразии, против континентальных моделей, отвергающих «торговый строй». Одним словом, на борьбе против Рима. Все осталь-

ное — второстепенно. «Третий Рим должен быть разрушен», — не устают повторять американские стратеги. И они по-своему правы.

В силу специфики своей профессии первыми в России американскую военную стратегию осознают военные. Они первыми читают доклад американского под-секретаря Обороны, ответственного за политические вопросы, Пола Волфовица от 1992 года, опубликованный в New York Times 8 марта 1992 года и в International Herald Tribune 9 марта 1992-го, где содержится перечисление основных приоритетов американской внешней политики, продиктованной стратегическими соображениями. Там утверждается, что все страны должны: «отказаться от противодействия американскому лидерству или от постановки под сомнение превосходства нашего экономического и политического устройства». В качестве основной опасности доклад Волфовица указывает на «опасность для европейской стабильности, возникающую из-за подъема в России национализма или попытки России снова присоединить к ней страны, получившие независимость: Украину, Белоруссию и другие». Следовательно, именно российские военные являются тем социальным субъектом, который напрямую сталкивается с ясным недвусмысленным выражением глобальной воли атлантистского Карфагена.

Советская стратегия строилась на антитезе стратегии американской. Сегодня политическое руководство России — не будем сейчас обсуждать, по каким причинам, — отказывается даже признавать реальное положение дел, не говоря уже об адекватном ответе. Чиновники еще могут в оправдание сослаться на «неведение». Но российские военные не могут. Они воочию наблюдают, что Запад нисколько не смягчает своего давления на Россию, несмотря на все

идеологические уступки Москвы. Карфаген успокоится только тогда, когда от нас ничего не останется. Это ясно (или должно быть ясно) любому российскому офицеру с полной наглядностью и очевидностью. Отсюда — драма армии. Армия осталась последним социальным субъектом, который способен — более того, обязан отвечать на вызов истории. Все остальные устранились, забаррикадировались неведением, демагогией, бессмысленной экономической статистикой. На городской стене остался лишь преданный изнутри и раздавленный извне отряд. Не способный покинуть пост. Последние воины Рима. Российская армия.

На них, русских военных, — неготовых, некомпетентных решать глобальные политические вопросы — обрушилась история. Они оказались последними потомками, вошедшими в наследство Катона.

История дана им в карте расположения вражеских натовских частей, как черный рок приближающихся к нашим границам. Она исчисляется количеством приобретенных ими и уничтоженных нами боеголовок, подводных лодок, военных спутников-шпионов. Жуткая статистика планетарного поражения. Не просто советской системы, не только России и русского народа. Поражение миссии вечного Рима, поражение Суши.

Гибель богов.

Геббельс под советскими бомбами, обрушивавшимися на Берлин в последние дни Рейха, говорил: «Вы думаете, это гибнет Германия? Нет, это гибнет дух...» С еще большим основанием мы можем применить эту фразу к нам самим сегодня.

«Вы думаете, это гибнет СССР? Нет, это гибнет Рим... Это гибнет дух...»

4. Армия и геополитика

Интеллигенты, патриоты, оппозиция — все они безответственны и недееспособны. Они выясняют свои внутренние разногласия, раздувают полемику, межпартийные дрязги, фиктивные авторитеты, бездарных аналитиков. Это — сор истории, пассивный довесок активных разрушителей-либералов. Патриотическая оппозиция оказалась тайным союзником прозападных ликвидаторов. У подлеца нет лучшего помощника, чем идиот. Смотреть в эту сторону бессмысленно. Ждать от них нечего. Они провалили все, что им было доверено. Они дискредитировали себя и идею. Надо поскорее забыть о них, стряхнуть с себя бремя их поражения. Начать все снова.

Начать должна армия. Больше просто некому. То, что США и НАТО являются нашим историческим врагом, — это не произвольное утверждение той или иной партии, той или иной идеологии. Это — абсолютный факт, вытекающий из самой логики истории, независимо от теорий и концепций. Это — истина. Она прекрасно осознается Западом, и особенно теми людьми, которые отвечают за военную стратегию Запада. Она должна с такой же ясностью осознаваться и нами. В первую очередь теми, кто руководит армией.

Армия должна быть вне политики, но она не может быть вне истории, вне геополитики. Относительно партий она должна быть безразлична, но относительно судьбы России, судьбы Евразии, судьбы Рима она не имеет права быть безразличной. Это не просто армия наемников — служит тому, кто платит. Это армия России, а Россия — не произвольная социально-административная единица. Это важнейший субъект истории. Один из двух полюсов. Россия — это Рим.

Последний Рим. Поэтому Российская армия может и должна предъявлять руководству страны — в ультимативной форме, если понадобится, — требование соблюдать геополитические интересы государства и народа, исполнять геополитическое предназначение Евразии. В противном случае оружие должно быть повернуто против власти, как бы ни претил такой подход традиционной субординации и дисциплине. Дисциплина должна быть непререкаема, когда сама власть верна исторической судьбе своего государства и своего народа. Предательство может быть и в самых высших эшелонах. В такой момент высшей формой дисциплины становится восстание.

Америка — наш абсолютный враг. Западная цивилизация — смертельна для нашего исторического пути. «Торговый строй», «карфагенский порядок» несовместим с нашим римским наследием. Вопрос — в который раз в истории — ставится очень жестко: «Либо они, либо мы». Пока мы существуем, они не смогут спать спокойно. Пока они идут, у нас нет, не может быть ни минуты свободного времени.

«Америка — наш враг». Это современный аналог фразы Катона «Карфаген должен быть разрушен». Это следует твердить на каждом офицерском собрании, в каждом военном училище, на каждом военном совещании. Эта формула должна упрямо повторяться во всех докладах армейского руководства политическим властям. Это весть — «Америка — наш враг» — весть, которую армия должна довести до всех каким угодно способом. Сомнения могут быть во всем. Но только не в этом. Это — абсолют. Отрицать его может только дегенерат или предатель.

Могут спросить, как возродиться из пепла?

Если нашим единственным содержанием будет маниакальный, бескомпромиссный, тотальный, фа-

натический, безусловный антиамериканизм, если он полностью поглотит наше существо, вытеснит все остальные соображения и мысли, мы найдем способ быть предельно эффективными в реализации наших планов. Русские очень сообразительный и умный народ. У нас еще есть некоторый стратегический запас. Он быстро исчерпывается, но пока еще не все потеряно. Если Римская идея станет нашей единственной общей идеей, если геополитика будет принята и признана как главная дисциплина в армейской подготовке и военном образовании, мы найдем способ дать последний бой. Не будем забегать вперед. Детали выяснятся по ходу дела. Главное, чтобы в начале было слово. Слово Катона-старшего.

5. Будущий русский Катулл

Карфаген сегодня предельно силен. Он вплотную подошел к не делимой ни с кем планетарной власти. К единому мировому правительству, к мировому господству. Но есть подозрение, что колосс рухнет от тех же причин, которые привели его к расцвету и могуществу. Это очень точно осознал Гилберт Честертон. Как актуальны сегодня его слова:

«Почему практичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток, и даже дурак лучше умного, если он достаточно подл? Почему им кажется, что честь — это чувствительность, а чувствительность — это слабость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой. Для них, как и для всех, в основе основ лежит их собственное представление о природе вещей, о природе мира, в котором они живут; они считают, что миром движет страх и потому сердце мира — зло. Они верят,

что смерть сильней жизни, и потому мертвое сильнее живого. Вас удивит, что люди, которых мы встречаем на приемах и за чайным столом, — тайные почитатели Молоха и Ваала. Но именно эти умные, практичные люди видят мир так, как видел его Карфаген. В них есть та осязаемая грубая простота, из-за которой Карфаген пал. Он пал потому, что дельцы до безумия безразличны к истинному гению. Они не верят в душу и потому в конце концов перестают верить в разум. Они слишком практичны, чтобы быть добрыми. Более того, они не так глупы, чтобы верить в какой-то там дух, и отрицают то, что каждый солдат зовет духом армии. Им кажется, что деньги будут сражаться, когда люди уже не могут. Именно это случилось с пуническими дельцами. Их религия была религией отчаяния, даже когда дела их шли великолепно. Как могли они понять, что римляне еще надеются? Их религия была религией силы и страха — как могли они понять, что люди презирают страх, даже когда вынуждены подчиниться силе? В самом сердце их мироощущения лежала усталость, устали они и от войны — как могли понять человека они, так долго поклонявшиеся слепым вещам, — деньгам, насилию и богам, жестоким, как звери? И вот новости обрушились на них: зола повсюду разгорелась в пламя, Ганнибал разгромлен, Ганнибал свергнут... Карфаген пал, как никто еще не падал со времен сатаны».

Снова, как и 2 тысячи лет назад, скепсис и деньги, с одной стороны, фанатический дух восстания — с другой.

Чтобы победить врага, мы не должны останавливаться ни перед чем. Ни перед убийством, ни перед смертью. Это война. Великая война континентов.

Надо верить, что не бывает полностью проигранных войн. Когда кажется, что все потеряно, начина-

ется самый серьезный и ответственный этап боя. У наших врагов шаткая почва под ногами. Они все рассчитали, все продумали, все реализовали. Но никогда не понять им «духа армии». Духа Русской Армии, неистребимого, неуничтожимого голоса Вечного Рима, Третьего Рима, Светлого Града потаенной Руси. Я нисколько не сомневаюсь, что рано или поздно будущий русский поэт скажет, подобно древнеримскому Катуллу из Сирмиона: «Карфаген разрушен, Соединенных Штатов Америки больше не существует». Но подготовить гибель заокеанской «империи Зла» должны мы.

6. Антиамериканское большинство

Ничто так не популярно сегодня в России, как *нелюбовь к Америке.*

Антиамериканизм — это тотальное увлечение. Это поветрие. Это символ веры. *Антиамериканизм — это серьезно.*

Антиамериканизм является надежной платформой для прочной консолидации всего российского общества. На нем сойдутся и правый и левый, и простолюдин и интеллигент, и банкир и художник, и кремлевский чиновник и уличный бомж. Те, кто «против», составляют жалкую горсть. Тех, кто «за», — большинство; это *антиамериканское большинство.* Это большинство такое большое, что больше «путинского большинства» (Г. Павловский). Оно включает в себя и тех, кто молчит (поэтому оно «молчаливое» — по словам С.А. Маркова), и тех, кто кричит (поэтому оно «крикливое»).

Антиамериканизм в современной России состоит из многих составных частей. Все они укрепляют друг

друга и делают это явление *тотальным.* В самом глубоком смысле *современный антиамериканизм является кратким резюме русской национальной истории* — церковной, государственной, культурной, творческой, социальной, царистской и советской. США сегодня не просто *«одна из стран»,* не просто не превзойденная по экономике, технологиям и вооружению держава; это *пик развития европейского человечества на путях, открытых в Новое время.* США давно догнали и перегнали Европу. Сегодня отрыв столь велик, что сама Европа, Старый Свет, перестает узнавать себя в Новом. США — это будущее европейского развития, завтрашний день. Европа уже боится этого и отшатывается, глядя в зеркало океана: *образ ее пугает.*

Это осознание *меняет* Европу, но *не меняет* Америку. Америка, как терминатор, действует по собственной автономной программе, она пришла к нам из будущего, и в этом ее страшная тайна.

Россия шла всегда *своим путем,* полемизируя с Европой, отшатываясь от нее долгие столетия — так же, как сама Европа сегодня отшатывается от Штатов. Христианское сознание видит будущее в апокалипсических тонах. Запад — место, где заходит солнце, куда приземлился Денница, сброшенный с небес копьем архангела. Россия отвергала Запад, мучительно искала собственную траекторию — и в Киевской Руси, и в Московском царстве, и в романовской империи, и в Советском Союзе. *В США сегодня воплотилось наглядно все то, чего упрямо сторонилась Русь веками и веками.* Это — индивидуализм, бытовой (субъективный) материализм, гедонизм, нарциссизм, эгоизм, консумеризм, лицемерие, фальсификация свобод, атомизация социального целого.

Смысл истории России состоял в *отторжении* этого комплекса, в *преодолении* его. Либерализм в равной степени был неприемлем и монархистами, и большевиками, и эсерами, и интеллигенцей Серебряного века (см. А. Эткинда), и православными традиционалистами. США — это либерализм в его окончательном оформлении. Если отвержение либерализма составляло в течение веков русскую идентичность, значит, *быть русским сегодня тождественно быть антиамериканцем*. Антиамериканизм сегодня *является важнейшей чертой нашей национальной идентичности*. Поэтому мы ненавидим Америку.

Геополитически *Россия — центр Суши, США — воплощение Мирового острова*. Вся геополитическая история мира есть дуэль между этими полюсами — между сухопутным библейским чудовищем Бегемотом (это мы) и морским чудовищем Левиафаном (это они, американцы). Они душат нас, оккупируя береговую зону вдоль морских границ Евразии (стратегия Анаконды) — от Западной Европы через Средиземноморье и Ближний Восток к Индии и Индокитаю. Мы стремимся прорвать блокаду и выйти к теплым морям. Это длится долгие века: *англосаксы* (вначале англичане, сегодня американцы) *против евразийского концерта наций* (ось Москва—Берлин—Париж). Многие войны последних веков — включая две мировые — следствие этой битвы Суши и Моря. Одержав победу над Сушей в «холодной войне», Море хочет нас добить. Почему мы должны любить его? Мы хотим возродиться и восстать из пепла, мы хотим вернуться в историю. Поэтому мы ненавидим Америку.

Экономически: *США стремятся быть главной экономической силой планеты*. Но они *не могут* быть

(и оставаться) ею. Их экономика находится в трудном положении, ее развитие — во многом следствие приписок в отчетах и агрессивного планетарного PR. Чтобы выжить, США должны продолжать строить из себя процветающую державу. Поэтому они решают свои экономические проблемы путем политических ультиматумов другим странам и военных авантюр. Не в состоянии победить в экономической конкуренции Евросоюз и новые бурно развивающиеся рынки Азии, они держат Европу и Японию в зависимости от арабской нефти самым грубым силовым образом — 6-й флот США в Средиземном море, постоянные провокации конфликтов на Ближнем Востоке и в самой Европе (бомбежки Югославии). Кроме того, они еще и противодействуют естественному развитию партнерских экономических отношений стран Евразии друг с другом: русские газ и нефть (плюс ядерное оружие) легко могут сделать Европу экономически (и политически) независимой, а европейские (и японские) инвестиции и высокие технологии способны ускоренно возродить российское хозяйство. США всячески противодействуют этому. Они хотят, чтобы мы все стагнировали, а они процветали. Поэтому мы ненавидим Америку.

Консервативные круги России не любят Америку, потому что транслируемая Америкой глобалистская культура безнравственна и порочна, она пестует извращения и подростковую олигофрению. Кровь, похоть, обман, прославление ловких мошенников и жестоких убийц, порностерв и прилизанных жиголо не имеет ничего общего с нашей собственной культурой и традициями, освещенными жертвенностью, поиском правды и справедливости. Они пропагандируют «безопасный секс» и изменение пола, оскорб-

ляя этим наше достоинство. Они осмеивают высшие достижения человеческого духа, как архаику и «дикость», реформируют религии и культы на потребу глумящимся оглупленным ордам, ищущим развлечений. Поэтому мы ненавидим Америку.

Левые отвергают США, потому что это *цитадель мирового капитализма*. Это — как наследие советского воспитания, так и вполне современный вывод о качестве капиталистической системы, с которой мы столкнулись не в учебниках и турпоездках, а в повседневности. Тот, кто потерял в либеральных реформах все, тот, кому плохо и трудно сегодня живется, справедливо возлагает вину на заокеанских промоутеров этого безобразия. В этом солидарны как обездоленные старой формации, так и новые loosers — молодые русские юноши и девушки, подыхающие от наркотиков; эскадроны проданных в рабство проституток; отчаявшиеся, лишенные будущего студенты; ребята из простых, ушедшие в криминал. Левые — не только советский вчерашний день, это критический ответ на то, что есть сегодня: несогласие с тем, что капитализм готовит нам завтра. Поэтому мы ненавидим Америку.

Мы ненавидим Америку, потому что мы ненавидим ее, и мы хотим, чтобы ее не было, мы хотим закрыть ее снова, убрать в дальний ящик, замкнуть засовами двух океанов.

Но если разобраться, мы ненавидим только ту Америку, которая вламывается к нам в дом, унижает наш народ, бомбит наших друзей сербов, отнимает наши доходы, навязывает себя из всех щелей, высокомерно учит нас жить, нагло и никого не слушая, атакует Ирак, присылает в качестве обязательных шаблоны своей пошлейшей культуры, свои несъедобные замороженные ножки... Другая Америка —

одноэтажная и подземная, сонная, жирно-белая, с застрявшим между зубами полицейского хотдогом и отплясывающе чернокожая, с каньонами и гниющими автомобилями, хайвеями и полочкой Apocalypse Culture в книжных магазинах, с реднеками и клонированными сектантами, с черными вертолетами и синими чертями — нам *безразлична*.

ГЛАВА 12

Евразийская система безопасности как геополитический императив

Существующая система координации в рамках Договора о коллективной безопасности в пределах СНГ недавно была преобразована в международную региональную организацию — Организацию Договора о коллективной безопасности. Для того чтобы ясно оценить значение этого решения, необходимо сказать несколько слов о том, что решению предшествовало.

С геополитической точки зрения с конца 80-х годов началась постепенная деконструкция стратегического потенциала сухопутного полюса, евразийского стратегического пространства, зафиксированного в то время в рамках Варшавского договора. Если в идеологическом смысле Варшавский договор воспринимался как союз стран с социалистической экономикой и марксистской идеологией, то в геополитическом ракурсе это была *континентальная, сухопутная стратегическая конструкция,* противостоящая атлантизму, который в то время отождествлялся со странами капиталистического типа. Заметим, что эта идеологическая модель в полной мере унаследовала еще более ранний — дореволюционный расклад сил в геополи-

тике, когда речь шла не о противоборстве идеологических лагерей, но о зонах влияниях крупных европейских государств. До СССР ту же евразийскую стратегическую функцию выполняла царская Россия.

Советский союз идеологически резко порвал с прошлым, с «царизмом», но геополитически унаследовал *ту же самую стратегическую функцию. Законы геополитики* оказались фундаментальнее законов идеологии.

Кризис марксизма в СССР и в странах Восточной Европы повлек за собой роспуск Варшавского договора. Никакого *симметричного ответа* со стороны стран НАТО, объединявших общества с капиталистической экономикой, не последовало. Более того, освободившееся стратегическое пространство постепенно заполнялось атлантистскими влияниями — страны Восточной Европы наперебой стали подавать заявки на вступление в НАТО. Геополитически это означает, что они стали отдаляться от евразийства и вовлекаться в орбиту атлантизма. Иначе и быть не могло, так как геополитические системы связаны между собой, как сообщающиеся сосуды, — там, где у евразийства убывает, прибывает у атлантизма, и наоборот.

На следующем этапе самоликвидации распался уже сам СССР. Политически и идеологически это выглядело достаточно радикально, но в стратегическом аспекте действовать столь же резко было просто невозможно. Поэтому система объединенных штабов стран СНГ сохранилась, как стратегическое наследие, как координационный центр общего руководства вооруженными силами новообразовавшихся стран. В принципе, как и само СНГ, эта военная структура мыслилась изначально как инструмент *«постепенного и цивилизованного развода»*.

Однако с течением времени этот стратегический фактор, равно как и определенные экономические, таможенные и даже политические соображения, поставили на повестку дня именно *геополитику*. Оказалось, что стратегическое единство евразийских держав, которыми, без всякого сомнения, являются все страны—участницы СНГ, гораздо *глубже*, нежели политическое оформление истории советского периода или Российской империи. Общность интересов как *общность судьбы* (Гаспринский) стала все более осознаваться народами бывших братских республик и их политической и экономической элитой. Так, постепенно вместо инструмента «цивилизованного развода» СНГ стало мыслиться как стадия нового процесса, *процесса евразийской интеграции*. Надо отдать должное президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, который первым заговорил о Евразийском союзе. Кстати, в 1994 году аналогичный проект, только с другим названием выдвинул и президент Узбекистана Ислам Каримов, который, однако, позже ревниво отнесся к инициативе Назарбаева и принялся критиковать евразийство. Но дело не в названии, а в сути явления — геополитическое сознание лидеров стран СНГ в определенный момент — где-то в середине 90-х — под давлением объективного хода событий стало все более обращаться к необходимости *переломить процесс стратегического распада евразийского пространства*.

В период правления президента Ельцина инициатива новой волны евразийской стратегической интеграции в РФ особой поддержкой не пользовалась. Кремль не противодействовал ей открыто, но воспринимал довольно холодно. С одной стороны, этому способствовал экономический миф, активно насаждавшийся младореформаторами, будто бы любое

сближение России со странами СНГ ей экономически невыгодно, а с другой — безоглядное равнение на Запад порождало в отношении бывших братских республик чувство скепсиса и раздражения. Национализм и западничество в этом вопросе сошлись. Кроме того, горячечный антикоммунизм любые интеграционные инициативы отождествлял с «коммунистическим реваншем».

Лишь к концу ельцинского периода, и особенно с приходом к власти Владимира Путина, ситуация изменилась. Получивший солидное *геополитическое образование,* опробированное на практике, новый президент не мог культивировать безответственные конъюнктурные мифы. Постепенно в РФ стало возрождаться стратегическое мышление, геополитическое видение мировой ситуации. *С Путиным начался процесс поворота от «цивилизованного развода» к «новой интеграции».*

Далее следуют важные конкретные шаги. Первый: *закрепление «таможенного союза»* пяти стран СНГ — России, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Таджикистана. Из истории известно, что реализация «таможенного союза» является первым экономическим шагом на пути дальнейшей политической интеграции. Первым теоретиком таможенного союза (Zollverein) был Фридрих Лист, немецкий экономист, заложивший концепцию объединения немецких государств, которая позже блистательно реализовалась на практике. По сходной модели проходило и становление Евросоюза, начавшееся именно с таможенных интеграционных мер.

Развитием «таможенного союза», очередным этапом экономической интеграции стало создание *ЕвроАзЭС.* Евроазиатское Экономическое Сообщество стало еще одним шагом в сторону реализации

последовательного Евразийского союза, расширяя модель таможенной интеграции до уровня более широкого экономического партнерства. С геополитической точки зрения в этом проявилась воля к возрождению *евразийского полюса,* того самого, борьбу с которым видят в качестве своей приоритетной задачи стратеги атлантизма — такие, как Збигнев Бжезинский, описавший в своей книге «Великая шахматная доска» сценарий дальнейшего распада стран СНГ и, в частности, России в качестве оптимального (для Запада, точнее, для США) сценария. В лице Путина политические элиты стран СНГ, осознавшие потребность в новой интеграции, нашли *точку опоры,* геополитический фокус.

Несмотря на динамику и парадоксы внешнеполитической конъюнктуры, процесс евразийской интеграции за последние несколько лет постепенно набирал обороты. Именно в этом ключе следует понимать решение о создании Организации Договора о коллективной безопасности. После *экономических* шагов были предприняты военно-стратегические. Декларировав ориентацию на создание интегрированной евразийской экономики в формате ЕвроАзЭС, к которому, пусть пока в статусе наблюдателей, присоединились Киев и Кишинев, главы государств, взявших курс на новое евразийское объединение, делают следующий ход — объявляют свое решение о создании *общей системы безопасности.* Следует подчеркнуть фундаментальное различие этой новой межрегиональной организации и уже существующей системы координации вооруженных сил стран—участниц СНГ — речь идет о том, что управленческие инструменты, существовавшие по инерции и предназначенные для мягкого и постепенного разделения, радикально *меняют свой смысл.* Отныне мы вступаем в

эпоху *нового стратегического осознания общих целей, общих угроз и общих вызовов, которые превращают участников ЕвроАзЭС в элементы единого евразийского стратегического пространства, заново организующегося в геополитическое единство.*

Конечно, нынешний формат Организации Договора о коллективной безопасности не идет ни в какое сравнение не только с Варшавским договором, но и с ВС СССР. Однако крайне важен сам геополитический вектор данного начинания. Если в этом направлении будут предприняты организованные и настойчивые усилия, стратегический статус Евразии может *существенно возрасти.* Конечно, не следует быть излишне оптимистичными: совокупный военный потенциал стран Договора недостаточен для конкуренции с могущественным НАТО. Но он такой задачи и не ставит. Важно лишь закрепить в конкретных шагах геополитическую *волю к грядущему возрождению,* выразить решимость укреплять и отстаивать стратегическую суверенность. Это уже немало.

На повестке дня стоит вопрос об общей системе «Евразийской Безопасности». Эта тема серьезно превышает масштаб нынешнего Договора, масштаб всех стран СНГ. Евразийская безопасность в сегодняшних планетарных условиях предполагает со стороны России гибкую систему альянсов и договоров с самыми разнообразными силами Запада и Востока. Евросоюз и Япония могут рассматриваться как континентальные пределы евразийской стратегической интеграции. Азиатские страны — Иран, Индия, Китай — попадают в число прямых партнеров еще естественнее. А расширение участников Организации Договора о коллективной безопасности за счет других стран СНГ, некоторых восточноевропейских государств и

Монголии вообще представляется *неотложным делом*.

Никто не утверждает, что евразийская интеграция — это нечто простое и легкое. Строить всегда сложнее, чем разрушать. Также следует учитывать, что предыдущие стратегические издания евразийской геополитики при всех своих плюсах имели колоссальный *минус* — они рухнули, оказались недолговечными, *не справились с исторической задачей надежной геополитической интеграции континента*. В этом явно видна ограниченность советской идеологии, а также геополитическая *пространственная* недостаточность евразийского блока в его предшествующей конфигурации — европейские геополитики (в частности, Ж. Тириар и Й. фон Лохаузен) давно предрекали, что Варшавский договор в тех границах, в которых он существует, *исторически обречен*. Единственным спасением для СССР (ранее Российской империи) была бы геополитическая нейтрализация Европы (и Японии) и выход к теплым морям на юге — только в таком случае атлантистский полюс был бы более-менее уравновешен. Но этому препятствовала идеология — как марксистская в случае СССР, так и колониально-царистская в случае Российской империи. В какой-то момент надо было жертвовать либо идеологической надстройкой, либо геополитикой. Увы, в XX веке российская (советская) политическая элита идеологией пожертвовать не захотела. За что и поплатились.

Сегодня повторять такие ошибки мы не имеем права.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Российская армия — политика и общество

«Круглый стол» в газете «Красная звезда»

Мир изменяется, неотвратимо вовлекая в этот процесс Россию. Какова будет роль нашего государства в мировой цивилизации в новых исторических условиях? Насколько трансформируются функции Российской армии в глобализирующемся мире? Эти и другие вопросы были обсуждены на «круглом столе» редакции «Красной звезды» с ведущими российскими учеными, политологами и обозревателями Александром Дугиным, Михаилом Леонтьевым, Сергеем Марковым, Глебом Павловским. Вел заседание «круглого стола» член редколлегии «Красной звезды» Игорь ЯДЫКИН.

Николай ЕФИМОВ, главный редактор газеты «Красная звезда»:

— Несмотря на драматические события двух последних десятилетий, Российская армия остается не просто инструментом политики, но и социальным институтом, играющим существенную роль в жизни общества. Стремительные перемены в мире и самой России обусловливают неизбежность трансформа-

ции всей военной организации государства, и в первую очередь Вооруженных сил. Очевидно: от их способности быстро адаптироваться к новым геополитическим реалиям и новым вызовам национальной безопасности во многом зависит и эффективность государственной машины в целом. Россия без армии — это уже не Россия.

На повестке дня в оборонной сфере стоит немало сложных вопросов политического и социального характера. Какова роль Российской армии как инструмента политики в первой четверти XXI столетия в контексте процессов глобализации и радикальных изменений сил на мировой арене? Новое видение места и функционального предназначения армии в системе обеспечения национальной безопасности. Возможность ее интеграции в общеевропейские оборонительные структуры. Курс на модернизацию страны и новая модель Вооруженных сил.

Как изменить образ Российской армии в массовом сознании? Роль победоносной военной кампании в деле возрождения армии и ее авторитета в обществе. Воспитательная функция армии как социального института в новых исторических условиях. Новое военное мышление, роль геополитики как основы адекватного мировосприятия. Можно ли жить без идеологии? Словом, существует целый комплекс вопросов, дать ответы на которые могло бы российское экспертное сообщество, тем самым помогая вывести страну из глубочайшего системного кризиса.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ, руководитель отдела авторских программ ОРТ:

— Никакой роли Российской армии, кроме как обслуживание тыловых, хозяйственных интересов армии американской в условиях глобализации, о ко-

торых мы говорим, нет и быть не может. Так же, как и у всех остальных армий мира. Разница — в степени специализации. Этот вопрос на самом деле освещать неинтересно. В принципе эти задачи должен решать Объединенный комитет начальников штабов ВС США. Пусть этим и занимается.

Однако я исхожу из того, что и победоносность процесса глобализации, и неизбежность однополярности мира — вопрос, мягко говоря, открытый. И мы присутствуем, на мой взгляд, при конце этой глобализации. Проблема в том, какую роль в этом будет играть Россия? Будет ли она субъектом мировой политики или она останется тем, кому все равно какой: однополярный, биполярный или многополярный мир тебя окружает.

Что касается эволюции задач Российской армии, то чем меньше задач решает политика, в первую очередь экономическая, тем больше их возникает у армии. Если эта тенденция сохранится в нынешнем виде, то скоро все задачи, начиная от мелкохозяйственных и кончая стабильностью, безопасностью, снабжением, организацией производства и т. д., будут возложены на армию. Это простая экстраполяция тенденции. При этом армия все менее и менее оказывается способной данные задачи выполнять.

Я не буду вдаваться в детали реформирования ВС. Существуют профессиональные концепции того, какой должна быть современная армия при новых угрозах (об этом, на мой взгляд, весьма интересно писал Павел Поповских). В этих вопросах я себя профессионалом не считаю.

Но главная претензия к армии у всех — ее качество. Понятно, что с этим качеством происходят некие процессы. Но... Много говорят о военной реформе, о переходе к контрактной армии. При этом молчат о

том, кому в принципе и зачем необходимо повышение качества Вооруженных сил. Если армия деградирует в вооружении, в обеспечении современным вооружением (компот, обмундирование, даже квартиры — вещи тоже очень важные, но несопоставимые) на всех уровнях, то кому и зачем будет нужна такая «качественная армия»? Чтобы ходить на хозработы? В принципе тогда не нужно качественной армии. И получается, что нынешняя деградация личного состава совпадает с деградацией вооружения. С этой точки зрения непонятно, что вторично, что первично, — курица или яйцо, и, в общем, неинтересно даже выяснять. Потому что если государство не займется программой перевооружения армии, определив конкретные вызовы, конкретные угрозы, которым она должна противостоять, то тогда к понятию военной реформы очень применимо слово «Зачем?» Для хозработ нынешняя армия пригодна. И ничего не надо делать.

А если мы исходим прежде всего из качества ВС, то коренной вопрос здесь — принцип отбора. На мой взгляд, деградация принципа отбора в армию дошла до предела. Призыв сегодня — это ловля наиболее не приспособленных к уклонению элементов общества. Неприспособленных по разным причинам. По принципу физической неспособности быстро бегать. По принципу умственной неспособности уйти от этого вопроса. По принципу: все равно, где жить. Налицо не просто рабоче-крестьянская, не просто маргинальная армия, идет отбор самого низкопробного человеческого материала. За исключением частей, которые считаются элитными, армия очень похожа на государственную богадельню. Страшно смотреть на этих «бойцов». Впечатление, что это какие-то психи из больницы для бедных. Поэтому их бьют, не кор-

мят. Данный принцип отбора разлагает уже и офицерство. Офицер, управляя командой из этих «солдат», не по своей воле превращается в надзирателя. Или в санитара, если это младшие офицеры.

Я считаю, что единственный и совершенно логичный способ выхода из данной ситуации — принципиально перевернуть систему отбора. Я не считаю, что Россия может полностью перейти на контрактную армию. По целому ряду причин. Во-первых, очень большая страна. И мы должны иметь достаточно большой слой резервистов. Во-вторых, это неприемлемо даже по политическим и моральным соображениям. Это уступка тем людям, которые говорят: пусть богатые и сытые в армию не идут, а платят деньги, на которые мы будем содержать здоровую контрактную армию. То есть в воюющей стране, в стране с очень высокими социальными контрастами (а мы обречены в ближайшее время на эти социальные контрасты) мы создаем не только социальный динамит, мы воспитываем ненависть к политической элите страны. И если эта армия не поднимет эту элиту «на штыки», то, значит, ее уже совсем плохо кормят. Но обязательно возникнет момент, когда у нее все же появится элементарная физическая сила.

Наша страна все-таки обречена воевать. Вокруг — огромное количество локальных конфликтов. Мы получили страну с практически не оформившимся территориальным пространством, с огромным количеством вызовов. Мы вступаем в очень сложную политическую эпоху с огромным количеством желающих создавать нам проблемы. Они их создадут. Хотя это в общем нормальное состояние для такой страны, как Россия. Нормальное. Но решать эти проблемы надо с минимальными потерями и качественно.

И делать это придется. Наличие угрозы не является поводом для капитуляции.

Мне кажется, было бы целесообразно запретить призыв в армию всех, кроме поступивших в высшие учебные заведения. Последних же призвать в обязательном порядке. Надо превратить систему повинности в систему привилегий. Служба в армии есть привилегия! Контрактник? Жесткий контракт, жесткий отбор. Не все поступившие в вузы — Спинозы. Но заведомо они более способны к обучению, чем те, что набираются сейчас. Таких парней у нас много. По численности проблема решается просто. И здесь надо реально и резко сократить сроки службы. Можно выпускать солдат-резервистов. А если эти люди хотят получить офицерское звание, они могут призываться потом на соответствующие сборы, но уже по желанию.

Вопрос сроков службы — опять же вопрос профессиональный. Но в результате мы получаем другой состав армии, который автоматически ставит перед офицерами иные задачи. Автоматически они станут иначе себя чувствовать, автоматически меняется система подготовки офицеров. И получается армия, которая сможет справиться с иными качественными задачами, с иным уровнем вооружений и т. д.

Если это произойдет, можно будет говорить в принципе о некоем политическом перевороте. Ведь армия тогда действительно превращается в ключевой институт воспитания политической элиты. Например, можно просто запретить занятие государственной службой тем, кто не служил в армии, кроме специальных исключений. Человек должен доказать, что он не мог по разным причинам отслужить. Далее, можно ввести льготы при оплате обучения. Иные ве-

щи. Но, я уверен, это изменит отношение к армии. Когда армия элитна, люди совершенно иначе относятся к службе в ней. То есть надо провести систему мероприятий, в основе которой должно стоять изменение системы комплектования ВС.

Игорь ЯДЫКИН:

— В формировании элитности воинской службы, наверное, свою роль должны сыграть СМИ. За последние пятнадцать лет общество по отношению к армии прошло путь от ненависти до любви. Поистине, нашей армии нужно воевать, чтобы заслужить уважение к себе?

Михаил ЛЕОНТЬЕВ:

— Что мы сейчас будем обсуждать наши СМИ, которые, как часть нашего общества, больнее армии на голову. И которые только начинают, надеюсь, выходить из глубочайшего кризиса. Естественно, рыба тухнет с головы. А головой всегда были СМИ. И то, что у СМИ в отношении к армии произошли очень серьезные изменения, есть минимально необходимая предпосылка к тому, что что-то можно сделать. Потому что раньше шла просто травля, натуральная травля. Причем эта травля началась именно тогда, когда армия стала воюющей. До этого было просто презрительное отношение. Затем произошел момент, когда общество наше поняло, что оно теряет государство и вообще может потерять все, включая жизнь. Этот момент, который был отмечен сначала, между прочим, в Югославии (за что спасибо американцам), а потом — второй Чечней, за что спасибо чеченам. То есть в результате неких общих воздействий на периферии российского общества (потому что Чечня — в общем-то не центр) оно восстановило некоторые

элементы инстинкта самосохранения. Что автоматически вызвало изменения в отношении к армии.

Но пока результаты этих изменений не проявляются ни в чем. Толп добровольцев в военкоматах мы не видим. И это опять же естественно. Потому что процессы, о которых я говорил, не изменились и продолжаются дальше. То есть общество в большей степени изменило отношение к армии, чем государство.

Если говорить объективно, и не только с точки зрения деклараций, в значительной степени вполне искренних, государство относится к армии точно так же, как относилось раньше. Именно на подобном отношении построена вся логика нынешних реформ: на инерции отношения государства к армии как к какой-то обузе. Раньше плевали, теперь жалко. Офицеры без квартир! Жалко. Президент приезжает, скажем, в Североморск, и его охватывает потрясение от увиденного. Но это не влияет пока на логику отношения государства в целом к проблемам ВС. Если можно не финансировать заложенный в бюджет убогий оборонный заказ, его и не финансируют. И за это еще никого не «шлепнули»! Тогда о какой реформе можно говорить?! Есть несколько конкретных людей. Их можно «отловить» и посмотреть прямо в глаза. Они ходят, сидят в креслах и совершенно не боятся, что им что-то будет за невыполнение бюджета.

Есть устоявшееся мнение, что мы не можем строить новую армию до тех пор, пока не определим свое место в мире. Это соответствует действительности до той степени, что, если мы еще будем столько же определяться, нашего места в мире просто не будет. Есть некоторые страны, перед которыми такие вопросы не стоят. Я, например, не понимаю, зачем чехам армия? Это страна, которая систематически сдается без единого выстрела.

Сергей МАРКОВ, директор Института политических исследований:

— И тем самым сохраняет прекрасные архитектурные ансамбли...

Михаил ЛЕОНТЬЕВ:

— Такая позиция тоже есть... Очень многое в логике нынешних реформ диктуется людьми, которые в принципе абсолютно уверены, что России армия не нужна, что более развитое, цивилизованное человечество решит за Россию все задачи. Но почему-то открыто об этом не говорят. И не участвуют в реформе армии. Эта позиция имеет, очевидно, право на существование в свободной стране. Но таких людей обычно и не привлекают к реформированию армии. Человека, который не ест рыбу, от которой его тошнит, не привлекают к приготовлению рыбных блюд.

Глеб ПАВЛОВСКИЙ, директор Фонда эффективной политики:

— У нас любят говорить о «прорыве в третье тысячелетие». Но «прорыв» уже не вопрос желания — хотим мы или нет прорываться куда-то. Прежний мир уже обваливается в другое состояние. Однополярным наш мир не стал, зато стал «мультимилитаризованным». Мира во всем мире еще долго не будет. Будет серия войн за региональное урегулирование, которые закончатся новым мировым строем — как закончилась 30-летняя война вестфальским урегулированием, а Вторая мировая — ялтинскими договоренностями.

Воюющий, опасный мир и есть тот прорыв, на который России приходится отвечать. Ответ часто может быть тоже только вооруженным. Необходима

адаптация государственных, военных и общественных структур России к перспективе предстоящих ей военных и военно-террористических угроз. Поскольку мир становится воюющим миром, армия для российского общества превращается в высокую ценность.

В последние годы армия превратилась из пренебрегаемой и вышучиваемой реликвии чуть ли не в главную шкалу, в эталон суверенитета и государственности. Это хорошо? Хорошо. В конце концов, что такое Россия, если не русский язык плюс Вооруженные силы? Но едва старое злорадство прошло, как настало недоумение: если армия так важна для России и мы все с этим согласны — как понимать все эти новости, эти еженедельные катастрофы, гибель солдат на Кавказе, примеры разгильдяйства и воровства? Если армия для суверенитета России — абсолютная шкала, то где же мы на отметке шкалы? Реалистический ответ: «Россия на низком старте» — отклоняется массовым сознанием, которое ждет быстрых побед, почему-то считая, что Путин их обеспечит.

Сегодня СМИ самостоятельно формируют образ армии, армия себя не узнает и сердится за это на СМИ. Но СМИ не виноваты, это производство, машина. Гигантская промышленная машина, которая производит и продает образы. Почему мы считаем, что «человек должен все сам правильно понимать»? Это остаток советского просветительского мифа. Настроения людей переменчивы, бессмысленно ждать их «самоналадки». Никому не нужен советский агитпроп. Но я бы сказал, нам нужен Агитпром — система формулирования и продвижения слов и образов, раскрывающих сложные, комплексные стратегические программы государства. Пропаганда? Да, и про-

паганда тоже, но не только она. Нужна обдуманная, хорошо и правильно построенная система доведения политических задач и угроз до каждого гражданина страны. Такая система не вырастает сама собой.

Армии нужна автономная система прямой связи с гражданами, учитывающая, что при нехватке общения люди находят свои объяснения. Граждане не пойдут за новостями в военкомат. Армия должна сама найти способы объясняться с населением — там, где людям это удобно и где они готовы выслушивать аргументы военных.

Армия в 90-е, лишенная финансирования, стала из военного механизма военно-хозяйственным. Она срослась с территориальными структурами и экономиками. Многие и сегодня под военной реформой понимают именно «военно-хозяйственную», а под профессионализацией армии — этакий армейский хозрасчет. Но Вооруженные силы в качестве хозяйства — неэффективны, отсюда всем заметное противоречие, и вопрос: на то ли тратятся деньги? Людям и вправду страшно — на Кавказе воюют, и вокруг по обводу границ России все воюют, либо грозятся воевать, либо пересматривают границы друг друга.

Александр ДУГИН, директор Центра геополитических экспертиз, лидер партии «Евразия»:

— Несколько слов о том, какова социально-политическая функция армии в нынешней России. Если мы посмотрим на историю человеческого сообщества, то увидим, что *армия всегда была главной силой в создании суверенной государственности* или того, что под ней понимали в древнем мире. Экономика, религиозная деятельность, культура могут развиваться и в собственном государстве, и в чужом. Завоеванные

народы не прекращают заниматься хозяйственной деятельностью, создавать культурные ценности, исповедовать те или иные культы. Но государство становится суверенным, а народ становится свободным лишь в том случае, когда дружина (воинский класс) берет на себя две фундаментальные функции: *защиту от внешнего противника и поддержание внутреннего порядка*. Раньше эти функции исторически сочетались в одной и той же касте воинов, которая, собственно говоря, и создавала исторически основу той или иной государственности. И, естественно, изначально в любом государстве военная прослойка занимала привилегированное положение. Так оно и было с древнейших государств мира и до последних веков. Иными словами, элита или аристократия, с одной стороны, и военное сословие — с другой, были почти синонимами. Лишь совсем недавно, несколько столетий назад, в светское общество стали принимать людей третьего сословия. Таким образом, основу элиты суверенных государств всегда составляла военная прослойка.

Следовательно, *социально-политическая функция армии является центральной для всех суверенных государственных образований*. А сама армия — прямым и непосредственным *гарантом суверенитета государства* и, соответственно, гарантом свободы и независимости общества, которое сопрягает свою судьбу с данным государством. Поэтому армия изначально и была носителем не только оборонных или полицейских, но и *государственно-образующих,* а также *элито-образующих* функций. Собственно говоря, генезис элит — дело армии.

Если задаваться вопросом о месте России в современном мире, то мы стоим перед геополитической дилеммой: *либо Россия сохраняет свой геополитиче-*

ский суверенитет, то есть имеет право на проведение самостоятельной внешней и внутренней политики, *либо мы отказываемся от этого суверенитета.* Полная и однозначная поддержка глобализационного процесса, некритическое отношение к нему, восприятие его как необратимого свершившегося факта *предполагают отказ России от своего геополитического суверенитета.* Приблизительно к такому (безответственному) выводу пришли многие наши реформаторы в начале реформ, объявив, что *Россия должна фактически прекратить свое самостоятельное существование.* Отсюда и пошла, на мой взгляд, дискредитация Российской армии. Это не было случайным моментом.

При новом президенте отношение к этому вопросу стало постепенно меняться. По крайней мере о суверенитете России стали *всерьез задумываться.* До Путина такой вопрос даже не стоял — все было направлено на добровольный отказ от суверенитета.

Соответственно, начало меняться и отношение к армии. Оно еще не поменялось, и здесь я согласен с Михаилом Леонтьевым, оно *начало меняться.* Постепенно власть припомнила, что именно *армия остается главным и, по сути, единственным гарантом суверенности Российского государства.* Хотя однозначного и решительного выбора между сохранением суверенитета Российской Федерации, как полноценного геополитического образования, и включением России в процесс глобализации сегодня пока не сделано. Соответственно, *нет окончательного решения относительно социально-политического статуса армии и путей ее реформирования.* Сейчас мы, очевидно, находимся в процессе принятия решения.

Эти два обстоятельства — исторические традиции и неопределенность геополитического статуса РФ в

новом мире, который бросает нам новые вызовы, — определяют дальнейший ход военной реформы, а следовательно, напрямую сказываются на отношении общества к военным, на их материальном и социальном положении, на структуре всей военной политики и стратегии, на векторе военной реформы.

Здесь упоминалась Чехия. Чисто теоретически можно представить себе Россию без армии. Но это уже будет не Россия, а нечто иное. Могут сохраниться русские люди, российская экономика, может сохраниться православная культура. Я этого не исключаю. Некогда — в Средневековье и в эпоху ранней Реформации — те же чехи активно воевали. Каждое государство хотя бы раз в истории делает попытку отстоять свой геополитический суверенитет, но не всегда и не у всех это получается.

Я хотел бы поставить вопрос более остро. Да, Россия теряет свой геополитический статус, и это плохо. И надо его немедленно восстановить. Может быть, так. А может быть, и нет. Мы не должны оперировать в этом сложнейшем вопросе штампами, клише, лозунгами. Гораздо важнее поставить вопрос обстоятельно и демократично, взвесив ресурсы, осмыслив наш исторический путь. Но, приняв какое-то решение, отступать от него мы не должны. Пусть сторонники ликвидации суверенитета России и сторонники западничества и глобализации открыто заявят о своей позиции, приведут аргументы. Гораздо опаснее делать все это закулисно, тайно, а потом ставить народ перед свершившимся фактом. Если мы принимаем глобализацию и отказываемся от геополитической самостоятельности, пусть это будет объявлено публично. Но прежде следует рассмотреть эту проблему публично, демократично. Она должна быть вынесена на первые полосы газет, поставлена в центр общест-

венных дискуссий. И поскольку армия имеет к данной проблеме самое непосредственное отношение, более того, судьба ВС полностью зависит от этого судьбоносного выбора, то именно военные СМИ призваны стать трибуной для этой дискуссии. Военные вправе задать обществу, народу, власти, самим себе резкий вопрос: каковы их функции в новой геополитической ситуации? Нужны ли они народу и дальше? Либо их миссия выполнена, и они не более чем инерциальный атавизм предшествующих исторических эпох?

Сергей МАРКОВ, директор Института политических исследований:

— Мне хотелось бы выразить глубокое согласие с главным тезисом, прозвучавшим и у Михаила Леонтьева, и у Александра Дугина о том, что армия является важнейшим атрибутом государственности. В соответствии с этим на армии отражаются прежде всего проблемы государственности в целом. Согласен и с тем, что главная задача армии — поддержание суверенитета страны. Поэтому мы и не можем сегодня дать точных ответов на вопрос о роли армии в новом мире — потому, что сама государственность у нас оказалась в двойном кризисе. С одной стороны, мы переживаем смену суверенитета России. С другой — живем в период мирового кризиса самой идеи суверенитета — и это вторая причина трудного самоопределения нашей государственности.

Наша государственность более 10 лет была в состоянии очень сложного переходного периода: советская государственность отошла в прошлое в результате жесточайшего кризиса, на смену ей пришла российская. И в этих условиях армия, взять хотя бы

Черноморский флот, столкнулась и продолжает сталкиваться с самыми невероятными вещами. Можно согласиться и с тем, что у нас в России реформами занималась группа политиков, которые полагали, что Россия должна в максимальной степени отказаться от собственного суверенитета, и которые, по сути дела, мечтали об оккупации России более «цивилизованными», с их точки зрения, странами. До сих пор вспоминаю плакаты «Демократического выбора России» 1993 года, преисполненные презрения к избирателям: мол, вам нечего делать, проголосуете за нас. Сейчас даже у этих людей произошла серьезная трансформация взглядов. Те люди, которые выступали с позиций смердяковщины: «Все у нас заведомо плохое», и которым мы в свое время твердили: «Вы до тех пор не сможете получить поддержку народа, пока не поймете, что живете не в «этой», а в нашей стране, и до тех пор, пока не поймете, что слово «русский» — не плохое, а хорошее». Сегодня они уже говорят иначе. Тот же господин Чубайс является ярким примером подобной трансформации в направлении либерального патриотизма. Но наследие этой позиции, безусловно, осталось.

Как только мы сумели стабилизировать нашу новую российскую демократическую государственность, обнаружилось, что в мире прежнее понимание суверенитета уходит в прошлое. Я участвовал в десятках международных конференций, многие из которых проходят как бы на двух уровнях — госчиновников и общественности. Так вот на общественных конференциях последние пять лет проблема суверенитета является центральной, международное гражданское общество требует ограничения государственного суверенитета для решения самых разных проблем, терзающих человечество. Ведущие

страны мира тоже активно участвуют в построении новой международной системы ограниченного суверенитета.

Вся система существующих международных институтов раньше была построена, исходя из двуполярности мира и, между прочим, из признания ограниченного суверенитета большинства восточноевропейских стран («доктрина Брежнева») в виде вхождения в так называемый Варшавский договор. Если вы помните, министр обороны стран Варшавского договора имел двойное подчинение. С одной стороны, он подчинялся собственному Генсеку, а с другой — министру обороны СССР. Об ограничении суверенитета мы можем говорить и в случае «финляндизации», когда страны — неучастники блоков тем не менее теряли часть собственного суверенитета. Единственно суверенными оставались СССР и США как сверхдержавы. Иными словами, двуполярность мира была этапом в развитии человечества.

Сейчас де-факто мы перешли к однополярности. Кто-нибудь может внятно объяснить, почему не будет построен однополярный мир? В свое время Булгаков сказал так: котел, в нем вода, под котлом — огонь, по воде бродят пузырьки... Почему вы думаете, что вода не закипит? То же самое здесь. Мы имеем глобальную экономическую систему, в которой состояние нашего кошелька зависит от того, как пройдут выборы в Бразилии или Венесуэле. Создана мировая информационная система, мировая культура. Сегодня на дискотеках в Москве, Питере, Шанхае, Лос-Анджелесе, Берлине, Лондоне будут танцевать примерно под одну музыку. Люди пойдут в кинотеатры на одни и те же фильмы.

Создана глобальная экономическая система, мировая культурно-информационная сеть. Естествен-

но, для регулирования этих процессов нужен глобальный механизм принятия политических решений. По сути дела, мировое правительство. И мы живем с вами в интереснейшую эпоху формирования мирового правительства, которому, естественно, будут подчинены в той или иной степени и суверенитеты отдельных стран. Это будет сложная система. И она будет построена не сразу. Видимо, мы вошли в период становления этого мирового правительства, который продлится, может быть, пару десятилетий. Ряд стран будет при этом настаивать на большей степени своего суверенитета, часть — на меньшей. Но за суверенитет, между прочим, приходится платить. Поэтому разные народы будут самоопределяться поразному.

Мы, действительно, еще не определились. Еще не создана сама система новых мировых отношений. Мы находимся в переходном периоде. Отсюда — неясность функционирования армии, непонимание, зачем она нужна.

Считается, что многие русские обладают неким имперским сознанием. И под словом «империя» я никогда не подразумевал ничего плохого. Мне кажется, империя — весьма хорошее государственное устройство, при котором различные этнические группы не дерутся друг с другом, а подчинены центру, скажем, римскому сенату. И когда начинаются межнациональные разборки, Рим просто присылает центурию или пол-легиона, виновные наказываются по закону, и на этом смута заканчивается. Очень хорошая система. Граждане при этом, между прочим, могут свободно передвигаться по всей территории империи, а их права гарантируются имперским правительством. Мы хотели создать советскую империю — не получилось, эта империя рухнула. И не

нужно теперь пытаться на ее руинах строить бледную копию — евразийскую. Нужно участвовать в создании мировой. Тем более что она практически неизбежна. А если она не состоится, мир погрузится в состояние страшного хаоса и всеобщих войн.

Поэтому Россия должна участвовать в создании однополярного мира. Этим полюсом, конечно, не должны быть одни Соединенные Штаты. В этом мире должен существовать механизм принятия решений (консенсус), подобный существующему в Европейском союзе. И Россия должна быть одним из самых сильных государств в этом мире. Россия должна быть одной из самых могущественных партий в мировом коалиционном правительстве. Соответственно, для этого нужно много и много работать.

В условиях перехода к мировому правительству с ограниченным несимметричным суверенитетом проясняются функции нашей армии. Первую функцию несут Ракетные войска стратегического назначения, которые позволяют нам сохранить некий «корень» суверенитета и добиться того, что без нашего руководства на нашей территории не будут размещаться иностранные войска. И хотя многие говорят о том, что значение РВСН снижается ввиду того, что ядерное оружие никогда не будет применено, я считаю, что Россия на самом деле была очень близка к решению о применении ядерного оружия в 1999 году. Если бы пал Дагестан, вслед за этим, как карточный домик, посыпались бы другие северокавказские режимы, и образовалось бы мощное мусульманское государство во главе с Басаевым и Хаттабом, то с большой вероятностью, в условиях слабости тогдашней армии, руководство России было бы вынуждено применить тактическое ядерное оружие. Большинство специалистов сегодня считают, что в ближайшие де-

сять лет вероятность применения ядерного оружия в локальных конфликтах составляет более 50 процентов. Поэтому проблема применения ядерного оружия по-прежнему является не только теоретической проблемой.

Вторая функция армии — участие в интенсивных и быстротекущих локальных конфликтах типа «Бури в пустыни», операции ВС США в Афганистане.

Третья важнейшая составляющая — участие в локальных конфликтах низкой интенсивности (например, курдский, чеченский и т. д.). Таких конфликтов на сегодня в мире больше сотни.

И четвертая функция — участие в военно-техническом сотрудничестве, в том числе в рамках международных миротворческих операций. Что подразумевает не только поставки оборудования, но и обучение специалистов. У нас великолепная военная школа. И обучение спецов, поставка военных технологий, технологий управления, проведение совместных учений — это на самом деле очень важный процесс формирования единого мирового правительства, инструмент принуждения к исполнению его воли.

В мире еще будут внимательно изучать наш опыт войны в Чечне. Он уникален. Почему слабая армия, которая неоднократно предавалась высшим государственным руководством, стала побеждать? Путин сделал главное: власть перестала предавать свою армию. Это самый главный урок Чечни.

Игорь ЯДЫКИН:

— Почему все видят процесс, но не верят в построение однополярного мира? Мир, по замыслу Божьему, не может быть однополярным. Даже ны-

нешний строится на противопоставлении «добра» «злу» в виде сначала СССР, затем мирового терроризма, стран-изгоев и т. д.

Александр ДУГИН:

— Есть разные философские модели устройства мира. Двухполярный мир можно представить себе, как плюс и минус, однополярный — как центр и периферию.

Сергей МАРКОВ:

— Любой конфликт может быть перемещен внутрь. Например, конфликт между консерватизмом и либерализмом может продолжаться и внутри однополярного мира. И не надо интерпретировать замысел Божий — его, скорее, надо пытаться познать.

Александр ДУГИН:

— Теоретически однополярная модель возможна, поскольку биполярность в законченной форме существовала только после Второй мировой войны, после 1947 года. Хотя, согласно геополитике, она потенциально наличествовала всегда в виде дуализма цивилизаций морского и сухопутного типов.

Я полагаю, что *однополярность,* как она складывается в нынешнем мире, *не является оптимальной формой мироустройства.* Она ущербна уже с нравственной точки зрения, так как существует плюрализм ценностных систем, а нынешняя однополюсность основывается только на одной из них — на западноевропейской, светской, либерально-демократической.

Во-вторых, с чисто прагматической точки зрения я полагаю, что сегодня не созданы достаточные пред-

посылки для непосредственного создания однополярной системы *без промежуточного этапа*. Технологически этим промежуточным этапом должна была бы стать *многополярность*. Речь идет о появлении на месте двух сверхдержав не одной гипердержавы, но нескольких самостоятельных *«больших пространств»,* своего рода *государств-континентов*. Примером такого большого пространства, которое вполне может в будущем обрести полноценную геополитическую суверенность, является Евросоюз. Действительно, и я здесь согласен с Сергеем Александровичем Марковым, *суверенность в нашем мире защитить в одиночку невозможно*. Даже Советский Союз, включая Варшавский договор, был недостаточен для поддержания суверенности и поэтому, кстати, распался. Сама однополюсная система появилась именно из-за того, что суверенитет второго полюса не мог быть далее обеспечен. Но, на мой взгляд, сама нынешняя однополярная система — это лишь логическое инерциальное продолжение старой двухполярной системы при исчезновении одного полюса.

Мы должны, напротив, идти к концепции новой имперской плюри-суверенности (многосуверенности), к организации мира по новому принципу, по принципу *«больших пространств»:* американское большое пространство, европейское (или евро-африканское) большое пространство, паназиатское большое пространство, евразийское большое пространство, возможно латиноамериканское, арабское и панафриканское. Каждое из этих больших пространств должно быть не полностью, но лишь относительно суверенным. Оно не может по собственному усмотрению объявлять войну другому большому пространству, хотя именно это право и составляло сущность суверенитета в эпоху государств-наций. Но тем не менее каждое боль-

шое пространство должно быть полноценным и абсолютным хозяином в своих пределах и должно иметь возможность предотвратить посягательство на свою свободу внешних сил. Будущий мир должен состоять не из государств и не из одного «мирового государства» во главе с «мировым правительством», но из империй.

Сергей МАРКОВ:

— С этим я согласен. Процесс формирования единого человечества, единого мирового правительства займет на самом деле несколько десятилетий. И поэтому о полном исчезновении суверенитетов говорить нельзя. Но мы должны, безусловно, абсолютно четко сознавать, в чем граница этого суверенитета. Не может быть сегодня безграничного суверенитета, тем более для отдельной страны.

Давайте посмотрим, в чем состоит главное противоречие для США, за что их история бьет и будет бить в ближайшие годы по голове еще много раз. США, являясь лидером создания мирового правительства, глобальной империи, в которой люди, в принципе, будут жить значительно лучше, чем вне ее, постоянно настаивают на своем собственном суверенитете. Это вызывает общее недовольство. Это видно хотя бы по Международному уголовному суду в Гааге, важнейшему инструменту мирового правительства. Или по Киотскому протоколу. США не хотят подчиняться. И за это их будут бить и бить, и добьют, между прочим. В этой войне с миром победят не США, абсолютно точно.

Александр ДУГИН:

— Те большие пространства, о которых я говорил, предполагают существование мощных вооруженных структур. В случае Евразии это означает создание на

базе Российской армии и армий стран СНГ единой интегрированной мощной *евразийской армии,* как стратегического выражения экономических и политических структур ЕвроАзЕС, СНГ. В принципе в мае 2002 года был подписан между ВС стран СНГ Договор о коллективной безопасности, что является конкретным шагом в этом направлении. Я предвижу в будущем ускоренное развитие самостоятельных от США и даже от НАТО европейских ВС с опорой на франко-германские войска, так называемые Eurocorps.

Обратите внимание, что и сами американцы сегодня не совсем ясно представляют себе, как решить вопрос суверенности — в том числе и стратегической — в новых условиях. Они колеблются между глобализмом и индивидуальной государственной суверенностью: то они проводят практически единоличные операции (со своими прямыми союзниками и историческими предшественниками англичанами), то обращаются за помощью и санкциями к Совету Безопасности ООН. У США налицо некоторая раздвоенность. Органичнее всего будет для них ограничиться ролью американского большого пространства, вернувшись к масштабу доктрины Монро и последовав проекту правых республиканцев, давно уже утверждающих вместе с Пэтом Бьюкененом, что «США, выиграв битву за мир, проиграли битву за собственную страну, сохранение собственной американской идентичности входит в жесткое противоречие с глобальными интересами США» (П. Бьюкенен «Смерть Запада», 2002).

Я убежден, что будущее Российских ВС лежит только в процессе их превращения в евразийские ВС, перед которыми будут стоять намного более масштабные задачи, соответствующие великим героиче-

ским традициям нашей Российской армии. Они должны отвечать за безопасность всего евразийского большого пространства.

Это предполагает три уровня.

Первый — сохранение ядерного оружия, как главного средства сдерживания в отношении потенциальных угроз со стороны других больших пространств. Более того, нашим национальным интересам вполне созвучно и то, чтобы ограниченным ядерным потенциалом обладали и иные большие пространства. Иными словами, пролиферация ядерного оружия — сегодня вполне в интересах Москвы. В первую очередь, Европа. *Сильная, независимая и могучая ядерная Европа, свободная от американского стратегического кураторства, была бы важнейшим гарантом безопасности России, всей Евразии.*

В этом отношении России чрезвычайно выгодно развитие российско-европейского военного сотрудничества, учет нашего ядерного потенциала, как важнейшего гарантийного фактора стратегического становления независимой Европы.

На втором месте выгодно нам сотрудничество в этой области с рядом азиатских блоков и больших пространств.

Я убежден, что однополярность либо добровольно, либо принудительно рухнет — она явно созидается поспешно и не вовремя, и в ситуации этого кризиса Россия должна сохранить пусть урезанную, но все же довольно выпуклую геополитическую и стратегическую субъектность, что невозможно без сохранения и даже укрепления ядерного потенциала.

Именно геополитические задачи диктуют логику военной реформы российских ВС. То, что мы сегодня делаем в силу экономической необходимости — продажа оружия и военных технологий, делегирова-

ние военных экспертов и советников и т. д., — пока осуществляется спонтанно, как вынужденное средство выживания военного организма. На мой взгляд, нам следует вписать это в более открытую и прозрачную стратегию: если мы от концепции Российской армии перейдем к концепции евразийской армии и выдвинем тезис об открытой поддержке стратегической многополярности, те же самые процессы приобретут логичность, последовательность и цельность. Новый и вполне понятный смысл приобретет и экспорт вооружений: как важнейший гарант безопасности многополярного мира, Россия сможет продолжать и развивать эту деятельность открыто и последовательно, продуманно и планомерно.

На мой взгляд, Европа заинтересована в таком повороте событий не менее, чем Азия. Военно-политическое партнерство и сотрудничество с Европой могло бы свидетельствовать и о нашей открытости Западу, быть наглядным проявлением нашего демократизма, гуманности, цивилизованности, но при этом вполне соответствовать и нашим прямым геополитическим, евразийским, имперским (в лучшем смысле этого слова) интересам.

Я считаю, логика действий нашего президента, когда он говорит о приеме России в НАТО, преследует именно эту цель. Понятно, для некоторых консервативных умов это звучит как богохульство — вступить в логово врага. Но это очень дальновидная линия, отвечающая нашим национальным интересам. Сегодня сама континентальная Европа выглядит в НАТО на фоне ВС США и Англии неким малозначительным придатком. А если вступим в НАТО мы, то поможем Европе существенно усилить ее стратегический потенциал; в таком случае она перестанет быть только частью атлантического полюса и превратится в самостоятельный субъект геополитики.

Конечно, американцы никогда нас в НАТО не примут. Но сам жест — просьба о вступлении — очень важен. Это важнейший знак Европе. На мой взгляд, Россия может очень много приобрести в экономике, технологиях, политике, реализуя дипломатический, стратегический, позиционный потенциал своего географического местоположения. Мы могли бы служить, грубо говоря, «разводящими» между Азией и Европой, поставлять оборонные технологии и туда, и туда. Нам нужна не новая закрытость, а открытость, но не абсолютная — всему и всем, — а *относительная, избирательная*.

На этом пути у нас есть две смертельные ловушки — глобализм и национализм. Глобализм уничтожит нашу самобытность, нашу цивилизационную идентичность. Но не менее опасна и другая крайность: если мы объявим возврат к полной автаркии — которой мы не выдержали и в куда более выгодных исторических обстоятельствах, — на нашем будущем можно будет ставить крест.

Без внешней помощи, в том числе и военно-стратегической, восстановления стратегического суверенитета в новых условиях мы ни за что не добьемся. Но надо очень внимательно и избирательно выстраивать модель этого сотрудничества.

В данных условиях евразийское стратегическое мышление и, в частности, реализация договора о коллективной безопасности стран СНГ приобретают ключевое значение. Идя по этому пути, мы могли бы придать военной реформе, всему военно-техническому сотрудничеству с зарубежными партнерами созидательное направление — прозрачное и конструктивное, приносящее стране колоссальные политические, экономические и стратегические дивиденды.

Глеб ПАВЛОВСКИЙ:

— В мире воюют сразу несколькими видами вооружений, несколькими поколениями вооружений, и даже классическое ОМП, оказывается, — не последнее. Буш проявил правильное чутье, сказав, что вашингтонский снайпер — новая форма вооруженного террора. То же самое и взрывы в Индонезии, в Йемене. Перед нами своего рода новое, дешевое комбинированное ОМП. Его комбинированность существует как на уровне применяющего, так и на уровне поражаемой цели: применяющий оружие сам является его важной составной частью, увеличивающей вред и шок удара, а поражаемый испытывает поражение, как правило, не от локального удара, а через сети коммуникаций, включая информационные, политические и финансовые.

Комбинированное оружие располагает рядом свойств — например, вести одновременно несколько войн на разных территориях, в том числе против тяжеловооруженных держав. Но еще хуже, что это дешевое оружие. Уже гитлеровские блицкриги были комбинацией военных и информационно-политических ударов, часто недорогой. При штурме Бельгии немцами в 1940-м группа из 80 планеристов предрешила захват мостов и фортов и тем самым падение Бельгии, прорыв к Дюнкерку, едва не завершившийся пленением английских войск. Но сегодня на любом средиземноморском курорте вы найдете куда большее число дельтапланеристов, чем 80.

А кто такие террористы? Дешевые ландскнехты, численность и среда которых непрерывно растут и склонность подражать которым — тоже. Любое руководство по экологическим угрозам, справочник по выживанию, учебник по современной экономике —

все они могут стать «поваренной книгой террориста».

Атаки на Бали, Вашингтон и Хельсинки для нас не повод к злорадству. Вспомним о собственной коммуникативной уязвимости — современные массовые коммуникации — единственное, что у нас на передовом уровне. Мы — небогатое общество, располагающее скромными ресурсами, зато живем информационной жизнью «не по средствам». Это делает нас особенно уязвимыми для психических атак террористов. А много ли надо для угрозы современным коммуникациям?

Атаки террористов все чаще рассчитаны, как удар по экономике. Недавние взрывы на Бали нанесли тяжкий, долговременный удар по ориентированной на туризм экономике Индонезии. Нельзя исключить, что в будущем аналогичные атаки могут прямо заказываться террористам вашими конкурентами.

Наше чувство справедливости сегодня часто и законно оскорблено односторонними действиями на мировой арене. Но есть ли у мирового сообщества сегодня дееспособные альтернативы? Гражданам США и Израиля, во всяком случае, пока не ясна реальная альтернатива превентивным действиям явочным порядком.

В современном мире удар может быть нанесен миролюбивым правительством, не питающим агрессивных намерений по отношению к стране—объекту удара. Например потому, что на вашей территории — с их точки зрения — размещена часть инфраструктуры противника. Избежать удара можно только: а) подавив террористическую структуру у себя дома; б) будучи способным нанести ответный удар.

В близком будущем выделится группа стран, которые способны проконтролировать возникновение

таких угроз в своих зонах ответственности и защитить от них другие нации. Этих стран не может быть много, но это не может быть и не будет одна страна. Россия обязана располагать и силой, и должной легитимностью для превентивного отпора угрозам, в том числе и таким, которые требуют нанесения ударов по чужой территории. Для этого Россия должна окончательно позиционироваться как «та, кто может бомбить, но не та, которую можно бомбить».

Я убежден, что в наступающей эпохе служба в армии и гражданство будут тесно взаимообусловлены, они не будут достоянием кого угодно. Нельзя будет считаться гражданином и иметь право выбирать руководство страны, не пройдя службы в армии, живя чужаком. (Исключения возможны, но только «штучные», связанные с особыми заслугами и достоинствами гражданина.)

Война — это наименее разрушительная из форм применения физической силы там, где проблема иным способом неразрешима. Война не увеличивает, а экономит насилие в человеческом обществе, она «убийственно рентабельна». Именно поэтому, кстати, война не дает права на военные зверства, как хирургия не дает права на садизм. Войны неизбежны, пока бездействующее старое международное право не будет восстановлено — но уже на базе новой расстановки сил. Отсюда прямая необходимость для России входить в клуб мировых лидеров, способных подавить терроризм на своей территории и поэтому имеющих право преследовать его вне национальных границ.

Николай ЕФИМОВ:

— Бесспорно, необходим новый взгляд на НАТО с учетом принципиально новой геополитической реальности. На Китай ведь мы не смотрим с позиции

1969 года. Идеализировать западноевропейцев и американцев глупо, но так же вредно демонтировать их. Конечно, в отношениях с посткоммунистической Россией они исходят из своих национальных интересов, а ныне еще и пользуются нашей слабостью. Но это естественно с точки зрения геополитики. Жизнь мирового сообщества всегда была жестока. За место под солнцем нового мира надо бороться. И, чем скорее наше общество осознает жизненную необходимость для России играть на международной арене по иным правилам, нежели до 1991 года, тем более благоприятные позиции нам удастся занять в новой конструкции мироустройства. Да, эти правила выработаны не нами, но сама советская элита виновата в крахе державы, бездарно распорядившись после 45-го года уникальным историческим шансом. Новый внешнеполитический курс Президента, к сожалению, понят сегодня далеко не всеми.

Александр ДУГИН:

— На мой взгляд, современным российским военным нужен новый кругозор. В значительной степени, планетарный. Нам нужно сформировать новое военное самосознание. Интересы России меняются. Они иные, чем были двадцать лет назад. И очень важно, чтобы наш армейский корпус учился мыслить категориями геополитики, понимая контуры нового мира.

Сергей МАРКОВ:

— Тем самым офицерский корпус России, ее генералитет мог бы участвовать в принятии решений. В чем состоит, на мой взгляд, главное противоречие переходного периода к системе ограниченных суве-

ренитетов, к формированию глобальной системы принятия решений? Его можно назвать «бунтом традиций». Наиболее политически ангажированный бунт традиций концентрируется сегодня, на мой взгляд, в исламизме. Я полагаю, что в начале XXI века политический исламизм играет ту же роль, которую в конце XIX — начале XX века играл мировой коммунизм. Логика мирового коммунизма была такова: мы требуем более равных условий для бедных классов. Вы, богатые, должны поделиться. Главное сегодняшнее требование исламистов: мы требуем лучших условий для бедных народов. Вы, богатые народы, должны поделиться. К этому добавляется бунт против космополитической культуры, размывающей понятия добра и зла. И понятно, что борьба с политическим исламизмом будет значительно более тяжелой, нежели борьба с мировым коммунизмом. Решение этой проблемы только путем военного подавления невозможно. В свое время Бисмарк запретил социал-демократическую партию Германии. Через пятнадцать лет запрета выяснилось, что число голосующих за нее людей увеличилось в два с половиной раза. После этого великий Бисмарк расписался в крахе своей политики, разрешил социал-демократическую партию и ушел в отставку.

Из этой ситуации неизбежен военно-политический выход. С одной стороны, необходимо подавление радикальных группировок (борьба с международным терроризмом), с другой стороны — выполнение требований политического исламизма, главное из которых — дать возможность для развития миллиардам людей бедных регионов Земли.

Запад будет вынужден пойти на это. Изначально европейские элиты рассматривали социалистов как ниспровергателей, потом умеренную часть ввели в

парламенты и правительства, реализовав в конце концов их требования, построив современные социальные государства.

Напомню маленький пример из истории на тему, что такое забастовка. Представьте: я за свои деньги купил завод, нанял людей, а теперь они мне говорят: поднимай нам зарплату. Тогда, в XIX веке, это казалось дикостью. А теперь право на забастовку стало законом. Я глубоко убежден, что будет выполнено и требование стран третьего мира на отмену права на интеллектуальную собственность в сфере компьютерных и информационных технологий, на свободу передвижения людей из бедных стран по Европе и США. И впереди нас ждут грандиозные программы по борьбе с мировой бедностью и неразвитостью.

Александр ДУГИН:

— О терминологии. «Политический исламизм» не совсем то же самое, что «исламский мир». Это экстремальная и даже еретическая форма проявления довольно узкого маргинального сектора исламского мира. Очень важно противодействовать на всех уровнях радикальному исламу, который сопряжен с террористической практикой. Но исламу традиционному нужно, безусловно, пойти навстречу. Даже в однополярном мире *фактор традиций* никуда не исчезнет и будет давать о себе знать. В конечном счете, он и сам может привести эту однополярность к краху.

Сегодня все говорят об унификации информации, молодежной культуры и т. д. Но приведу такой пример: если мы отъедем на десяток километров от Мадрида и посетим испанскую молодежную дискотеку, мы услышим не американский рэп и другие космополитические мотивы, но электронные обра-

ботки фламенко. И танцуют юноши и девушки с элементами традиционной испанской пластики. Я думаю, фактор культуры и самобытности проступит в процессе глобализации с новой неожиданной силой. Что мы уже и видим. Растет зазор между европейской и американской универсальной традициями. Я уже не говорю о России и Евразии. И, обсуждая политические, социальные и военные технологии, мы не должны забывать о своей культурной идентичности.

И мусульмане дают здесь нам пример. Хотя у Евразии, евразийства есть своя собственная ценностная модель. Она многомерна. А значит, сама по себе демократична и многополярна. В ней найдется место и христианству, и традиционному исламу, и иудаизму, и буддизму, и другим религиозным и культурным формам.

Сергей МАРКОВ:

— Позволю себе одну реплику. Традиционализм сегодня развивается даже в Америке. Отъезжайте в какую-то глубинку и увидите, как в ресторанчиках местные массовики-затейники учат посетителей танцевать ковбойские танцы. И в этой глубинке ненавидят Уолл-стрит. Ненавидят значительно больше, чем у нас. Традиционалистская, мессианская Америка, идейная наследница первых американских протестантов, которые приехали в нее со своими строгими моральными принципами, сегодня бунтует против космополитизма. И, очевидно, это противоречие между традиционализмом и космополитизмом станет главным противоречием нового времени. Оно не уйдет, ибо долго еще никто никого не победит.

Игорь ЯДЫКИН:

— Главный вопрос: готов ли мир морально к своей будущей однополярности?

Сергей МАРКОВ:

— Еще два-три года назад на этот вопрос не было ответа ни у США, ни у Европы. Были асимметричные, ситуативные союзы. А сегодня, после 11 сентября, политики получили от граждан карт-бланш на политику, подавляющую суверенитеты, за которыми прячется мировой бунт. Наш интерес на самом деле — это развитие НАТО и трансформация его в новую систему безопасности, в «двадцатку», в которой Россия играла бы ключевую роль.

Александр ДУГИН:

— Почему так сложно сегодня говорить об этом? Потому что не только у нас идет пересмотр большинства понятий и терминов, проектов и доктрин. Евросоюз создавался для укрепления атлантического влияния против СССР и стран Варшавского договора. Когда он из проекта стал явью, был уже *совершенно другой мир*. Задуманный как орудие американоцентричной атлантистской стратегии, *Евросоюз сам оказался сегодня на пике противостояния однополярному (атлантистскому) американоцентричному миру.* При этом развитие геополитических функций Евросоюза, его становление опережают самосознание европейцев. Евробюрократы мыслят по-старому, а вот немецкие банкиры, которые в огромной мере финансируют процесс европейской интеграции, мыслят так же, как мы. Хотя вслух и не говорят об этом.

То, о чем мы с вами говорим сейчас, есть математически точное описание процессов, которые проис-

ходят в мировой стратегии, без пропагандистских призывов или дипломатических фигур речи. Чаще всего об этом говорят намеками, завуалированно.

Даже доклад ЦРУ «Глобальные трэнды к 2115 году», где, например, можно встретить такой термин, как «негативная легитимность постсоветского пространства», полон инерциальных клише эпохи «холодной войны». Российское влияние в пространстве СНГ рассматривается, в частности, как негативное и по сути, «нелегальное». Это пример некритического глобализма. Даже в аналитическом сухом материале мы сталкиваемся с моральной оценкой и агрессивной русофобской пропагандой: почему, собственно, влияние современной демократической России на постсоветском пространстве должно быть проявлением «негативной легитимности»?!

Иными словами, сами американцы не готовы осмыслить то, что им попало в руки после распада второго полюса (не будем говорить, каким образом), и нести ответственность за это.

Наше общество, со своей стороны, еще менее готово ясно осмыслить свое положение, потому разные сектора этого общества пребывают в разных социально-политических состояниях. Кто-то продолжает мыслить, как позавчера, — по-советски: кто-то — как вчера, по-«реформаторски»; кто-то только пытается осмыслить новые реальности, но шаги робки и нетверды...

И европейское общество также не готово к ясной картине новой геополитики. Европейцы продолжают видеть на Востоке угрозу, а за океаном защиту, хотя сегодня все обстоит с точностью до наоборот...

Но кто-то все равно должен это сделать первым: мужественно осмыслить положение вещей, выстроить новую стратегию, развить реалистичный уравновешенный проект грядущего мироустройства...

Сергей МАРКОВ:

— Я считаю, что экономическая элита страны готова к новым реалиям. Хотя она сама еще толком не встала на ноги. Ее мозги, продутые холодными и яростными ветрами перестройки и постперестройки, более открыты. Нашим, условно говоря, есть что терять. И они более готовы к риску, в отличие от западных.

Что касается реформирования армии, то, на мой взгляд, главным его направлением должно стать развитие конкретных сил, отвечающих за противодействие тем вызовам, о которых я уже говорил. Первое, повторю, ракетные войска стратегического назначения. Второе: мобильные части и системы вооружений. У нас должна быть достаточно мощная группировка, готовая быть переброшенной в самые короткие сроки в любую точку мира и вести там необходимые боевые действия. Как показала практика американцев в Афганистане, исключительно важно иметь и военные базы, и мощный океанский флот, способный быстро перемещаться. Нужно иметь, если сказать просто, офицерские части, которые умели бы воевать. При этом огромные массы нынешней армии должны быть радикально уменьшены. Когда я смотрю на нищих солдатиков, бредущих по улицам городов наших, возникает мысль, зачем они здесь нужны? К чему они готовятся?

Я недавно купил «Ниву», поскольку был одним из тех, кто поднял идею покупать только отечественные машины, и с изумлением узнал, что ее надо ставить на учет в военкомате. Это бред! Человек, принявший это решение, очевидно, полагает, что к нам придут миллионные армии завоевателей и мы мобилизуем у населения «Нивы» и мотоциклы... Зачем? Зачем раздражать десятки тысяч владельцев «Нив»? Зачем де-

лать в их глазах армию врагом, который норовит залезть в их карман?

Армия должна быть уменьшена во много раз. Нужен переход не просто на контрактную, а, по сути, на офицерскую армию. Американцы тоже приходят к этому. У них сержант, если называть вещи своими именами, фактически решает офицерские задачи.

Что касается всеобщего призыва. Во-первых, справедливо было бы внести положение о том, что высшие государственные должности имеют право занимать только те, кто отдал государству воинский долг, может быть, не только в форме военной службы, но и гражданской альтернативной. Помните проблемы с Клинтоном? И это правильно. В этом предложении есть то, над чем можно подумать. И между прочим, идею платы за непризыв я считаю очень правильной. Сейчас эта плата нелегальна. Если мы сохраним все так, как есть, дети богатых родителей по-прежнему не будут служить в армии, но будут делать это незаконно. Думаю, это может стать одним из механизмов финансирования армии. Причем плата за неслужение может быть неодноразовой.

Второе направление — это альтернативная служба. Современные законы фактически закрывают возможности для нее. Но мы должны понять, что создание нормального закона об альтернативной службе — один из важнейших инструментов сохранения самого института призыва. Если не будет альтернативной службы, то в условиях сокращения армии механизм призыва просто отомрет как ненужный. Тем более в современных условиях кто важнее: солдатик, которого не могут и накормить толком и который, как мы понимаем, никогда не сможет выполнять серьезную военную задачу... или человек, помогающий инвалидам в домах престарелых? На самом деле

реально важнее второе. У нас колоссальные проблемы в социальной сфере, и мы должны открыть по максимуму возможность молодым людям заниматься альтернативной службой.

Когда говорят о низком качестве призывников, думаю, нам надо воспринимать это как реальность, а не прятать голову в песок, что мы делали раньше. Да, в какой-то момент общество вступило в период страшной деградации. И в армию будет приходить, извините за цинизм, человеческий материал очень низкого качества. Который и психически нездоров, и склонен к наркотикам, к пьянству. Ну и что же? Надо просто изменить ситуацию. Сие означает, **что, как в 20–30-е годы прошлого века, армия должна взять на себя функции школы.** То есть принять человека асоциального, неподготовленного и выпустить его из армии значительно более подготовленным не только к службе, но и к жизни. Таковы ее функции, которые, между прочим, должны соответственно финансироваться. Но для этого военное руководство должно поставить перед государством эту проблему.

С этой точки зрения мы должны посмотреть на, как я считаю, главнейшую сегодняшнюю проблему, связанную с возрастающей криминализацией армии. Я полагаю, что власть в казарме сегодня принадлежит офицерам только от подъема до отбоя. А от отбоя до подъема власть в ней принадлежит криминализированным элементам. К сожалению, это беда не только армии. Эти криминализированные элементы должны быть, конечно, раздавлены. Почему матери боятся отдавать в армию своих сыновей? Не только ведь из-за Чечни. Самое главное — матери боятся отдавать своих сыновей в лапы казарменного криминалитета. Чтобы кардинально изменить ситуацию, это изменение надо поставить в ранг важнейшей поли-

тической задачи. С этой точки зрения решающую роль должен сыграть максимальный гражданский контроль над порядком. Никогда непосредственный начальник не определит, хороший офицер или плохой. Это должны иметь возможность определять институты гражданского общества. И, для большей объективности, не столько матери, сколько гражданские институты в местах несения службы. А армия должна быть инициатором создания наблюдательных советов из числа представителей гражданского общества. И общество должно в огромной степени усилить свой контроль над тем, что происходит в армейских казармах, и помогать офицерскому составу в установлении нормальной службы и жизни наших граждан.

Два момента недавней истории. Я считаю огромной заслугой офицерского корпуса то, что он не допустил военного переворота в условиях, когда государственное руководство, по существу, предавало интересы страны, а потом бросило армию на произвол судьбы. Вместо того чтобы организовать военный переворот, чего ожидали многие иностранные аналитики, в этих условиях офицерский состав предпочел путь самоубийства (как мы знаем, тысячи офицеров покончили с собой). Российский офицер проявил полную лояльность к политическому руководству, несмотря на то, что оно было плохим. Это было подвигом российского офицерства.

И второй пример: возрождение армии во время второй чеченской войны. Причина проста. Армия участвовала в войне, которую считала абсолютно справедливой, и вела ее при поддержке большинства своего народа. Хотя, помню, так называемые военные аналитики в некоторых СМИ доказывали, что российская армия не способна взять Грозный и т. д.

Помню, сказал им в ответ: армия формируется не тогда, когда ей дадут больше денег, армия формируется тогда, когда она чувствует, что сражается за правое дело при поддержке своего народа. И это возрождение, я считаю, состоялось. Сейчас, воспользовавшись этим моральным возрождением и тем, что нами правит президент, который не предает свою армию, необходимо сформировать систему ответов на вызовы, которые выдвигает время.

Александр ДУГИН:

— Как претворить в жизнь пожелания, которые прозвучали здесь? Кто должен быть их инициатором?

На мой взгляд, в современном обществе огромную роль играет *образ*. Образ, не подчиняющийся ни чиновнику, ни функционеру, ни политику, ни лицу, принимающему конкретные решения. Это свойственно так называемому «медиакратическому обществу», где знак начинает жить самостоятельной жизнью, косвенно управляя и политиком, и финансистом, и чиновником, и обывателем. Я предлагаю *кардинальным образом изменить образ армии,* опираясь на те средства, которые у нас сейчас есть. *Не саму армию, а образ армии*.

Образ этот можно изменить здесь и сейчас путем ряда технологических, политтехнологических, медиакратических шагов. Если мы начнем формировать совершенно новый образ нашей армии, армии с принципиально новой функцией, с новой социальной ролью и с новым уровнем самосознания, уже тем самым мы повлияем и на законодателей, которые принимают решения, и на гражданское общество, и на военное руководство. *Изменение образа — это то, что мы можем сделать сами*.

Мы — это ограниченная группа людей, которая озабочена судьбой российской государственности: аналитики, философы, сотрудники СМИ, члены экспертного сообщества.

У меня есть конкретное предложение: создать некую *инициативную группу, которая могла бы безотлагательно приступить к формированию нового образа армии*.

Одна из тем, заслуживающих живейшего обсуждения, — реидеологизация армии. Хотим мы того или не хотим, армия должна быть носителем патриотического самосознания и определенного ценностного заряда, который позволит в рамках самих ВС раздавить голову гидре разложения, хаоса, криминалитета, о которых шла речь.

ОГЛАВЛЕНИЕ